

302.6 (Д2Г)
П81

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА
ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО
ДАГЕСТАНА

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА
ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО
ДАГЕСТАНА

Сборник статей

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1988

Махачкала 1988

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник посвящен изучению древних и средневековых ремесел и промыслов Дагестана, в число которых входят стеклоделие, камнеобработка, металлообработка, косторезное дело, гончарное производство, мореходное дело и др. Роль ремесленного производства в экономике и процессах становления древних и средневековых обществ хорошо известна и фундаментально освещена в трудах классиков марксизма-ленинизма. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство» — писал Ф. Энгельс (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163) и основным показателем зрелости той или иной общественной системы является уровень развития каждой из этих крупных отраслей. Количественный и качественный показатель развития ремесленного производства, его структура, уровень организации и оснащенности позволяют осветить социально-экономическую сущность всей общественной системы и выявить ее качественные рубежи.

Важность и актуальность проблем производящей экономики объясняет тот особый интерес, который проявляют дагестанские археологи к вопросам формирования и развития на Сереве-Восточном Кавказе обществ с развитым товарным производством, охватывающим широкую сферу специализированных ремесел и промыслов.

Исследование древнего и средневекового ремесленных производств Дагестана позволяет с известной полнотой осветить ряд сложных вопросов, связанных с их генезисом, технологическим прогрессом и степенью организации. Анализ многочисленных и разнообразных археологических материалов, охватывающих большой хронологический диапазон, дает возможность авторам сборника рассмотреть уровень экономического развития местного общества в конкретные исторические периоды, показать пути и основные этапы становления отдельных отраслей ремесла, проследить процессы их специализации и территориальной концентрации, дать технологию изготовления и типологию отдельных видов ремесленной продукции.

Сборник открывает статья М. Г. Гаджиева «Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы». В ней автор рассматривает одну из древнейших отраслей производства — каменную индустрию и на основе обширного материала дает типологию и хро-

СОСТАВИТЕЛЬ

канд. ист. наук М.-С. Гаджиев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Г. Гаджиев, М. С. Гаджиев, А. А. Кудрявцев (ответств. редактор)

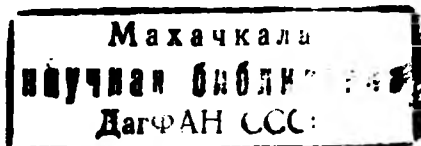
РЕЦЕНЗЕНТЫ:

канд. ист. наук Л. Б. Гмыря
канд. ист. наук Г. С. Федоров

В сборнике статей на основе анализа данных археологии исследуются различные промыслы и ремесла Дагестана эпохи ранней бронзы, албано-сарматского и средневекового периодов, определяется уровень развития отраслей производства, рассматриваются вопросы экономического развития края. В научный оборот вводятся материалы археологических раскопок последних лет в Дагестане.

Сборник адресован археологам, историкам, этнографам, всем интересующимся древней и средневековой историей Дагестана, Кавказа.

140226

нологию каменных изделий, технологию их изготовления, классификацию каменного инвентаря, проводит параллели с соседними регионами. Анализ каменного инвентаря, и в частности сверленных топоров, позволяет сделать автору важный вывод о том, что в эпоху ранней бронзы Прикаспийский Дагестан выступает важным связующим звеном между Юго-Восточной Европой и Передней Азией, показать развитие камнеобработки по сравнению с предшествующим периодом, роль этой древнейшей отрасли производства в экономике общества, когда камень на первых этапах раннебронзовой эпохи успешно соперничал с металлом.

Статья М. С. Гаджиева «Ремесла и промыслы Дербента албанского времени» посвящена исследованию ремесленного производства и промыслов одного из самых ранних дагестанских городов — Дербента. Автор анализирует обширный материал албанского времени и приходит к выводу, что этот древнеалбанский город в указанный период выступает как один из значительных торгово-экономических центров Дагестана и всей Кавказской Албании, в котором существовали и успешно развивались все основные отрасли древнего ремесла: гончарство, металлообработка, камнеобработка, ткачество, строительное дело. Выявленный подъем ремесленного производства города на рубеже — в первых веках н. э., автор справедливо связывает с расширением международного товарообмена по Прикаспийскому пути и ростом внутридагестанских рынков.

Вопросы косторезного дела освещаются в статье Л. Б. Гмыря «Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV—VI вв. н. э.)» Хотя вопросы обработки кости рассматривались в ряде работ, связанных с развитием древнего и средневекового ремесла Дагестана, подобная специальная статья, посвященная этой отрасли ремесленного производства, является первой в дагестанской историографии. На основе большого материала в статье дается классификация и определяется функциональное назначение предметов из кости и рога, анализируются приемы и технология их обработки, приводится описание орудий труда. Автор приходит к выводу о весьма высоком уровне развития косторезного дела у обитателей южнодагестанской плоскостной и предгорной зоны в IV—VI вв. н. э.

В статье Б. М. Салихова «Новые материалы о ремесленном производстве Дагестана (по данным Хивского могильника IV—V вв.)» рассматриваются обширные материалы сер. I тыс. н. э., обнаруженные в разрушенных склепах могильника. Автор кратко характеризует погребальные сооружения и обряд исследуемого могильника и дает тщательный анализ и классификацию погребального инвентаря: керамики, предметов вооружения, конской упряжи, орудий труда, украшений и принадлежностей одежды. В заключение делаются выводы о довольно высоком уровне развития керамического, металлообрабатывающего ремесленного производства у населения этих районов Южного Дагестана в IV—V вв. н. э.

Статья А. А. Кудрявцева и С. В. Гусева «Мореходное дело и рыболовный промысел в средневековом Дербенте (VI—XIII вв.)» посвящена малоизученным проблемам мореходного дела и рыболовного промысла на Каспии и отраслям городского ремесла, связанным с ними. Новые археологические данные, и в первую очередь материалы подводных исследований в Дербенте, позволяют авторам впервые осветить ряд вопросов, связанных с ролью мореходства и рыболовства в экономике средневекового города и рассмотреть некоторые аспекты мореходства и морского дела на Каспии в средневековый период.

В статье А. А. Кудрявцева «Стеклоделательное производство Дербента XI — середины XIII в.» исследуются вопросы производства стекла в средневековом дагестанском городе, рассматриваются этапы развития и генезис этой, специфически городской, отрасли ремесла.

Данная публикация является продолжением предшествующей статьи автора, в которой исследовалось стеклоделательное производство Дербента VI—X вв. Анализ многочисленных и разнообразных изделий из стекла и остатков стеклоделательного производства позволяет автору сделать вывод о расцвете этой отрасли городского ремесла Дербента в период XI — середине XIII в., выделенный им в третий этап ее развития.

В статье М. М. Маммаева «О некоторых особенностях генезиса и развития средневекового художественного ремесла Дагестана» рассматриваются пути и закономерности развития прикладных форм искусства средневекового Дагестана.

Автор справедливо отмечает в исследовании, что средневековое художественное ремесло Северо-Восточного Кавказа опирается в своем развитии на художественные традиции предшествующих эпох, но в процессе его формирования и генезисе значительную роль сыграли элементы культур соседних высокоразвитых регионов того периода: Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Северного Прикаспия. Анализ конкретных произведений искусства (керамики, ювелирных украшений, предметов вооружения и одежды, резных камней, дерева и др.) позволяет М. М. Маммаеву достаточно отчетливо проследить особенности генезиса и развития каждого отдельного вида художественного ремесла.

В статье М. Г. Магомедова «Основные промыслы и ремесла населения Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье» рассматриваются сложные вопросы развития различных отраслей экономики Прикаспийского Дагестана в средневековый период. Анализируя различные стороны хозяйственной деятельности населения этих районов и конкретные изделия ремесленного производства М. Г. Магомедов приходит к выводу, что в городах и поселениях данной территории, послужившей ядром Хазарского каганата, нашли распространение и успешно развивались такие виды ремесленного производства, как керамическое, металлообрабатывающее, ткацкое, ювелирное дело, рыболовный промысел и промыслы, связанные с переработкой продуктов сельского

хозяйства. Исследование приводит автора к выводу, что оседлый быт и обусловленное им развитие традиционных промыслов и ремесел в Дагестане документируют разнообразные археологические материалы, а существенные изменения наблюдались лишь в характере использования приморской равнины, которая в период активизации кочевников выпадала из общей экономической структуры края.

Статья А. Р. Магомедова «К изучению ремесла в хозяйстве горских обществ Дагестана в средние века» посвящена вопросам роли и характеру ремесленного производства в экономической жизни позднесредневекового населения Горного Дагестана. В работе дан историко-графический обзор и основные направления в изучении проблемы экономического развития горских обществ этого времени, а также рассматриваются основные источники, характеризующие генезис и особенности развития тех или иных отраслей ремесла. Опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, автор выделяет три стадийные формы развития крестьянского промышленного производства, присущие экономике хозяйств горских обществ Дагестана XV—XVII вв.

Исследования, представленные в настоящем сборнике, в основном базируются на данных археологических источников. Большинство авторов вводят в научный оборот материалы археологических изысканий последних лет, что придает публикуемым статьям новизну и актуальность.

Публикация данного сборника является значительным вкладом в сложную проблему социально-экономического развития Дагестана в древний и средневековый периоды, проливает новый свет на уровень развития одной из основных отраслей его производящего хозяйства — ремесло.

Сборник представляет большой интерес для историков, археологов, этнографов, искусствоведов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами древней и средневековой истории Дагестана.

А. А. Кудрявцев

М. Г. Гаджиев

КАМНЕОБРАБОТКА В ДАГЕСТАНЕ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Обработка камня относится к древнейшим производствам. Переход от каменного века к бронзовому сопровождался глубокими переменами в развитии производительных сил первобытного общества. Камень, который на протяжении миллионов лет служил в качестве основного сырья для изготовления орудий труда, предметов вооружения, уступает место новому подделочному материалу — металлу. Наступает эпоха металлов. Однако процесс этот был весьма длительным. На протяжении многих сотен лет камень продолжал успешно соперничать с металлом в качестве материала для орудий труда и предметов вооружения. Он выдерживал конкуренцию до тех пор, пока в результате технического прогресса в области металлопроизводства не были выработаны специальные приемы закаливания меди с целью повышения ее твердости или же не был открыт искусственный металл — бронза, сплав меди с другими легирующими элементами, чаще всего с оловом, мышьяком, никелем и, в конечном итоге, не было достигнуто преимущество металла перед кремнем, обсидианом и другими породами камня. Переход от эпохи энеолита к эпохе ранней бронзы отмечен определенной деградацией кремневой индустрии, что выразилось в упадке техники пластинчатого скола, преобладании отщепов над пластинами в качестве заготовок для орудий, резким сокращением набора изделий из кремня и, наконец, что особенно важно, в эту эпоху появляется новая техника обработки камня. В Дагестане на всем протяжении каменного века, включая и переходную эпоху — энеолит, во вторичной обработке кремневых изделий господствовала техника краевой ретуши. С помощью этой техники из пластин изготавливались самые различные изделия: ножи, вкладыши серпов, скребки, скобели, долота, острия, ретушеры и др. В эпоху ранней бронзы появляется техника двусторонней ретуши, которая давала возможность изготавливать орудия не только из пластин, но и отщепов. Сами пластины и изготовленные из них с помощью краевой ретуши орудия в эту эпоху встречаются чрезвычайно редко. Так, например, на Каякентском поселении Геме-тюбе II на площади 100 м² обнаружены лишь две кремневые пластины, в то время как кремневые вкладыши серпов, изготовленные путем двусторонней ретуши, представлены

здесь десятками экземпляров. Среди кремневых орудий в эпоху ранней бронзы основными изделиями были вкладыши серпов и наконечники стрел, которые были заменены металлическими только с широким освоением железной металлургии.

Основная масса **кремневых вкладышей** серпов происходит из каякентских поселений Геме-тюбе I, Геме-тюбе II, Великентского поселения. На поселении Геме-тюбе II только на одном квадратном метре площади верхнего горизонта обнаружено рядом друг с другом 8 кремневых вкладышей, принадлежавшие минимум двум серпам (Рис. 1, 2—4). Кремневые вкладыши найдены также на поселении Мекеги, Сигитма, Чиркей.

В типологическом отношении они представлены двумя формами: концевыми и срединными. Концевые вкладыши имеют удлиненную треугольную клювовидную форму, а срединные — прямоугольную. По характеру ретуши на рабочих краях они в свою очередь подразделяются на 2 подтипа: с зубчатым лезвием и с ровным. Подобными вкладышами, как правило, оснащались

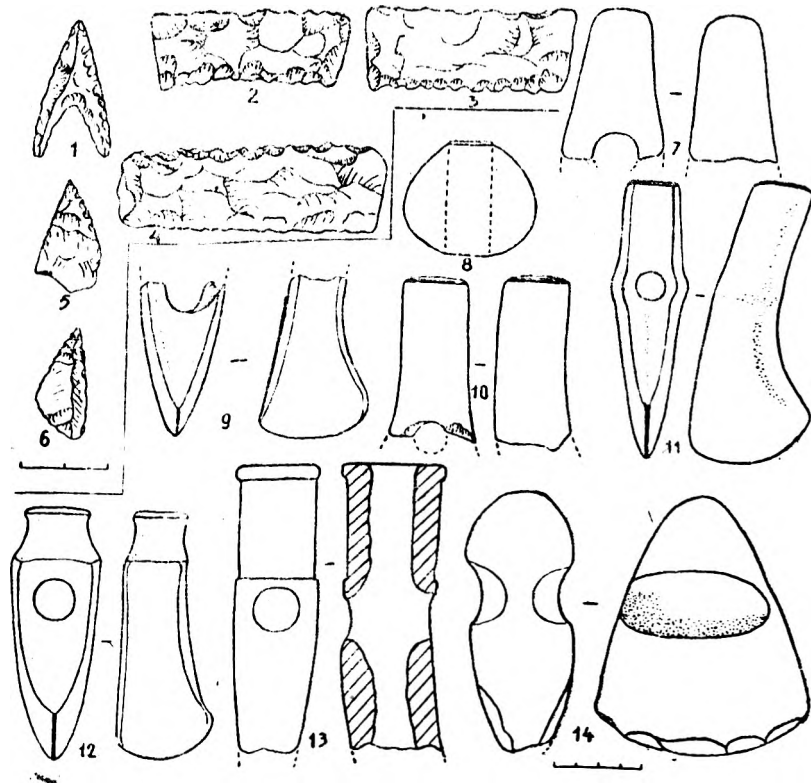

Рис. 1. Изделия из памятников эпохи ранней бронзы Дагестана:
1, 9 — Геме-тюбе I; 2—4, 7 — Геме-тюбе II; 5, 6, 10, 11, 14 — Чиркей;
8 — Великент; 12, 13 — Сигитма (1—12, 14 — камень, 13 — кость).

прогрессивные формы серпов изогнутой формы, а не прямые жатвенные орудия (ножи), которые хорошо известны в неолитических и энеолитических комплексах раннеземледельческих культур. Возникнув в столь раннюю эпоху, такая форма серпа оказалась настолько рациональной, что она сохранилась вплоть до современности. В Дагестане изогнутые серпы возникли в эпоху энеолита. Такой серп, правда, оснащенный кремневыми пластинами, а не двустороннеобработанными вкладышами, известен на поселении Гинчи (1, с. 135). В эпоху бронзы подобные серпы, состоящие из вкладышей с двусторонней обработкой, были весьма широко распространены, хотя в это время уже были хорошо известны аналогичной формы бронзовые серпы. Кремневые серпы изогнутой формы сохранились до эпохи раннего железа (Берикей).

Чем же объяснить, что кривые серпы с кремневыми вкладышами сохранились столь длительное время и были заменены металлическими только с широким распространением железа?

Причину этого явления раскрывают экспериментально-трассологические исследования древних каменных жатвенных орудий, проведенные специальными экспедициями, организованными лабораторией археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Г. Ф. Коробковой. В ходе экспериментов была исследована производительность разнообразных серпов, сделанных по образцам древних жатвенных орудий (VI—II тыс. до н. э. При этом разными орудиями была сделана жатва древних сортов пшеницы в течение определенного времени. Опыты еще раз подтвердили высокую производительность трипольского, шомутепинского, халафского, позднейтунского жатвенных орудий, уступавшие своей продуктивностью лишь в 2 раза современным металлическим серпам (2, с. 455—456). Выявлена седующая производительность разных жатвенных орудий: жатвенного ножа раннейтунского типа — 0,5 кв. м. посева за одну минуту, однопластинчатого серпа с вкладышем, поставленным в основу под углом — 0,7 кв. м., позднейтунского, раннетрипольского и шомутепинского с зубчатым лезвием 0,9—1,1 кв. м., позднетрипольского из I крупной пластины, вставленной в оправу изогнутой формы — 1,4 кв. м., современного металлического ножа — 1,7 кв. м. (3, с. 430—440). Изогнутые многовкладышевые серпы, характерные для бронзового века Дагестана и Кавказа в целом являются более прогрессивными и, естественно, более производительными по сравнению с указанными позднетрипольскими серпами. Все это хорошо объясняет то, что даже в условиях широкого распространения бронзовых серпов кремневые вкладышевые серпы успешно выдерживали конкуренцию с металлическими и были заменены окончательно только железными.

К такой же чрезвычайно долго живущей категории кремневых изделий, как и вкладыши серпов, относятся **наконечники стрел**. Наконечники стрел, найденные на Великентском поселении еще в начале 50-х годов в процессе его первоначального обследования,

были анализированы Р. М. Мунчаевым. Коллекция стрел из 5 экземпляров состояла из двух типов: 1) сравнительно большие треугольные или подтреугольные с незначительной, едва заметной выемкой в основании, с двусторонней обработанной поверхностью и 2) миниатюрные, слегка ассиметричные с красной ретушью. Р. М. Мунчаев обратил внимание на то, что в памятниках эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа совершенно неизвестны наконечники стрел с черешком, которые в Закавказье встречаются вместе с наконечниками с выемкой в основании (4, с. 64—66), хотя они позднее в конце эпохи ранней бронзы и начале эпохи средней бронзы широко были распространены в горных районах Дагестана (Верхнегунибское (5, с. 125—128), Усишинское (6) поселения, Гюнобский могильник (7, рис. 18, 1, 2).

На исследованных нами памятниках, в верхних горизонтах Великентского и Каякентского (Геме-тюбе I) поселений найдены треугольные наконечники стрел, отличающиеся от ранее известных экземпляров наличием в основании глубокой выемки. Два таких наконечника происходят из землянки, исследованной на Великентском поселении, один найден в верхнем перепаханном слое Каякентского поселения Геме-тюбе I (рис. 1, 1). Все три наконечника стрел изготовлены из серого высококачественного мелового кремня. Обе поверхности стрел тщательно обработаны тонкой отжимной ретушью. С помощью такой же ретуши сделаны выемки и по два симметричных щипа на каждом из наконечников. В большом количестве подобные наконечники обнаружены на Верхнегунибском поселении (5, с. 128—131), найдены они и на Сигитминском поселении (8, с. 27), могильниках Гинчи (9, с. 136), Ирганай (10, рис. 10, 1, 4).

Вопросы типологии, происхождения и эволюции кремневых стрел, в том числе, и с глубокой выемкой, обстоятельно рассмотрены В. М. Котович на основе изучения богатой коллекции этого вида оружия Верхнегунибского поселения. При этом было обращено внимание на отсутствие в памятниках эпохи ранней бронзы, предшествующих Верхнегунибскому поселению, наконечников не только черешковых, что было отмечено еще Р. М. Мунчаевым, но и с глубокой выемкой в то время, когда оба типа стрел хорошо известны в эпоху ранней бронзы в Закавказье из памятников куро-аракской культуры (5, с. 131). Это дало основание для заключения, что представленные на Верхнегунибском поселении разновидности наконечников стрел (черешковые и с глубокой выемкой) не обнаруживают преемственных связей с аналогичными предметами вооружения, распространенными в Дагестане в предшествующие эпохи и что они могли проникнуть в Дагестан из Закавказья (5, с. 131). Нахождение наконечников стрел с глубокой выемкой на двух раннебронзовых поселениях (Каякентское и Великентское) несколько меняет наше представление о времени появления этого типа наконечников стрел, т. е. они стали известны в Дагестане в то же время, что и в Закавказье.

Вместе с тем хорошо известно, что для кавказских неолити-

ческих и энеолитических памятников, как в целом и для других раннеземледельческих культур, наконечники стрел совершенно не характерны (11, с. 86). Единичные находки их в неолитических памятниках Западного Кавказа (12, с. 115), тесно связанных с крымскими, северопричерноморскими культурами, принципиально не меняют общей картины. Наконечники стрел не характерны и для раннеземледельческих культур Ближнего Востока, где они, как и на Кавказе, заменялись пращевыми камнями. Другими словами, в эпоху неолита на обширной территории Евразии происходят коренные изменения в хозяйстве, культуре и быта, вызванные переходом к производящему хозяйству. Происходит его хозяйственно-культурное размежевание. В южных областях складываются яркие земледельческие культуры, а в более северных — несколько позднее совершается переход к преимущественно скотоводческому хозяйству, где сильнее ощущается перемешивание черт, присущих архаическому охотничье-собираческому типу хозяйства. Одним из проявлений этого события является также атипичность наконечников для раннеземледельческих культур юга и их широкое распространение в более северных областях со скотоводческим и охотничье-собираческим укладом. Сравнительно позднее появление в ареале раннеземледельческих культур Кавказа, в частности в областях распространения раннебронзовой куро-аракской культуры кремневых наконечников стрел, совершенно неизвестных здесь в предшествующую эпоху энеолита, очевидно, следует связать не с югом, а, наоборот, с севером. В этой связи следует отметить, что появление наконечников стрел на Восточном Кавказе в ареале раннеземледельческих культур сопровождается резким возрастанием роли скотоводства у племен куро-аракской культуры (13, с. 9). Очевидно, появление и широкое распространение наконечников стрел на Восточном Кавказе является одним из проявлений взаимодействия двух различных по своему хозяйственному и культурному укладу миров: подвижно-скотоводческого севера и оседлоземледельческого юга.

При определении непосредственного источника, откуда первоначально могли проникать на Кавказ разнообразные кремневые наконечники стрел с двусторонней обработкой, важное значение, на наш взгляд, имеют находки в степях юга Восточной Европы двустороннеобработанных изящных кремневых наконечников стрел треугольной формы с плоским и выемчатым основанием (14; 15, рис. 39, 61; 16, табл. 49, 62, 74). Степные влияния на Кавказ хорошо прослеживаются со времени Нальчикского могильника (17, с. 128—130), а носители древнеямной культуры, как это убедительно показано Н. Я. Мерпертом, неоднократно вклинивались в ареал южных культур, в том числе и в кавказскую этнокультурную среду (18, рис. 1; 19, с. 65—90).

Интересны в этом же плане и наконечники стрел ассиметричные или флажковидные, найденные на дагестанских поселениях раннебронзового века. Всего найдено 3 экз. Один происходит из старых сборов с Великентского поселения. Он сделан из темно-

серого кремня, имеет плоское основание и ассиметричную форму. По краям с двух сторон обработан мелкой ретушью (4, с. 65). Два треугольных ассиметричных наконечника стрел найдены на Чиркейском поселении (рис. 1, 5—6). Они также изготовлены из качественного серого кремня, поверхности их обработаны тонкой отжимной ретушью (8, с. 20). Такие наконечники известны также из Долинского поселения (20, с. 176), кургана у ст. Новосвободной (21, с. 39). Известны они как случайные находки и в других пунктах Кавказа (22, с. 164, 171). Но если на Кавказе ассиметричные наконечники стрел встречаются единицами, то в более северных районах их находки исчисляются иногда сотнями. Основные районы распространения этих стрел — это степные районы Предкавказья, Волжско-Донское междуречье. Учитывая распространение ассиметричных наконечников, и их количественное соотношение в разных районах, А. А. Формозов считает их изделиями как некавказского, точнее немайкопского, а степного происхождения, и что на Кавказе они были заимствованы с севера (3, с. 142). Из Северного Кавказа они, по-видимому, проникли и в Закавказье, где находка такой стрелы, в частности, зарегистрирована на поселении куро-аракской культуры Згидис-Тверда. В связи с этой находкой Б. А. Куфтин отмечал, что ассиметричные кремневые наконечники стрел совершенно отсутствуют в кремневом инвентаре Передней Азии и Средиземноморья и напротив удастся проследить распространение сходных специфических форм в охотничьих хозяйствах лесостепной зоны (24, с. 77—78). Так что и эти находки, как и другие типы кремневых наконечников стрел, охарактеризованных выше, свидетельствуют о кавказско-степных культурно-исторических контактах.

Наряду с кремнем в качестве материала для изготовления различного производственного и другого инвентаря широко использовались и другие породы камня: известняк, мергель, песчаник.

Наиболее массовыми каменными изделиями, обнаруживаемыми на поселениях эпохи ранней бронзы приморского Дагестана являются **зернотерки**. Зернотерки, как правило, изготовлены из окатанных валунов плотного известняка и песчаника. Все они имеют характерную ладьевидную форму. Нижние камни обычно отличаются большей массивностью, большей шириной, чем верхние. Обычные размеры зернотерок: длина — 30—50 см, ширина до 18 см (бывают образцы шириной до 30 см), толщина зависит от формы валуна и степени сработанности.

Зернотерки описанного типа являются наиболее широко распространенными во времени и в пространстве орудиями труда. В них практически не улавливаются ни локальные сколько-нибудь четко выделяемые признаки, ни хронологические. Формы зернотерок остаются почти неизменными вплоть до раннего средневековья, т. е. до тех пор, пока они не были заменены круглыми жерновами.

Навершие булавы, изготовленные из различных пород камня —

мергеля, диабазы, мрамора, известняка, гематита и др., были довольно широко распространенным видом оружия у древних земледельческо-скотоводческих племен Евразии, в том числе и Кавказа, в неолите, энеолите и эпоху бронзы. На территории приморского Дагестана они обнаружены на трех поселениях: Великент, Мамай-кутан, Каякент. Несколько каменных булав обнаружено в гончарных печах Великентского поселения. Причем одна из булав, изготовленная из мрамора, найдена внутри крупного сосуда, вместе с обуглившимся зерном, что, возможно, имело какое-то ритуальное значение (рис. 1, 8). Навершие булавы имеют шаровидную или шаровидно-грушевидную форму. Некоторые булавы вокруг отверстия с одной стороны обрамлены рельефным кантом. Большинство булавы имеет блестящую полированную поверхность и отверстия с двусторонним сверлением. На Великентском поселении встречаются булавы — заготовки с грубой, еще не шлифованной поверхностью, недосверленными отверстиями, что свидетельствует о том, что навершие булавы изготовлялись здесь же на поселениях. Примечателен еще такой факт. В одной из великентских катакомб было обнаружено больше 30 наверший булавы. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что навершие булавы являлись предметами вооружения, а не символами власти, жезлами вождей, как это часто принято было считать.

В заключение нашего обзора каменных изделий эпохи ранней бронзы остановимся на характеристике различных топоров.

Топоры с желобчатым перехватом в верхней части, найденные на Великентском поселении и в ряде других пунктов Дагестана и Чечено-Ингушетии, изучены были Р. М. Мунчаевым (4, с. 58—59). Позднее каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа стали предметом специального изучения В. И. Марковина (25, с. 5—19). В. И. Марковинным на Северном Кавказе было учтено к началу 70-х гг. 55 орудий с желобчатым перехватом (25, с. 5—12). К этому мы можем добавить найденные в Дагестане еще четыре желобчатых топора из Великента (два из них найдены в гончарных печах), из Чиркейского поселения (1 экз.) (рис. 1, 14), случайная находка в с. Гуни Казбековского района и еще одна находка без указания точного местонахождения. В целом в Дагестане сейчас известен 21 топор с желобчатым перехватом. Наиболее характерной чертой всех орудий является опоясывающие желобки, выполненные в пунктирной технике и служившие для прикрепления орудий к рукоятям. Согласно классификации, разработанной В. И. Марковинным, все топоры подразделяются на молоты-кувалды и топоры-молоты (25, с. 13).

Молоты-кувалды сделаны более грубо. Желобок опоясывает орудие большей частью посередине, что позволяло одинаково использовать обе рабочие стороны орудия. В свою очередь молоты подразделяются на два типа: 1) крупные тяжелые орудия с плоскими или округлыми молоточными частями; 2) уплощенные орудия небольших размеров, снабженные неглубокими желобками на

узкой стороне. Отметив, что находки крупных молотов, как правило, приурочены к рудным месторождениям залежей кремня и других полезных минералов, В. И. Марковин делает вывод, что они использовались в горных выработках (25, с. 13).

Топоры-молоты отличаются от молотов-кувалд тем, что они имеют клиновидную форму, лезвие, обух. Желобок расположен ближе к обуху. Они подразделяются на 3 типа: 1) примитивные, обработанные грубыми сколами, с желобками, расположенными по узким сторонам; 2) симметричные с лезвием и обухом тщательно подправленными пунктирными ударами. Желобок опоясывает оружие, является наиболее распространенным типом; 3) узкие клиновидные топоры-молоты асимметричной формы, с желобком, расположенным только на одной стороне.

Все эти три типа топоров-молотов являлись рабочими орудиями, как полагает Р. М. Мунчаев, универсального назначения (4, с. 59). В последнее время исследователи горного дела, металлопроизводства отмечают их тесную связь с металлургическим производством, т. е. использовались для отбивки и первичного дробления руды (26, с. 68).

Орудия с желобчатыми перехватами были распространены на обширной территории до Дальнего Востока, на юге азиатского материка (Ирак, Иран), как можно судить по имеющимся сейчас данным, на протяжении длительного времени от неолита до конца эпохи бронзы (25, с. 16—18).

Единственной находкой в памятниках эпохи ранней бронзы Дагестана представлены клиновидные молоты с просверленным отверстием. Это топор из Великентского поселения с незаконченным отверстием (27, с. 122, табл. 1, 7). В типологическом отношении он сопоставляется с аналогичными изделиями эпохи ранней бронзы из Закавказья (Шенгавит, Кюльтепе).

Боевые топоры. В памятниках эпохи ранней бронзы Дагестана обнаружено 7 боевых топоров (Чиркей-2, Сигитма-1, Геметюбе I — I, Геметюбе II — 2, Великент — 1) (рис. 1, 7, 9—13). Все они, за исключением великентского, происходят из хорошо стратифицированных слоев и являются надежной серией для определения их хронологии и генезиса.

Как известно, сверленные каменные боевые топоры, изготовленные из змеевика (серпантина) и различных метаморфических известняковых пород, имеющие порой довольно сложную конфигурацию и тщательно отделанные путем полировки, были широко распространены во всем ареале северокавказской культуры (28, с. 100). За пределами Северного Кавказа аналогичные топоры известны в степной полосе Восточной Европы, начиная от Молдавии до Нижнего Поволжья (29, с. 92—99). Весьма совершенные формы подобных топоров имеются в знаменитом Бородинском кладе (30, с. 108—115). Спорадически они встречаются в погребениях катакомбной культуры (31, с. 17). Поэтому эти топоры неоднократно привлекали к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей не только в связи с изучением древ-

ностей собственно Северного Кавказа, но и при решении вопросов происхождения и хронологии некоторых археологических культур Восточной Европы, как например, катакомбной, фатьяновской. Известно также какой неослабный интерес к этим топорам вызван в связи с проблемой происхождения и хронологии Бородинского клада (29; 32, с. 129—154). Уникальная коллекция Бородинского клада, включающая и великолепные образцы каменных боевых топоров северокавказского типа, вот уже более полувека находится в центре внимания исследователей культур бронзового века Восточной Европы. Поэтому вполне понятен тот интерес к каждой новой находке, которая в какой-то степени проливает свет на проблему происхождения этого рода топоров, или же позволяет уточнить типологические или хронологические схемы, существующие для них.

В настоящее время для топоров кабардино-пятигорского типа существуют две классификационные схемы. Одна из них принадлежит В. И. Марковину и была разработана им еще в конце 50-х годов (28, с. 100, 101). В его работе была дана наиболее полная сводка о каменных боевых топорах, происходящих из различных пунктов Северного Кавказа. К сожалению, подавляющее большинство их было представлено случайными находками, обнаруженными вне комплексов, и лишь небольшая часть происходила из могильных комплексов.

Все топоры были разделены на 2 основных типа: на гладкие и граненые, которые сосуществовали почти на всех трех этапах развития северокавказской культуры. Им была также прослежена эволюционная линия развития этих топоров от простейших форм к более сложным (20, с. 100).

К первому этапу северокавказской культуры (2000—1700 гг. до н. э.) были отнесены наиболее простые неразвитые формы топоров, ко второму этапу (1700—1500 гг. до н. э.) была отнесена основная масса топоров гладких и граненых, имеющих изогнутый профиль. К началу третьего этапа северокавказской культуры (1500 гг. до н. э.) относилось появление особых менее изогнутых удлиненных очертаний топоров типа Михайловского и Шалушинского, которые рассматривались как производные от гладких (28, с. 116).

Топоры кабардино-пятигорского типа, как известно, не имеют своих прототипов в предметах майкопской культуры. Типологически они были выведены В. И. Марковиным из многочисленных, к сожалению, найденных вне комплексов, топоров-молотов очень простой формы из различных областей Северного Кавказа (28, с. 116).

Важно, что В. И. Марковин не суживал хронологические рамки кабардино-пятигорских топоров только серединой II тыс. до н. э., а доводил их появление на Северном Кавказе ко времени не позднее, чем начало II тыс. до н. э. (28, с. 33—50). В своей статье, посвященной топорам с желобчатым перехватом, В. И. Марковин вновь возвращается к вопросу о происхождении

топоров кабардино-пятигорского типа, об их глубокой древности, восходящей к эпохе не позднее ранней бронзы (25, с. 18, 19).

В связи с проблемой происхождения Бородинского клада в 1968 г. В. А. Сафроновым была предложена новая классификация топоров кабардино-пятигорского типа (29, с. 99—103). В ней условно сохранено деление кабардино-пятигорских топоров на гладкие и граненые, хотя в основу этого деления положен иной принцип (место сверлины по отношению к лезвийной части). При этом гладкими топорами были названы те, у которых сверлина расположена посередине между обушной и лезвийной частями, а гранеными — топоры, у которых сверлина находится в лезвийной части.

Критерием для построения эволюционного ряда у В. А. Савронова служит отношение длины к ширине топора в фас и в профиль, что в конечном счете приводит опять-таки к тому, что эволюция топоров идет по линии от простых к сложным. Согласно этой схеме топоры типа михайловского также располагаются в самом конце эволюционного ряда (29, с. 114). Период бытования кабардино-пятигорских топоров на Северном Кавказе В. А. Сафронов, без достаточного на то основания, сузил и ограничил рамками XVII—XIII вв. до н. э. (29, с. 103—106).

Неправомерность такого значительного омоложения возраста топоров кабардино-пятигорского типа особенно заметна при рассмотрении топоров подобного рода, происходящих с территории Дагестана. Находки эти, как уже сказано, немногочисленны, но они, как мне представляется, очень важны для уточнения хронологии северокавказских боевых топоров в силу того, что они найдены в хорошо стратифицированных археологических коллекциях, хронологическое место которых в системе древностей Кавказа определяется достаточно четко.

На Чиркейском поселении найдено два топора (один целый, другой — обломок — обушная часть со сверлиной (Рис. 1, 10, 11). Один из этих топоров изготовлен, видимо, из серпантина, а другой — возможно, из очень вязкой метаморфической породы. Топоры из Чиркейского поселения относятся к типу гладких и совершенно точно сопоставляются с топорами из с. Михайловского и Шалушинского, которых В. И. Марковин датирует серединой II тыс. до н. э. (28, с. 56, рис. 13, 98), а В. А. Сафронов — XIII в. до н. э. (29, с. 128). Условия нахождения и вещевой комплекс, с которым были найдены чиркейские топоры, таковы, что для них совершенно не подходят даты, принятые для топоров михайловского типа, т. е. середина II тыс. до н. э. или XIII в. до н. э.

Чиркейские топоры найдены в круглоплановых каменных жилищах, форма которых столь характерна для куро-аракской культуры. Вместе с топорами находились типичные образцы керамики куро-аракской культуры. Металлический инвентарь, в частности бронзовые копья с четырехгранным насадом, возникшие в конце IV тыс. до н. э. в Месопотамии, в III тыс. до н. э. широко распространились по всему Закавказью и проникли на Северный Кав-

каз (Новосвободненские дольмены). Дата этих копий на Кавказе не выходит за рамки III тыс. до н. э. Довольно ранней формой является и очковидная привеска из Чиркейского поселения, хорошо представленная в металле Трои II, Гиссар, датируемых первой половиной — серединой III тыс. до н. э. Весь этот комплекс является надежным основанием для датировки Чиркейского поселения поздним этапом куро-аракской культуры, временем не позже середины III тыс. до н. э. (8, с. 42). Этим же временем должны быть, очевидно, датированы и сами топоры.

Каменный топор (рис. 1, 12) и костяной топор, (рис. 1, 13), имитирующий каменные боевые топоры, найдены в нижнем слое Сигитминского поселения вместе с архаической керамикой и металлическим инвентарем, в том числе копьем с четырехгранным насадом, датируемым верменем не позже XXIII в. до н. э. (8, с. 42). Сигитминский топор также принадлежит к типу гладких, но в отличие от чиркейского он имеет более короткую и несколько изогнутую обушную часть. В типологическом отношении он сопоставляется с ранними топорами кабардино-пятигорского типа, датируемыми в основном II этапом (по В. И. Марковину) северокавказской культуры (1700—1500 гг. до н. э.).

На поселении Геме-тубе II найдены обушные части двух топоров михайловского типа. Лезвийная часть каменного топора с огранкой найдена в верхнем слое поселения Геме-тубе I. Поселение Геме-тубе I (верхний слой) (Каякентское поселение) датируется Р. М. Мунчаевым серединой III тыс. до н. э., точнее XXVI—XXIV вв. до н. э. (4, с. 160).

Таким образом, для дагестанских топоров совершенно неприемлемы те даты, которые были приняты до настоящего времени для удлинненных топоров михайловского типа.

До недавнего времени в других областях Северного Кавказа топоры подобного рода не были известны в комплексах более ранних, чем северокавказская культура. В степном Пиркубанье и восточном Приазовье в последнее время выявлена новотитаровская культура эпохи ранней бронзы, предшествовавшая на этой территории катакомбной. В одном из погребений могильника Лебелю I — памятнике новотитаровской культуры, датируемом XXV—XXIV вв. до н. э., обнаружен серпентиновый топор, идентичный михайловскому и чиркейскому (40, с. 13—32), что подтверждает предложенные нами прежде для этого типа топоров ранние даты в пределах III тыс. до н. э. (41, с. 24—26). Сейчас имеются основания для углубления нижней даты и самой северокавказской культуры, в том числе комплексов с топорами и кабардино-пятигорского типа. Радиуглеродные даты для комплексов северокавказской культуры с топорами из Усть-Джегутинского могильника (2160 ± 60 и 2060 ± 60 лет до н. э.) (33, с. 58) допускают возможность удревления начального этапа культуры до рубежа XXIII—XXII вв. до н. э.

Как известно, в последние века III—II тыс. до н. э. на обширной территории Европы от Волги до Рейна и от Финляндии до

140226

Швейцарии было распространено множество культур боевых топоров (38, с. 323—344; 34, с. 279—286). Многие вопросы, связанные с историей данных культур и ее носителей, в том числе и вопрос об их происхождении, остаются еще не решенными. Но интересно, что многие археологи считают, что область происхождения культур боевых топоров следует искать в южнорусских степях (34, с. 285). Как бы не решался вопрос о происхождении культур боевых топоров, существование между ними и культурами бронзового века юга Восточной Европы и, очевидно, Северного Кавказа определенных связей представляется бесспорным, хотя характер этих связей пока что остается не совсем ясным. К югу от Главного Кавказского хребта каменные боевые топоры совершенно не получили распространения. Нам известен здесь только один топор, который может быть сопоставлен с северокавказскими. Он обнаружен в впускном погребении на энеолитическом поселении Аликемек-тепеси в комплексе с золотыми и серебряными украшениями, датированном началом II тыс. до н. э. (35, с. 12). Каменные топоры, найденные в раннебронзовых памятниках Армянского нагорья (Кети, Эмчиадзин, Шенгавит) иного типа и связи с северокавказскими, по-видимому, не имеют (36, с. 106, табл. VIII).

Значительно большее количество каменных боевых топоров известно из Малой Азии. Они найдены здесь в могильнике Дорак (42, с. 158, XXII а). Особенно интересные находки происходят из Трои. Здесь, наряду с незаконченными (недосверленными) боевыми топорами (43, с. 77, 26 в. с.), в известном кладе L обнаружено 3 каменных топора великолепной отделки, представляющих собой парадное оружие и относящихся к 3-й четверти III тыс. до н. э. (38, с. 76). Сходство троянских топоров с северокавказскими и бородинскими отмечалось еще первыми их исследователями, которые на этой основе синхронизировали Трою II и Бородино (30, с. 110). Однако большой хронологический разрыв между малоазийскими и бородинскими топорами исключал вероятность существования между ними реальных связей, в том числе генетического характера (29, с. 95). Находки в Дагестане каменных боевых топоров в бесспорных раннебронзовых комплексах III тыс. до н. э., удревнение некоторых ранних памятников самой северокавказской культуры, в которых представлены подобные топоры, ликвидируют отмеченную хронологическую лакуну между малоазийскими и северокавказскими топорами и тем самым регистрируют реальность длительных контактов, существовавших на обширной территории, включающей Малую Азию, Северное Причерноморье и Северный Кавказ. В этой связи уместно привести здесь высказывание Г. Чайлда о возможном происхождении культур боевых топоров от одного источника, которого, по его мнению, «следует искать либо в области распространения дунайской культуры с ее продолжением на Украине, либо за Кавказским хребтом и за Черным морем, на Древнем Востоке» (38, с. 245). Возможно, что распространение близких форм боевых топоров

является одним из показателей существования в раннебронзовую эпоху обширной провинции, включающей Малую Азию, Балкано-Карпаты, Северное Причерноморье и Кавказ, отмеченной чрезвычайно активными культурно-историческими контактами (39, с. 13—14). Важную роль в осуществлении этих контактов принадлежала, очевидно, Северо-Восточному Кавказу, где проходит наиболее удобная сухопутная трасса, соединяющая Юго-Восточную Европу с Передней Азией. Эту роль данной области, подтверждают и другие данные: продукция металлообработки и гончарного производства.

Однако значение каменных топоров из Дагестана этим не исчерпывается. Они свидетельствуют о том, что развитие этой группы предметов материальной культуры, вопреки простой логике, происходило не по пути усовершенствования их от простейших форм к изящным, сложным. Полированный каменный топор, как видно, появляется сразу же как весьма совершенное изящное оружие, напоминающее металлические образцы, а потом уже по мере дальнейшего развития происходит деградация его формы. Такой путь развития боевых топоров от изящных к более простым подтверждают также данные европейских культур. Так, в древнейших погребениях т. н. культуры одиночных погребений в Дании находились, как правило, самые изящные топоры, а в более поздних — топоры с признаками вырождения (38, с. 230—231, рис. 82). И, наконец, каменные полированные топоры из Дагестана имеют важное значение как показатель локального своеобразия культуры эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Ведь нигде за пределами этой области боевые каменные топоры в указанное время, т. е. в эпоху ранней бронзы, на Кавказе совершенно не получили распространения.

* * *

¹ Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА. 1983. № 1.

² Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологическое изучение древних серпов и мезолитических орудий. // АО—1976 г. М., 1977.

³ Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологическое изучение древних производств трипольского общества. // АО—1974 г. М., 1975.

⁴ Муцаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. // МИА. М., 1961. № 100.

⁵ Котович В. М. Верхнегунбское поселение. Махачкала, 1965.

⁶ Котович В. Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. // РФ ИИЯЛ. Д. № 2643.

⁷ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане. // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.

⁸ Гаджиев М. Г. Поселения эпохи ранней бронзы горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.

⁹ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.

- 10 *Погребова М. Н.* Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.
- 11 *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- 12 *Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.
- 13 *Пиотровский Б. Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. XXIII. 1955.
- 14 *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис. М., 1979.
- 15 *Телегин Д. Е.* Середньостоговська культура епохи міді. Киев, 1973.
- 16 *Маглюш Г. Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982.
- 17 *Круглов А. П., Пиотровский Б. Б. и Подгаецкий Г. В.* Могильник в Нальчике. // МИА. 1941. № 13.
- 18 *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- 19 *Мерперт Н. Я.* Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций // Studia Praehistorica. № 3. София, 1980.
- 20 *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. 1941. № 3.
- 21 *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963.
- 22 *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов». // СА. 1950.
- 23 *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- 24 *Куфтин Б. А.* К проблеме энеолита внутренней Картли и Юго-Осетии. // Вестник Гос. музея Грузии. Т. XIV. Тбилиси, 1947.
- 25 *Марковин В. И.* Каменные топоры с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа. // МАД. Махачкала, 1972. Т. III.
- 26 *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии Хакаско-Минусинской котловины. М., 1975.
- 27 *Котович В. Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана. // МАД. Махачкала, 1959. Т. I.
- 28 *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. // МИА. 1960. № 93.
- 29 *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968.
- 30 *Спицын А. А.* Бородинский клад. // Сб. в честь граф. П. С. Уваровой. М., 1916.
- 31 *Тереножкин А. И.* Археологические исследования в 1951 г. на строительстве Молочайского водохранилища. // КСИА. 1952. Вып. I.
- 32 *Бочкарев В. В.* Проблема Бородинского клада. // Проблемы археологии. М., 1968.
- 33 *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- 34 *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- 35 *Махмудов Ф. Г., Нариманов И. Г.* Исследования на поселении Аликемектепеси. // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). Баку, 1975.
- 36 *Ханзадян Э. В.* Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967.
- 37 *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- 38 *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

39 *Мерперт Н. Я.* Вопросы культурно-исторического развития Юго-Восточной Европы на грани энеолита и раннего бронзового века. // Всесоюзная научная конференция, посвященная новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V археологического съезда. Тезисы докладов пленарных заседаний. Тбилиси, 1981.

40 *Гей А. Н.* Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. М., 1966.

41 *Гаджиев М. Г.* К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа // Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа.

42 Mellart I. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia.— Beirut, 1966.

43 Müller W. Troja. Leipzig, 1971.

М. С. Гаджиев

РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ ДЕРБЕНТА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ

В результате многолетних археологических исследований на вершине дербентского холма было выявлено крупное городище с обособленной укрепленной цитаделью, функционировавшее в албанский период. В свете археологических данных оно выступает важным военно-стратегическим и торгово-экономическим пунктом и, очевидно, упоминается Птолемеем (V, II) под названием Гелда в числе городов Кавказской Албании (1, с. 56; 2, с. 83—107; 3, с. 195—196).

Изучение многочисленных археологических материалов из культурных напластований городища этого времени (достигающих мощности до 1,5—2,1 м) дает возможность осветить ряд вопросов экономической жизни древнего Дербента, хозяйственной деятельности и быта его обитателей. Полученные в результате раскопок материалы свидетельствуют о существовании и развитии различных ремесел, промыслов, торговли, тесных связях населения с сельским хозяйством (земледелием, скотоводством).

Одной из развитых и ведущих отраслей ремесленного производства являлось гончарное дело. Изучение керамической продукции Дербента II в. до н. э. — IV в. н. э. показывает, что гончарное ремесло имело характер как товарного производства, т. е. продукция предназначалась для продажи и обмена, так и домашнего, удовлетворяло нужды самих производителей. На рынок шла определенная часть столовой и тарной керамики. Столовая посуда этого времени, отличающаяся парадным видом, представлена изящными черно- и серолащенными, реже коричневолащенными изделиями выработанных, стандартных форм и размеров, с хорошо промешанным, чистым тестом, качественным обжигом. В слоях первых вв. н. э. получает распространение красноангобированная керамика, обычно лощеная и отличающаяся также стандартизацией изделий, качественным исполнением. Большинство изделий изготовлено без помощи гончарного круга, но, очевидно, с использованием слабовращающейся подставки, на что могут указывать характерные следы на стенках сосудов, их довольно строгие симметричные формы. Трудоемкая и достаточно сложная техника изготовления керамики, включающая целый ряд операций, требовала специальной выучки и подготовки. Особые навыки,

профессиональное мастерство были необходимы для изготовления крупных хозяйственных сосудов типа хумов (высотой до 1,2 м), что, возможно, говорит об определенной специализации мастеров-гончаров.

Наряду с готовыми изделиями в Дербенте обнаружены и обжигательные печи, характеризующие важнейший этап производства — обжиг посуды. Остатки такой печи, датируемой III—V вв., были обнаружены в 50 м к Ю от угловой башни цитадели (раскоп P—VI), на участке (площадью более 0,5 га) городища с массой керамических и железистых шлаков, фрагментов ошлакованных изделий. Печь круглоплановая, диаметром ок. 1,1 м, она была заполнена золой и углем. Глиняные стенки ее и дно толщиной 4—5 см сильно прокалены. Здесь же обнаружены шлаки и фрагменты печного припаса (4, с. 51—52). Сохранность печи очень плохая и не позволяет судить о ее конструкции, но скорее всего она была одноярусная. Остатки еще одной, очевидно, обжигательной печи были обнаружены в северо-восточной части цитадели (раскоп P—XI) в слое переходного от албанского к ранне-средневековому времени периода. Сохранившиеся части позволяют ее реконструировать. Печь, примитивного устройства, одноярусная, состояла из двух отделений, расположенных в горизонтальной плоскости. Первое, топочное, было прямоугольной формы длиной 28—30 см, шириной 40—42 см, при сохранившейся высоте (бортов) 12 см. Второе отделение — обжигательное — представляло собой полусферу, напоминающую печи для выпечки хлеба и было расположено выше пола топки на 8—10 см. Диаметр нижней части обжигательной камеры составлял не менее 70 см, сохранившаяся высота — 36 см. Между камерами располагалось жаропроводное отверстие шириной 36—37 см и высотой не менее 12 см. Стенки печи глинобитные, толщиной 3—5 см, с обильной примесью крупнотолченого шамота, дресвы, сильно прокалены (5, с. 6—7). Эта печь по конструкции своей напоминает гончарные печи, исследованные В. И. Канивцом у сел. Верх. Чирюрт (перв. вв. н. э.) (6, с. 161) и раскопанные С. К. Кабановым на Еркургане (IV—V вв.) и на Дагайтепе (IX—X вв.), но последние имеют топочную камеру, как и обжигательную, округлой формы (7, с. 33—37). Размеры и устройство печи, обжигательной камеры говорят об ограниченном объеме обжига, об обжиге тонкостенной керамики. Видимо, именно из таких печей с горизонтальным расположением камер происходит керамика с некачественным односторонним неравномерным обжигом. Описанная печь, вероятно, служила для изготовления керамики для собственных нужд и использовалась также для выпечки хлеба. На последнее указывают ее формы и размеры близкие «хлебным печам» — тендырам. Подобное двойное использование печей обоснованно предполагается исследователями (8, с. 140—141). Этнографические данные Южного Дагестана и Азербайджана также указывают на двойное применение тендыров как для выпечки хлеба, так и для обжига керамики (9, с. 75—82). Высокое качество обжига большинства

керамических образцов позволяет предполагать существование печей двухъярусной конструкции, подобных выявленным на Андрейаульском городище, и специальных печей для обжига крупной тарной керамики. Вероятно, предметами печного припаса и керамического производства являются найденные в Дербенте в большом количестве фрагменты керамических штырей диаметром ок. 2 см (при наибольшей длине обломков до 17—18 см), которые подвергались неоднократному воздействию огня. Они близки средневековым керамическим штырям, применявшимся при обжиге изделий закрытых форм, но отличающихся более крупными размерами.

Важнейшим показателем дальнейшего развития гончарного ремесла и товарного производства явилось появление высококачественной красноглиняной керамики и быстрое распространение гончарного круга в IV—V вв. (10, с. 64—65, 71—72). «Время, способ и характер освоения гончарного круга как нового средства производства определялись степенью подготовленности того или иного общества к новым условиям организации труда, развитостью всего производства, конкретно-исторической ситуацией существования общества» (8, с. 92). Введение гончарного круга как специализированного средства производства предполагало потребность и возможность увеличения объема продукции и происходило в период формирования новой технической базы производства интенсивно развивающегося общества (8, с. 92).

Другой немаловажной отраслью хозяйства являлись металлургия и металлообрабатывающее ремесло.

Развитие металлообработки в Дербенте было обусловлено не только хозяйственными нуждами населения, но во многом определялось военно-стратегическим положением города, нуждавшегося в периодическом притоке предметов вооружения и конского снаряжения, изготовленных из металла. Ряд археологических материалов позволяет говорить о наличии местной металлообработки.

Выше уже отмечался прослеженный на территории городища участок с находками и железистых и керамических шлаков. Здесь (раскоп P—VII), в 15—20 м к западу от обнаруженных остатков гончарной печи были выявлены остатки еще трех печей плохой сохранности, которые могут быть интерпретированы как железоплавильные. Они представляли собой сооружения прямоугольной формы в виде большого углубления в материковой поверхности шириной около 0,7 м, длиной 0,8—0,9 м и глубиной около 0,8 м. Ямы имели сильно прокаленные стенки и были заполнены углем, золой, слоем извести, камнями, рядом имелись шлаки. В одном случае слой извести, который очевидно выполнял роль флюса при плавке, окружал яму с внешней стороны. Рядом с этими остатками находились два крупных зольных пятна диаметром около 1,3—1,4 м со скоплением угля, золы и железистых шлаков (4, с. 65—66). Конструкция печей не ясна из-за крайне плохой сохранности, вероятно, в результате их разлома после плавки и поздней потревоженности (культурный слой и частично материк

на этом участке были срезаны местными жителями при закладке огородов и устройстве открытой площадки для молотильного тока). Но, очевидно, выявленные остатки являлись наземными сыродутными горнами, в которых получали кричное железо. Эти данные позволяют говорить о постановке в город металла в виде руды из мест добычи, хотя не исключены более рациональные поставки в виде криц. Последние представлены в Дербенте для рассматриваемого времени единственной находкой высокой плотности железной крицы овально-полусферической формы (диаметром 9—13 см) весом 400 г (5, с. 10—13). Руда, вероятно, поставлялась из южно- и центральнодагестанских богатых сидеритовых месторождений, доступных разработке открытым способом (11, с. 33—34, 23,7; 12, с. 28—29, 42). Для дробления руды (а также иных хозяйственных нужд) использовались каменные песты, найденные в большом количестве. На наличие металлургического производства указывает и тот факт, что в исследованном жилище-хозяйственном комплексе I в. до н. э. — II в. н. э. (раскоп P—XIV) одна из хозяйственных ям (№ 27) была заполнена железным шлаком.

В слоях городища и на некрополе обнаружено большое количество железных предметов. Часть из них найдена во фрагментах, часть сильно деформирована в результате коррозии и об их назначении судить довольно трудно. Среди изделий из железа отметим находки длинного всаднического меча без перекрестия, кинжалов с прямыми перекрестием и с вырезами у основания рукояти, втульчатых наконечников копий, трехлопастных черешковых наконечников стрел, куски кольчуги, ножей с прямой и кривой спинкой, кругло- и прямоугольнорамчатых пряжек, фрагментов удила, булавок со свернутым концом, шильев, штырей, гвоздевидных предметов и пр. О распространении среди населения городища режущих металлических изделий свидетельствуют и многочисленные находки разнообразных оселков, узких пластинчатых галек, длиной 8—15 см, с выработанной одной—двумя сторонами.

Наличие обработки цветных металлов и ювелирного дела в Дербенте в рассматриваемый период документируется находками кусочков шлака, двух тиглей для плавки цветных металлов (5, с. 13). и куском меднобронзовой крицы высокой плотности (раскоп P—XIV, хоз. яма № 6). Изготовлены тигли из огнеупорной глины с обильной примесью шамота. Тигли небольших размеров: высота их 4—5 см, ширина устья 5—6 см. Они имеют форму невысокого стаканчика с округлым суживающимся дном и подтреугольным устьем-сливом. Стенки тиглей сильно прокалены и ошлакованы, местами оплавлены, на них остались натеки и мелкие крипицы меди (бронзы?).

Найденные предметы представляют широкий ассортимент изделий из бронзы, меди, серебра, пользовавшихся спросом у населения древнего Дербента. Это биметаллические зеркала, бронзовые витые гривны и браслеты, пластинчатые и провололочные

браслеты, в их числе с перевязанными концами, многочисленные и разнообразные пряжки, в том числе зооморфные и сюльгамы, поясные накладки и наконечники, различные фибулы, броши, перстни и кольца, серьги с подвесным шариком, лунницы, бронзовые округло-ребристые бусы, изготовленные в подражание стеклянному, различные подвески, в том числе в виде бычьих голов, крупные и небольшие ажурные, прорезные колокольчики, колечки-привески в 1,5—2 оборота и другие изделия. Отметим находку в жилищно-хозяйственном комплексе рубежа н. э. (раскоп Р—XIV) небольшой бронзовой тонкостенной чашечки, диаметром 4,5—5 см, украшенной каннелюрованным орнаментом. Изготовлена она из цельного бронзового листа толщиной 1,5 мм техникой давления. Одно из серебряных колец, найденных на некрополе (погр. № 24), отличается довольно тонкой работой: кольцо с несомкнутыми концами напоминает стилизованное изображение змеи — один конец его утоньшен, на другом расположен держатель с рубиновой (альмандин?) вставкой. Гнездо, где закреплена вставка, окаймлено мелкой (диаметром ок. 1 мм) зернью.

Анализ многочисленного и разнообразного инвентаря показывает, что при обработке цветных металлов, изготовлении и отделке ювелирных изделий древние мастера пользовались самыми различными и довольно сложными техническими приемами такими, как литье по восковой модели и в жесткой форме, пайка и витье, ковка и чеканка, резьба и давление, зернь и скань, инкрустация, полировка и др. приемы.

Относительно высокий уровень металлообработки, довольно сложная техника производства изделий, требовавшая продолжительного и квалифицированного труда, широкое распространение в быту изделий из металла и, в особенности, из железа, отразившее возросший на них спрос и увеличение производства, очевидно, могут свидетельствовать об определенной специализации в металлургии и металлообработке: выделении самостоятельных кузнечного и ювелирного дела. На это явление, возможно, указывает и отмеченный выше факт концентрации железных шкалов на обособленном участке городища.

Одним из важных занятий населения Дербента являлось прядение и ткацкое ремесло, на что указывают многочисленные находки пряслиц от веретен, а также грузиков от ткацких станков и обработанных рогов для уплотнения нитей изготавливаемой ткани. Ретроспективно о ткацком деле в Дербенте рассматриваемого времени можно судить по сведениям арабских авторов, отмечающих высокий уровень производства различных тканей.

Пряслица и их заготовки встречены в довольно большом количестве (более 70 шт.) и повсеместно, что, вероятно, указывает на распространенное занятие прядением, очевидно, среди женского населения. Представлены они каменными, керамическими и костяными экземплярами. Малочисленные каменные пряслица имеют дисковидную, уплощенно-сферическую и уплощенно-ци-

линдрическую форму; редко встречаемые костяные пряслица — только уплощенно-сферическую. Самые многочисленные керамические пряслица имеют конусовидную, уплощенно-сферическую, полусферическую, сферическую и дисковидную форму. Последние (дисковидные) изготавливались исключительно из стенок керамических сосудов, главным образом, столовых и тарных. Находки многочисленных заготовок керамических дисковидных пряслиц восстанавливают ход их изготовления: сначала фрагмент керамики отбивался до придания ему округлой формы, затем обтачивались и заглаживались края, и только потом делалось отверстие путем двустороннего сверления, придававшего часто отверстию биконическую форму. Наблюдения над стратиграфическим распределением пряслиц показывают, что дисковидные керамические экземпляры получают широкое распространение на рубеже албанского и раннесредневекового времени.

Выбор размера веретена и пряслица определялся прочностью прядильного материала, толщиной и крепостью нити, которую нужно было выпрясть и, следовательно, разнообразие формата и веса пряслиц, может служить указанием на выработку разных сортов пряжи и из разного материала (13, с. 41—42). Для прядения хлопкового волокна употреблялись маленькие и легкие пряслица, а для упругого шерстяного волокна и льна — более тяжелые. Именно этим видам пряжи соответствуют, по мнению Б. И. Литвинского, две основных весовых категории пряслиц: пряслица весом до 30 г и пряслица весом 30—60 г.

Пряслица обнаруженные в культурных напластованиях Дербента албанского времени также укладываются в две, хорошо обозначенных, весовых категории, в целом соответствующие и их размерам. Это пряслица весом 8—25 г и 35—60 г. Причем, очень редко встречаются пряслица промежуточной группы весом 25—35 г, как и пряслица весом более 60 г.

По всей видимости, обнаруженные в Дербенте пряслица отражают те две основных весовых категории пряслиц, определенных Б. А. Литвинским, и соответствуют определенным видам пряжи, а именно, хлопковой и льняной или шерстяной. Стратиграфический анализ двух весовых категорий пряслиц показывает, что если для слоев албанского времени (I в. до н. э. — II в. н. э.) характерно незначительное количественное преобладание более тяжелых пряслиц (весом 35—60 г), то в слоях рубежа албанского и раннесредневекового времени (III—V вв.) наблюдается обратная пропорция — легкие пряслица преобладают над тяжелыми. В этих фактах было бы заманчиво видеть отражение изменений, происшедших в направлениях прядильного и ткацкого дела: в частности, говорить о развитии хлопководства к сер. I тыс. н. э. и увеличении удельного веса производимой хлопковой пряжи и тканей. Но этот вопрос требует дальнейшей разработки, основанной на привлечении более широкого круга источников.

На изготовление названных трех видов пряжи — хлопковой, шерстяной и льняной — косвенно могут указывать и другие ма-

териалы. В частности, о широком возделывании культуры хлопка в Кавказской Албании VII в. сообщают «Ашхарацуйц» (14, с. 50) и Мовсес Каланкатвацци (1, 5). Большой удельный вес костей мелкого рогатого скота, который вместе с крупным рогатым скотом составлял основу стада, среди остеологического материала Дербента может свидетельствовать об изготовлении шерстяной пряжи и ткани. В свете приведенных археологических материалов становятся ясными и истоки становления Дербента как одного из значительных на Кавказе и Переднем Востоке VIII—XII вв. центров ткацкого производства, специализировавшегося на выпуске льняного полотна, полотняной и хлопчатобумажной одежды, которая высоко ценилась и являлась предметом широкого экспорта (ал-Истахри, Ибн Хаукал, Идриси, Йакут, Балами).

О наличии ткачества и, возможно, ковроделия в Дербенте в рассматриваемое время свидетельствуют находки уплотнителей нитей — одного из инструментов ткацкого и коврового производства. Они изготовлялись из рога оленя, реже косули и служили для прибавки уточной пряжи после каждого ряда узлов. Концевая часть их отполирована в результате использования, а плоскости нередко имеют продольные срезы. Эта принадлежность ковроткачества известна и по этнографическим материалам (15, с. 76—77). Законсервированные остатки тканей встречены почти в каждом погребении некрополя на коррозированных металлических изделиях, главным образом, пряжках и зеркалах. Вероятно, как грузики от ткацкого станка могут интерпретироваться высокие конусовидные керамические изделия, напоминающие и обычно называемые пряслицами, но имеющие более крупные размеры и вес.

Нужды обитателей Дербентского городища, наличие широкой сырьевой базы, большое количество выходов песчаника и ракушечника — относительно легкообрабатываемых и прочных пород камня, обусловили широкое применение в хозяйстве изделий из камня. Они представлены хозяйственно-бытовыми предметами, орудиями труда, строительными деталями.

Для изготовления зернотерок, найденных в большом количестве и повсеместно, использовались местный песчаник, ракушечник и крупные речные булыжники. Найдена одна заготовка из речного булыжника с выровненной рабочей поверхностью, но без следов сработанности на ней. Размеры зернотерки различны: самая мелкая имеет 29 см в длину, самая крупная — 52 см, при ширине 10—23 см и толщине 4—9 см.

Наряду с зернотерками для помола зерна в первых вв. н. э. стали применять жернова. В слоях Дербента албанского времени они весьма малочисленны, но к сер. I тыс. н. э. ручная мельница становится основным средством для помола зерна. Найдены как верхние, так и нижние камни жерновов. Все они изготовлены из песчаника. Жернова ручных мельниц имели диаметр 30—48 см, толщину 3—7 см. Нижние камни имеют дисковидную форму с плоской нижней и плоской или слабовыпуклой верхней рабочей

поверхностями. У верхних камней нижняя рабочая поверхность плоская или слабоогнутая и верхняя — выпуклая. На верхних камнях, чаще около края, имеются небольшие углубления для деревянной рукояти, которой жернов приводился в круговое вращательное движение. Хранили зерно как в зерновых ямах, так и в крупных хозяйственных сосудах типа хумов. Крышками для этих сосудов служили каменные диски диаметром 15—28 см, изготовленные из округлых плоских булыжников с обработанными краями и редко из ракушечника.

В хозяйстве обитателей городища использовались небольшие каменные корыта, ступы, песты, тщательно изготовленные, с двухсторонне просверленными отверстиями оселки и упоминавшиеся уже пряслица. Отметим также находки мелких кремневых галек округлой формы с отшлифованными одной или двумя поверхностями, возможно, заготовок для пряслиц.

Камень, наряду с деревом, являлся основным строительным материалом. Уже в албанское время в кладках архитектурных сооружений применяется, правда, не часто, камень с частично обработанной поверхностью. Наряду с этим, в качестве строительных деталей нашли широкое применение хорошо обтесанные каменные основания (базы) от опорных столбов архитектурных сооружений. Они имели подчетырехугольную, уплощенно-полусферическую и цилиндрическую форму с диаметром 16—28 см и высотой 6—15 см. Одно из подобных оснований представляет собой каменный барабан с хорошо обработанными нижней (диаметром 28 см), боковыми (высотой 9 см) поверхностями и подтесанной выпуклой верхней частью (общая высота базы ок. 15 см), в центре которой имеется полусферическое углубление (диаметром 11 см и глубиной 4—5 см) для опорного столба.

К числу строительных деталей относятся также небольшие булыжники и слегка подтесанные камни с специально сделанными углублениями, представляющие собой пяточные камни для дверей. Среди них встречаются и хорошо обработанные, правильной призматической или подпрямоугольной формы камни с углублением в основании, очевидно, также служившие подпятниками.

Среди различных приемов обработки камня особое развитие получили сверление и шлифовка, что подтверждается находками упоминавшихся пряслиц и оселков. Назовем также находку 12 каменных брусков неясного назначения, правильной прямоугольной формы, с ровными плоскостями и почти одного формата (2,7—4×4—6×8—10 см), обнаруженных в одной хозяйственной яме (раскоп Р—XIV, хоз. яма № 17).

На развитый характер камнеобрабатывающего дела, сложность используемых в нем технических приемов указывают относительно частые находки тщательно изготовленных из мелкозернистого песчаника чаш, отличающихся строгой симметричностью, правильными, законченными формами, гладкой отшлифованной поверхностью. Они имели полдон высотой 1—1,5 см и диаметром 12—14 см, плавно расходящийся от дна стенки толщиной 0,9—

2,5 см и немного утолщенный или утоньшенный с верхним горизонтальным краем венчик диаметром 25—30 см. Эти чаши по форме близки к подобным керамическим образцам. Изготовление таких каменных чаш требовало сложной, продолжительной работы, высокого мастерства, профессиональных навыков и, возможно, предполагает использование каких-то механических приспособлений.

Важнейшее военно-стратегическое положение Дербента обусловило развитие строительного дела и, особенно, фортификации как одной из его ярких морфологических черт. Албанский период в архитектуре Дербента отмечен важными изменениями, выразившимися прежде всего в появлении в I в. до н. э. — I в. н. э. мощных оборонительных сооружений, в которых нашли отражение новые конструктивные решения, строительные приемы и методы.

В оборонительной и бытовой архитектуре получает распространение регулярная кладка, панцирная кладка с частичной обработкой отдельных камней в процессе строительства, перевязка торцевых блоков стен, глиняный раствор. При сооружении оборонительных стен отмечено устройство траншей под их основания (2, с. 91—92) — строительный прием, на который указывал Витрувий (V, 1). Ванежшим показателем развития фортификаций явилось появление в оборонительной архитектуре Дербента первых вв. н. э. боевых башен (2, с. 92). Введение и распространение новых строительных приемов позволило значительно увеличить прочность и долговечность архитектурных сооружений, их высоту и этажность, повлекло развитие всей бытовой архитектуры.

Очевидно, появление на рубеже н. э. в Дербентском проходе новых мощных оборонительных сооружений нашло отражение в сведениях античных авторов. С первых вв. н. э. применительно к проходу начинает употребляться, наряду с обычным «portae» («ворота», «проход»), название «claustra», означавшее в военном отношении «пограничная крепость», «вал», «стена» (Тацит. История, I, 6), на что впервые обратила внимание К. В. Тревер (16, с. 122—123). Возведение оборонительных укреплений Дербента представляется было целенаправленным, централизованным актом государственного значения. В фортификационном строительстве, очевидно, наряду с мастерами-специалистами широко использовались военнопленные и, в частности пленники-римляне, через которых шло ознакомление с передовыми принципами оборонительной архитектуры. О привлечении пленных римлян и армян к возведению городов, оборонительных сооружений в качестве каменотесов, кладчиков стен сообщает Бузанд словами албанского царя Урнайра (V, 4). С этим сообщением Бузанда перекликается чрезвычайно важное известие Михаила Сирийца, почерпнутое им у Иоанна Эфесского (VI в.). Сирийский автор сообщает, что города Барсалии (локализуемой на территории приморского Дагестана) «построены ромеями, которые (суть) города Каспия, называемые воротами Торайе» (17, S. 484—485). В этом замечании Михаила Сирийца, восходящем к VI в. и отражающем события пер-

вой пол. I тыс. н. э., содержится, как представляется, указание на участие римлян (позднее, византийцев) в фортификационном строительстве в прикаспийском Дагестане и в Дербенте в частности. Этот факт находит в настоящее время некоторое археологическое подтверждение (18, с. 63, 64; 19, с. 77—80). Он же отражен и в известии Гевонда о субсидировании и участии в строительстве дербентских укреплений византийцев в правление императора Маркиана (450—457 гг.) (20, с. 28). Несмотря на легендарный характер сообщений средневековых авторов, в них нашел отражение, по нашему мнению, реальный исторический факт.

Исследование бытовой архитектуры Дербента свидетельствует о широком использовании леса в качестве строительного материала. Дерево шло на изготовление колонн, опорных столбов, балок перекрытия, дверей, других деревянных конструкций. Археологические данные указывают на существование в зоне Дербента в албанское время широколиственных лесов, обусловивших применение дерева в архитектуре, хозяйстве, быту. Дерево шло на изготовление орудий труда, оружия и их частей (рукоятки шилев, ножей, кинжалов, мечей, топоров, ножны, луки, древки стрел и копий, веретена, ткацкие станки и мн. др.). Некоторые данные позволяют полагать, что немалое место отводилось дереву во внутреннем убранстве жилищ, среди домашней утвари. Можно уверенно говорить, что плотницкое дело, деревообработка занимали важное место в хозяйстве населения Дербента.

Определенное место отводилось обработке кости и рога, носившей, видимо, характер домашнего производства. Изделия из кости

Таблица 1

Видовой состав костных остатков диких животных из Дербента
(Раскоп XI, слон 8 и 9)

Определил к. б. н. К. Н. Золотов

Вид	Количество костей, слой 8, III—нач. V вв.	Количество костей, слой 9, I в. до н. э. — II в. н. э.
зубр	87	80
олень	29	29
марал	20	—
лани	46	—
косуля	11	12
джейран	25	—
серна	24	—
кабан	2	16
тур	13	—
муфлон	4	—
козел вишторогий	—	4
коза дикая	13	4
сайгак	1	—

и рога — рукояти шильев и ножей, накнечники стрел, накладки луков, иглы, уплотнители нитей, пряслица и пр. — находили широкое применение в быту.

Оценивая соотношение по количеству костей домашних и диких животных (соответственно в слое I в. до н. э. — II в. н. э. количество их составляет 57,8% и 42,2%, а в слое III — нач. V в. — 65,3% и 34,7%) можно считать, что охотничий промысел занимал существенное место в хозяйстве обитателей городища. Этому, очевидно, способствовало наличие значительного количества военного населения в Дербенте.

Главными объектами охоты были зубр и олень — крупные животные, дававшие большой выход мясной продукции. Количество костей зубра составляет в слое I в. до н. э. — II в. н. э. 55,2%, а в слое III — нач. V в. 31,6% всех диких животных. Количество костей оленя — соответственно 20% и 17,8% (в том числе 7,3% костей марала). На рубеже первых вв. н. э. охотились также на кабана (11%), косулю (8,3%) и гораздо меньше на дикую козу винторогого козла. В III — нач. V в. число объектов охоты увеличивается. Помимо известных зубра, оленя, косули (4%), стали охотиться на быстрых лань (16,7%), джейрана (9,1%), серну (8,7%), что может быть поставлено в прямую связь с развитием оружия, в частности с усовершенствованием лука, появлением сложного лука «гуннского» типа, а также широким распространением массивных трехлопастных черешковых наконечников стрел, сменивших легкие железные и костяные наконечники.

Рассмотренные виды хозяйственной деятельности не дают полного перечня промыслов и ремесел Дербента албанского времени. Наличие ткачества позволяет говорить о портняжном деле. Несомненно существование производств, связанных с обработкой и переработкой продуктов сельского хозяйства, таких как кожевенное, мукомольное, виноделие, о чем свидетельствуют археологические материалы. Находки костей осетровых могут служить указанием на существование рыбного промысла.

Развитие ремесел и промыслов в Дербенте, как и всей городской жизни, стимулировалось выгодным географическим положением его на важнейшем участке Прикаспийского пути, хорошо известного античным авторам и являвшегося не только важнейшей военно-стратегической дорогой, но и международной торговой трассой. Существенным фактором, способствовавшим развитию городского ремесленного производства, как и большинства отраслей экономики древнего города, выступало кочевое общество, глубоко заинтересованное в продуктах и изделиях оседлого населения. Торговые и культурные связи Дербента с южными и северными странами и народами наглядно подтверждаются находками предметов ближневосточного и восточноевропейского импорта.

Изучение археологических материалов из раскопок Дербента позволяет говорить об экономическом подъеме города, прослеживаемом с рубежа — первых вв. н. э. и вызванным, прежде всего,

повсеместным распространением орудий труда из железа, значительно расширивших возможности индивидуального хозяйства. В немалой степени этот процесс был обусловлен усилением значения Прикаспийского пути и активизацией всей ближневосточно-восточноевропейской торговли с последних вв. до н. э. и что явилось одним из важных факторов появления первых городов на территории Дагестана.

Исследование различных производств и, прежде всего, гончарного и металлообрабатывающего как наиболее хорошо представленных, свидетельствует не только об отделении ремесла от сельского хозяйства, но и изготовлении изделий на рынок, существовании и развитии товарного производства. Археологические материалы позволяют предполагать определенную специализацию в керамическом и металлообрабатывающем ремесле. В гончарстве, очевидно, выделились такие обособленные производства, как изготовление столовой и тарной керамики, требующие особой технологии производства, подготовки, специализации. В металлообработке — это кузнечное и ювелирное дело. Нахождение на одной обособленной территории к югу от цитадели остатков нескольких производственных печей, а также прослеживаемый здесь же большой участок с массой шлаков говорит о расположении на этом месте и концентрации производственных участков городища и, возможно, обособлении мастеров-ремесленников. Однако, как показывают археологические материалы, ремесленник еще не является центральной фигурой города, еще очень глубока связь города с сельским хозяйством, с земледелием.

Изготовление высококачественной керамики, обработка железа и цветных металлов, изготовление из них оружия, орудий труда, украшений, использование в строительстве передовых приемов зодчества требовали специальной подготовки, знаний, навыков и опыта. Именно на это указывал Ф. Энгельс, отмечая два важных момента в выделении ремесла в самостоятельную отрасль экономики: профессиональное мастерство как технологическая основа обособления ремесла и связь ремесла с обменом (21, с. 165).

Вместе с тем многие производства носили еще характер домашних промыслов. Например, наряду с изготовлением керамики на потребителя, на рынок, практиковалось производство ее для личных нужд. Одна из обнаруженных печей, которая имела простую конструкцию, небольшие размеры и двойное назначение, указывает, что в ней производили керамику для удовлетворения собственных нужд, т. е. здесь производство носило домашний характер.

Важнейшим показателем подъема экономики явилось появление в первых вв. н. э. и распространение ручной мельницы, пришедшей на смену малопроизводительным зернотеркам, отразившей, как и появление гончарного круга, развитие производительных сил местного общества, средств производства и соответствующий им уровень общественных отношений. Появление ручной

мельницы и гончарного круга является ярким археологическим подтверждением происшедших глубоких социальных перемен в дагестанском обществе. «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» (22, с. 133).

Определяя в целом экономическую жизнь Дербента рубежа — первых вв. н. э., можно говорить о ее интенсивном и многоотраслевом характере, выразившемся в быстром становлении и развитии различных видов ремесленного производства, в широких торговых, как местных, так и международных связях.

Археологические материалы вместе с данными письменных источников позволяют видеть в Дербенте рубежа — первых вв. н. э. важный военно-политический и торгово-экономический пункт, один из городов и центр этнополитической области Кавказской Албании.

* * *

¹ Кудряцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.

² Кудряцев А. А. Древние поселения на дербентском холме (досасанидский период формирования исторической топографии Дербента) // Древние и средневековые поселения Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1983.

³ Кудряцев А. А., Гаджиев М. С. К исторической топографии Дербента в албанский и сасанидский периоды // Всесоюз. конф. археологов: Тез. докл. Баку, 1985.

⁴ Кудряцев А. А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1977 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 461.

⁵ Кудряцев А. А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1984 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3.

⁶ Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. III.

⁷ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв. н. э.). Ташкент, 1977.

⁸ Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.

⁹ Ахмедова В. А. Тендыры Азербайджана // Изв. АН Аз. ССР. Сер. истории, философии и права. 1984. № 1.

¹⁰ Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане: Сб. ст. Махачкала, 1984.

¹¹ Дагестанская АССР: Физико-геогр. и экономико-геогр. обзор / Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л. и др. Махачкала, 1958.

¹² Котович В. М. К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в Дагестане и их первоначальном использовании // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане: Сб. ст. Махачкала, 1984.

¹³ Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

¹⁴ Армянская география VII в. / Пер. К. П. Патканов. СПб., 1877.

¹⁵ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX вв. М., 1978.

¹⁶ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.

¹⁷ Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

¹⁸ Кудряцев А. А. О синкретизме парфяно-сасанидских, греко-римских и местных традиций в фортификационной архитектуре и градостроительстве древнего и раннесредневекового Дербента // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане: Сб. ст. Махачкала, 1987.

¹⁹ Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1983.

²⁰ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века / Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1862.

²¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15.

²² Маркс К. Нишета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.

Л. Б. Гмыря

**ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА
ПАЛАСА-СЫРТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
(IV—VI вв. н. э.)**

Поласа-сыртское поселение IV—VI вв. н. э. расположено в низовьях р. Рубас, на правом возвышенном берегу реки. С востока и юга к поселению вплотную примыкают курганы правобережного участка Паласа-сыртского курганного могильника IV—V вв. н. э. (1, с. 11—12; 2, с. 134). Экспедицией Института ИЯЛ Даг-филиала АН СССР в течение полевых сезонов 1985—87 гг. был вскрыт культурный слой на площади 136 кв. м. (толщина исследованных напластований составляет 2,7—3 м).

Культурный слой поселения интенсивно насыщен остатками хозяйственной деятельности населения. Здесь обнаружены растительные остатки (обожженное зерно злаковых, растительная шелуха, косточки персика), большое количество зернотерок, обломков жерновов, фрагменты каменных ступ, каменные песты. На поселении выявлено также 26 объемных хозяйственных ям, некоторые из которых служили зернохранилищами. Население Паласа-сыртского поселения выращивало зерновые культуры и занималось их переработкой (3, с. 76).

Анализ огромного остеологического материала* показал, что население разводило крупный и мелкий рогатый скот (овец, коз, коров), а также лошадей, ослов, свиней, верблюдов; занималось различными промыслами: охота, рыболовство (среди остеологического материала обнаружены кости диких животных — косули, тура, джейрана, лани, зубра, серны, а также различных рыб, в том числе осетровых пород).

Некоторые остатки производственной деятельности (фрагменты керамического брака, обломки гипсовых форм для выделки крупных сосудов, керамический шлак), массовость керамических материалов (в процессе раскопок на поселении добыто одиннадцать тыс. фрагментов керамических сосудов) дают возможность говорить о развитии на поселении гончарного ремесла. Керамика отличается разнообразием форм — это крупные толстостенные сосуды-хумы, небольшие сероглиняные кухонные горшки и котлы,

* Видовое определение остеологического материала проведено к. б. н. К. Н. Золотовым. Пользуясь случаем, приношу ему глубокую признательность.

а также различные столовые кувшины, кружки, миски (красноангобированные, серо- и чернолощеные, розовоглиняные). (2, с. 134). Большим своеобразием отличаются лощеные кувшины терракотового цвета, поверхность которых, а также различные детали (сливные носики, ручки) покрывались рифлением.

На поселении были выявлены остатки производственного комплекса, связанного с выплавкой цветных металлов, обнаружена также каменная литейная форма для отливки металлических зеркал (22, с. 134). Найденная литейная форма является двусторонней: на лицевой и оборотной стороне камня вырезаны формы для отливки зеркал с различным орнаментом и различного диаметра. Подобные находки очень редки — по публикациям нам известны четыре подобные формы, однако двусторонней среди них нет (4, рис. 11 (1, 2); 5, рис. 1, 2 (2)).

На Паласа-сыртском поселении были развиты некоторые виды домашнего ремесла, обеспечивавшие потребности населения: каменная обработка, ткачество, выделка кож.

В данной статье мы подробно остановимся на характеристике одного из видов ремесла — обработке кости и рога.

В культурном слое поселения и заполнении хозяйственных ям было выявлено 162 костяных предмета, среди них десять являются заготовками для производства изделий из кости.

В зависимости от функционального назначения изделия из кости и рога подразделяются на четыре категории: орудия труда, детали вооружения, предметы досуга и культа.

1. Орудия труда (149 экз.) составляют наибольшее количество всех изделий из кости и рога. По назначению они разделены нами на группы: иглы, проколки, ложила, уплотнители нитей.

Иглы (43 экз.). Все они сделаны из рога оленя. Почти все имеют хорошую сохранность, лишь у девяти экземпляров утрачены нижняя или верхняя части (рис. 1). Размер игл 5,5—8 см (наиболее употребительны были иглы размером 6,5; 6,7; 7 см). Иглы имели стандартную клинообразную форму с заточенным концом. В нижней части тулово игл имеет округлую или уплощенную форму. Верхняя часть игл уплощена, она имеет подчетырехугольное, реже подтреугольное сечение (ширина верха игл 0,5—1 см). На расстоянии 0,5—0,75 см от верхнего края вырезана выемка, глубина которой составляет половину ширины иглы, высота входной части выемки различна — от 0,25 см до 0,5 см; периферийная часть выемки имеет расширение арочной формы.

Костяные иглы выделывались режущим инструментом (на некоторых экземплярах сохранились следы обработки), поверхность подвергалась полированию. Большинство игл встречено в верхних и средних слоях поселения (глубина 60—120 см).

Костяные иглы, подобные найденным в слоях Паласа-сыртского поселения, встречены в жилых помещениях античных городов Северного Причерноморья. (6, с. 116, рис. 144; с. 127, рис. 140 (2); 9, с. 177; 9, с. 173, табл. XI (13)). В Дагестане несколько экземпляров подобных игл встречены в Дербенте в слоях поздне-

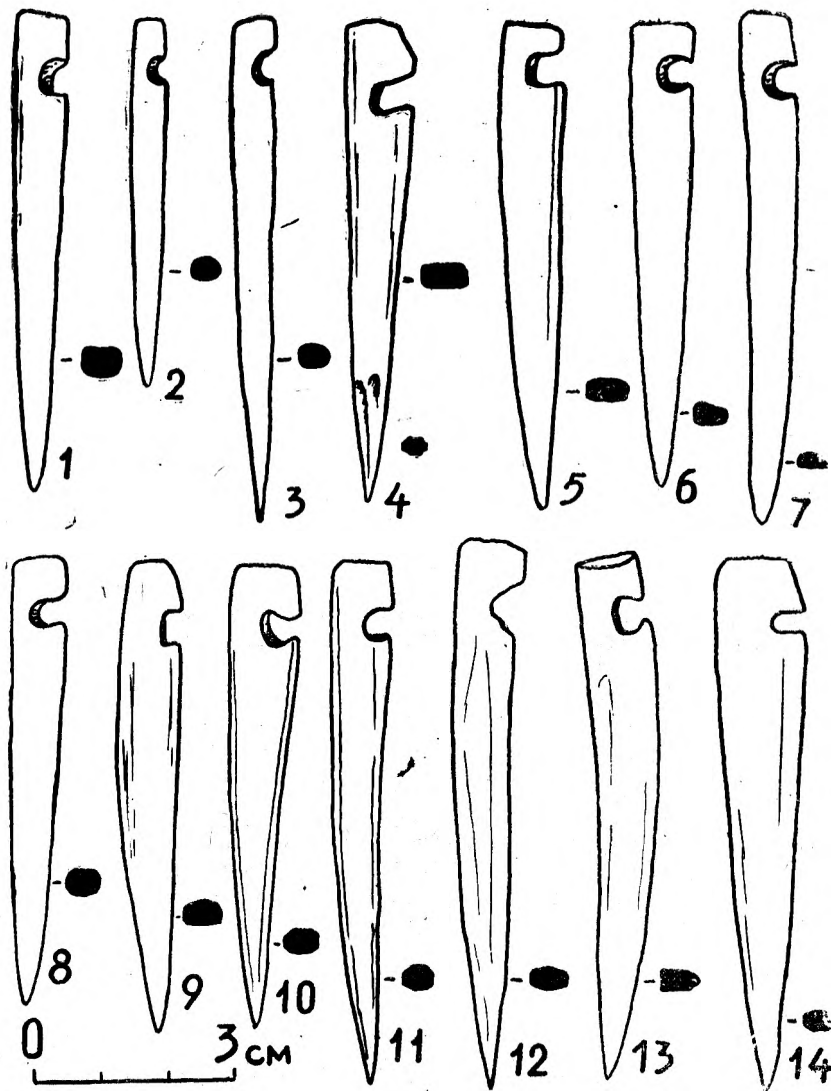

Рис. 1. Паласа-сыртское поселение. Костяные иглы.

албанского периода (10). В литературе установилось мнение, что костяные орудия подобной формы употреблялись при вязании сетей (6, с. 116; 8, с. 177; 11, с. 50, 174, 177). Однако находки больших групп костяных игл в глиняных сосудах (7, с. 127; 12, с. 222) дали повод для сомнения в правильности определения функционального назначения этой категории орудий труда (7, с. 127; 13, с. 110; 5, с. 173). Д. Б. Шелов высказал предположение, что подобные иглы могли употребляться целыми набо-

рами, а не как индивидуальное орудие труда (13, с. 110). Б. Г. Петерс приводит различные возможные способы использования этих орудий, но наиболее вероятным считает их использование в качестве орудий для приема твердой пищи и ее приготовления (14, с. 56).

Наши наблюдения над костяными иглами показывают, что данные орудия предназначались для операций, включающих такой вид работ как 1. прокалывание достаточно плотных материалов (рабочий конец игл тщательно заточен), 2. протаскивание сквозь отверстие швигочного материала, который, судя по высоте выемки (0,25—0,5 см) в верхней части иглы, должен быть достаточно толстым. Таким материалом могли служить сухожилия животных, толстая конопляная нить, кожаная тесьма, используемые при сшивании кусков кожи или меха*. (15, с. 42; 16, с. 128. Возможно, что иглы Паласа-сыртского поселения имели применение при пошиве кожаных и меховых изделий, форма иглы (уплощенно-коническая) также способствовала облегчению операции протаскивания сквозь плотное кожаное или меховое полотно. Исследователи отмечают, что костяные иглы встречаются почти во всех жилых помещениях (7, с. 127).

Как отмечалось выше, на Паласа-сыртском поселении они найдены на различных участках, в некоторых случаях по два или три экземпляра были сосредоточены рядом. Эти данные свидетельствуют о том, что иглы были необходимым орудием труда каждой семьи. Единичные же находки костяных игл, сосредоточенных в группы (7, с. 127; 14, с. 56), можно объяснить тем, что среди жителей выделились мастера, специализировавшиеся на производстве меховых и кожаных изделий и имевших для этой цели набор игл, применявшихся для проведения швигочных операций на различных по составу материалах (кожа, мех).

Проколки (53 экз.) изготовлены из грифельвидных костей животных — в основном домашних лошадей, реже ослов. В отличие от игл среди проколок имеется только пять целых экземпляров (рис. 2, 3—6); у большинства же проколок нижняя часть (острие) утрачена. Верхняя часть проколок имеет естественную форму грифельвидной кости, нижняя часть заточена. Размер целых проколок — 6,5; 6,8; 10,5; 13; 14 см, размер проколок с обломанным концом 7—14 см.

Костяные проколки известны в слоях античных городов Северного Причерноморья (8, с. 177; 14, с. 51—52, табл. VI (26—33), памятниках салтовской культуры (17, с. 83—84, рис. 4, 7). Подобные изделия, так же как и костяные иглы, могли иметь применение в производстве изделий из кожи и меха. Предварительное прокалывание швигочного материала значительно облегчало сшивание изделий с помощью иглы.

Лоцила (49 экз.). В качестве лоцил в большинстве случаев

* Приношу благодарность М. А. Агларову за консультацию по этому вопросу.

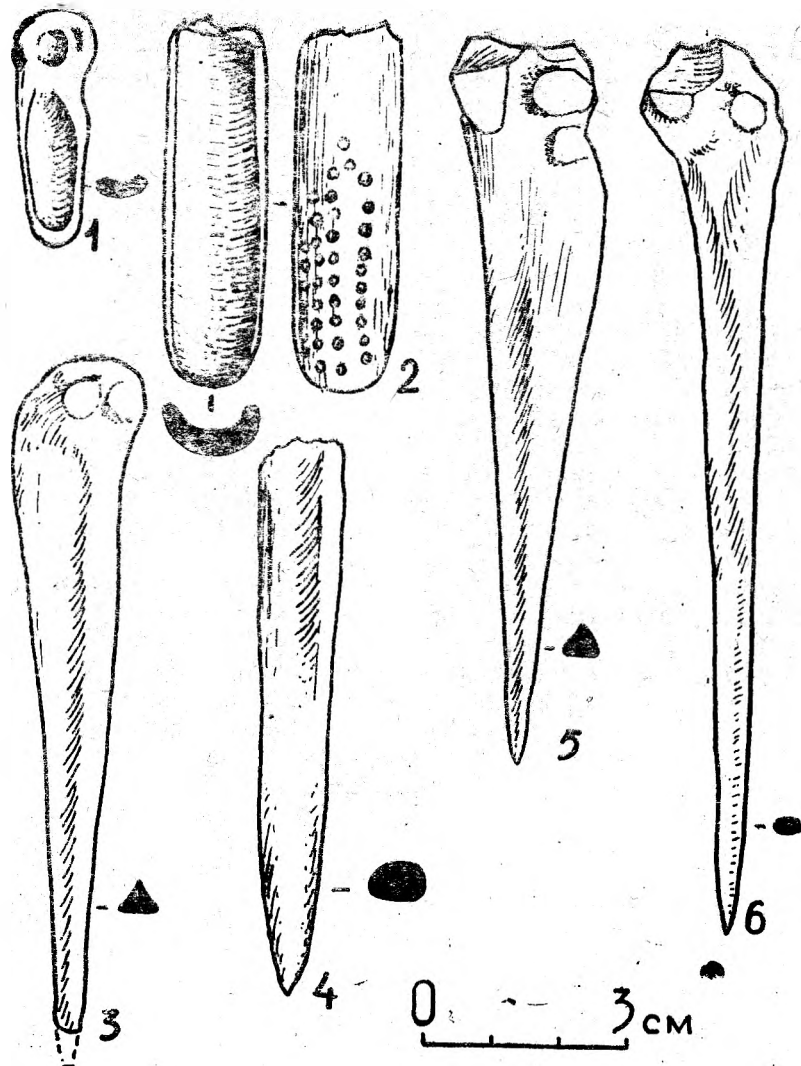

Рис. 2. Паласа-сыртское поселение. Орудия труда из кости:
1, 2 — лошिला, 3—6 костяные иглы.

использовались обломки ребер оленей (44 экз.), на которых сохранились следы сработанности. Этот тип лошил мог применяться при выделке кожи, а также при сглаживании и залощении внешней поверхности керамических сосудов. Второй тип лошил (5 экз.) предназначался для нанесения желобчатых линий на поверхность сосудов. Орнамент выполнялся в технике глубокого лощения или рифления. В зависимости от типа орнамента использовалось ло-

щило с заостренным или широким округлым концом (ширина рабочей части лошил, используемых для нанесения рифления составляет 0,75; 0,25; 0,3 см). Лошила второго типа выполнялись из костей диких животных — олень, лань, дикая коза, кошка степная, тарпан, они имели различные размеры (рис. 2 1).

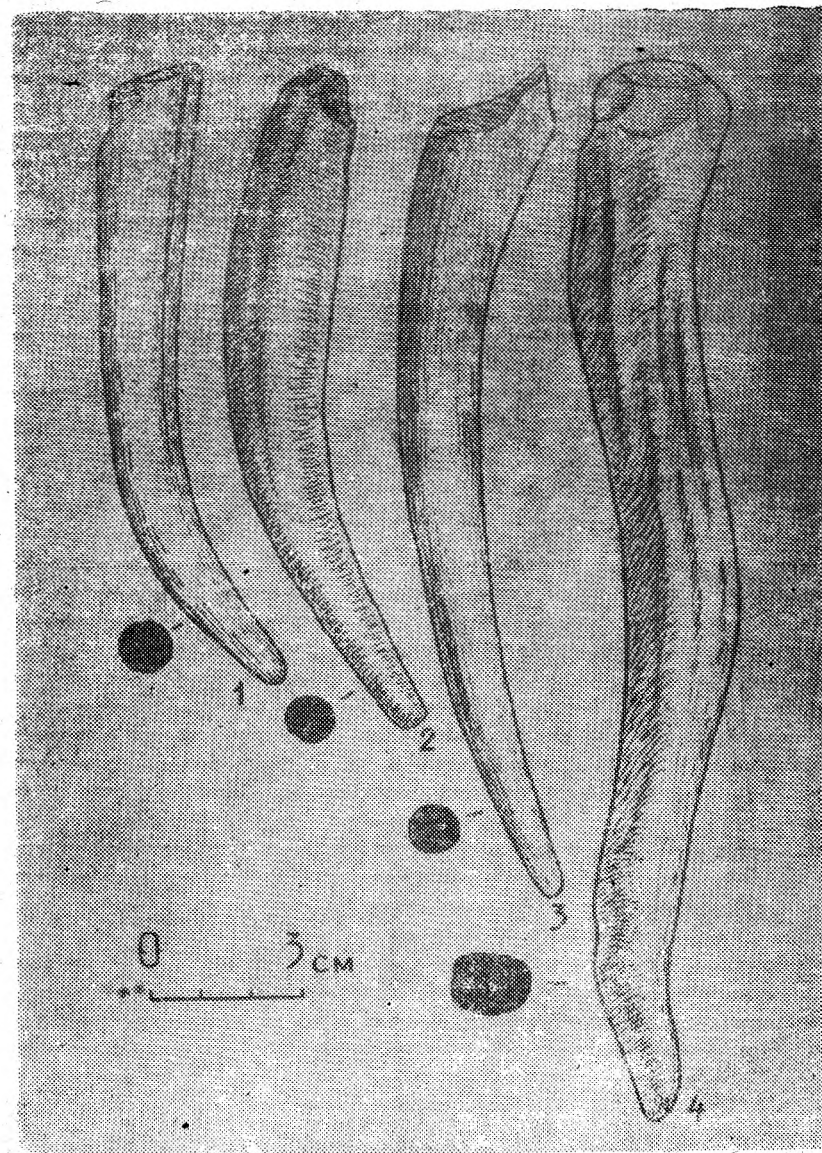

Рис. 3. Паласа-сыртское поселение. Орудия труда из рога.

Лощила первого типа широко представлены среди костяных орудий труда салтовской культуры (17, с. 78—83, рис. 1).

Уплотнители нитей (4 экз.). В качестве уплотнителей нитей в процессе ткачества применялась концевая часть рога оленя (рис. 3). Заостренная часть уплотнителей нитей имеет характерный заполированный блеск, образовавшийся в процессе использования орудий. На противоположной рабочей части уплотнителей видны следы горизонтального среза, а также боковой обточкой рога.

Итак, орудия труда из кости Паласа-сыртского поселения включают в себя четыре группы инструментов, среди которых самыми крупными являются инструменты, имеющие отношение к выделке изделий из кож и меха (лощила, иглы, проколки), а также к гончарному ремеслу (лощила), а именно — производствo лощеной и рифленной столовой посуды.

2. Детали вооружения (11 экз.) — три экземпляра костяных накладок луков и восемь костяных наконечников стрел (рис. 4, 5).

Костяные накладки луков представлены двумя фрагментами концевых накладок (рис. 4, 5, 6) и одним — срединной накладкой лука (рис. 4, 4). Накладки луков выполнены из продольно распиленных реберных костей оленя. Концевые накладки длинные (длина фрагментов: 21 и 10 см), узкие, слабоизогнутые. Головки накладок массивные, на них имеется ушко — выемка арочной формы для крепления те-

тевы. Срединная накладка также слабоизогнута, но она более широкая чем концевые накладки (2—2,5 см). Внешняя поверхность накладок заполирована, внутренняя — покрыта косой или сетчатой нарезкой для приклеивания к деревянной основе кибиты. Луки с костяными накладками подобной формы получили распространение на обширной территории степей Евразии в V—VII вв. н. э. (18, с. 16, рис. 5 (26, 27); (19, с. 136—180).

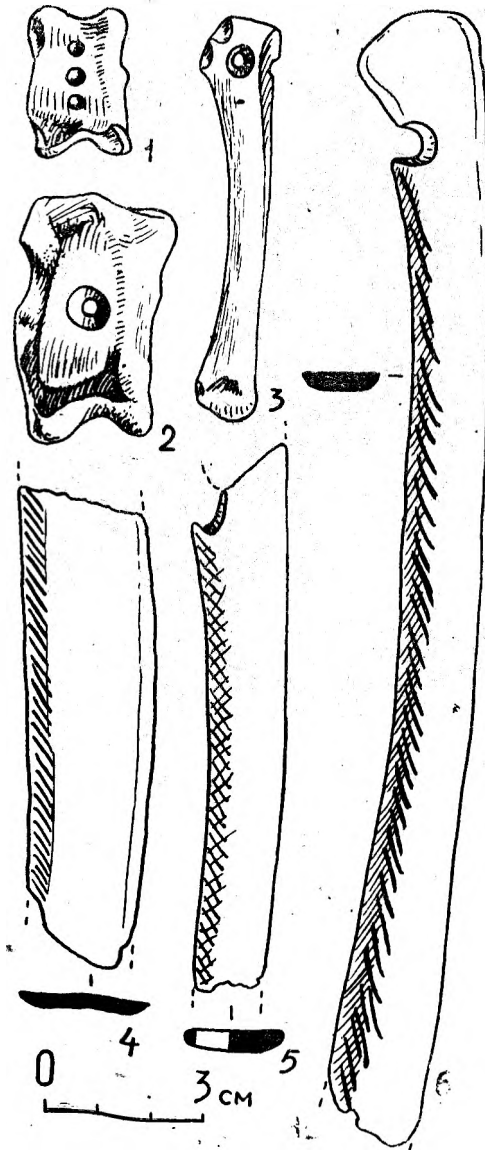

Рис. 4. Паласа-сыртское поселение.

Изделия из кости:

1, 2 — игральные кости, 3 — костяной амулет, 4—6 — костяные обкладки лука.

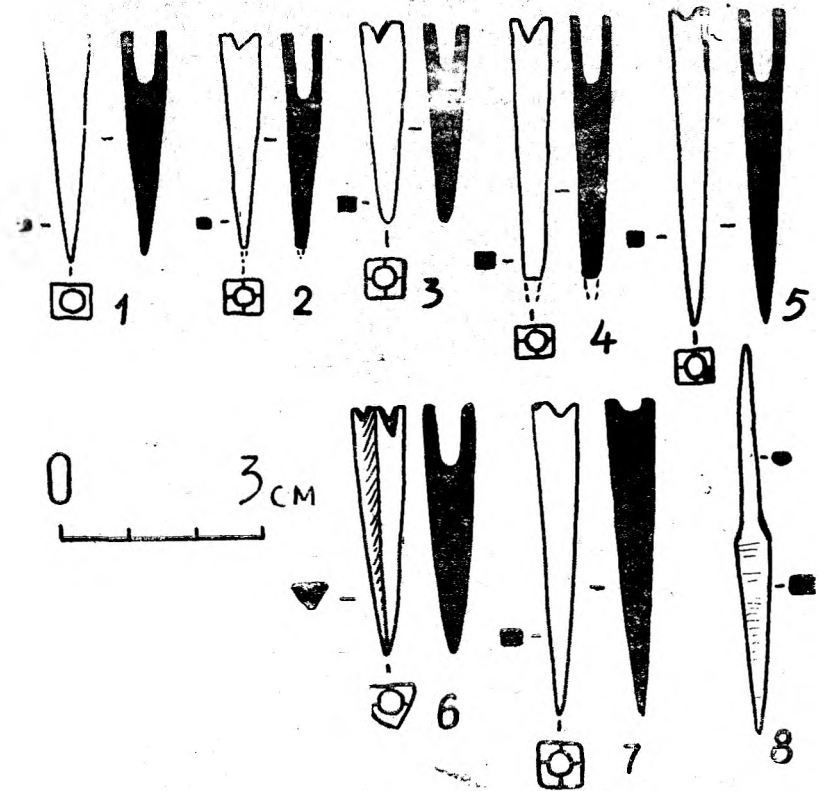

Рис. 5. Паласа-сыртское поселение. Костяные наконечники стрел.

Костяные наконечники стрел (8 экз.) встречены двух видов — втульчатые (7 экз.) и черешковые (1 экз.). Втульчатые наконечники имели скрытую втулку, форма пера четырехгранная (6 экз.) или трехгранная (1 экз.), основание стрел с остроугольными выемками (шипастые стрелы). Длина пера 3—4,7 см, ширина пера 0,5—0,7 см, длина внутренней втулки 0,6 см, диаметр втулки 0,4 см (рис. 5, 1—7). Черешковый костяной наконечник с плоским пером узколистовидной формы. Длина пера 3,1 см, ширина пера 0,4 см, длина черешка 2,6 см (рис. 5, 8). Лицевая сторона черешкового наконечника стрелы тщательно заполирована, на обратной — видна губчатая структура кости.

Шипастые костяные наконечники стрел с внутренней втулкой и граненым туловом на территории Дагестана представлены в погребениях рубежа — первых веков н. э. Таркинского, Карабудахкентского №№ 1, 2 могильников. (20 экз.) (20, с. 259, рис. 17 (12—14); 21, с. 180, 348, рис. 19, № 311; 21, с. 182, рис. 19, № 373, 394; 21, с. 212, рис. 38, № 51). В погребениях Урцекинских могильников № 1, 2 выявлено 38 экз. трехгранных и четырехгранных костяных наконечников стрел с внутренней втулкой, часть этих наконечников были шипастыми. Датируются они IV—V вв. н. э. (22, с. 23).

Костяные наконечники стрел с трехгранным и четырехгранным туловом и скрытой втулкой широко представлены в кочевнических древностях Южной Сибири и Центральной Азии со II в. до н. э. по V в. н. э. (19, с. 34, рис. 7 (1—3); рис. 14; с. 93—94, рис. 37 (1—3); рис. 39; с. 147), однако на оперении стрел с Паласа-сыртского поселения имеются шипы.

Аналогий черешковому наконечнику стрелы, выявленному на Паласа-сыртском поселении, нам не известны.

3. **Предметы досуга** (5 экз.) представлены бабками и битами (рис. 4, 1—2), в качестве которых использовались астрагалы диких животных (муфлон закавказский, джейран, толсторог). Бабки и биты небольшие (длина 2,5—2,75 см), хорошо отполированы; на одном экземпляре имеются три неглубокие выемки, концентрической формы, выполненные техникой сверления (рис. 4, 1). Среди них есть крупная бабка (длина 4,5 см), в центре которой просверлено сквозное отверстие (рис. 4, 2). Возможно, данный экземпляр использовался в качестве подвески.

4. **Предметы культа** немногочисленны — два экземпляра костяных амулетов, выполненных из фаланги барса (длина 7,5 см), на одном из концов просверлено сквозное отверстие (диаметр 0,5 см) (рис. 4, 3).

Среди изделий из кости имеется два предмета, определение функционального назначения которых в силу их фрагментарности затруднено. Это концевой фрагмент изделия, выполненного из продольно распиленного рога оленя. Край его скруглен, внешняя поверхность отполирована и украшена точечными выемками (39 шт.), составляющими четыре группы продольных линий (рис. 2, 2). Внутренняя поверхность изделия выемчатая, продольные края — сглажены (длина фрагмента 5,2 см, ширина 1,5 см). Второй предмет выполнен из трубчатой кости дикого животного, на котором просверлено несквозное отверстие диаметром 0,5 см. Возможно, что данные предметы также имели отношение к отправлению ритуалов.

Костяные амулеты широко представлены в кочевнических древностях Восточной Европы, есть среди них и просверленные фаланги животных (23, с. 172, рис. 47 (15); 17, с. 87, рис. 5 (10)).

Как отмечалось выше, в культурных слоях поселения выявлены фрагменты рогов диких животных (11 экз.) со следами предварительной обработки, служившие заготовками для производства

различных изделий: фрагмент рога дикого барана и четыре фрагмента рога оленя со следами среза у основания рога; фрагмент рога оленя со следами спила у основания и срезами боковых поверхностей; четыре фрагмента рогов дикой козы со следами спила концевой остроконечной части; фрагмент рога оленя со следами продольного среза и поперечного спила. Имется также один фрагмент хрящевой части ребра оленя, на который нанесены три глубокие насечки, выполненные рубящим орудием.

Как показывает анализ орудий и предметов из кости, выявленных в слоях Паласа-сыртского поселения, по технике исполнения они относятся к разряду простых. В процессе их производства использовались такие виды технических приемов как резание, распиловка, сверление, гравировка, рубление, полирование. Для выполнения этих приемов использовались различные инструменты: нож, пила, топор, бур, абразивы.

Среди находок из слоев Паласа-сыртского поселения имеется многочисленная группа изделий из кремня и галечника (пластины, отщепы, орудия), а также куски кремня и гальки со следами сколов, свидетельствующие о налаженном производстве орудий труда из кремня и гальки. К сожалению, мы не имели возможности специального исследования этих орудий труда, но вполне вероятно, что они имели применение в косторезном деле — кромка кремневой и галечной пластины обладает хорошими режущими качествами.

Таким образом, анализ изделий из кости и рога свидетельствует о том, что косторезное дело у населения степей Южного Дагестана было достаточно хорошо развито. В косторезном ремесле использовались специальные орудия, устойчивые приемы обработки, существовал выработанный перечень изделий. Несмотря на сложившуюся стандартизацию форм, каждое изделие несет в себе следы индивидуального изготовления. Косторезное дело не играло важной роли в хозяйственной жизни населения, оно было домашним производством, обеспечивающим потребности каждой семьи, однако, судя по широким аналогиям, некоторые категории костяных изделий (костяные накладные луков, наконечники стрел, костяные иглы) выполнялись по общепринятым образцам, имевшим широкий ареал.

* * *

¹ Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского поселения и могильника // Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984—1985 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1986.

² Гмыря Л. Б. Исследования в южном Дагестане. // АО 1985 г. М., 1987.

³ Гмыря Л. Б. Некоторые черты материальной и духовной культуры Приморских степей Дагестана в раннесредневековый период // Всесоюз. конф. археологов. Суздаль, 1987.

⁴ Садыкова М. Х. Сарматские памятники первых веков нашей эры // МИА. 1962. № 115.

- 5 Арсеньева Т. М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса. // Древности Евразии в скифо-сарматское время: Сб. ст. М., 1984.
- 6 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 16.
- 7 Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА. 1958. № 85.
- 8 Кругликова И. Т. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. // МИА. 1957. № 56.
- 9 Археология СССР: Антич. государства Сев. Причерноморья. М., 1984.
- 10 Полевые материалы Дербентской экспедиции (не опубликованы).
- 11 Кругликова И. Г. Боспор в позднеантичное время: (Очерки экон. истории). М., 1966.
- 12 Петерс Б. Г., Ефимов Г. М. О раскопках Михайловского городища // АО 1966. М., 1967.
- 13 Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- 14 Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- 15 Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981.
- 16 Булатова А. Г. Национальная одежда дагестанских цахуров. // Даг. этногр. сб. Махачкала, 1974. Вып. I.
- 17 Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979.
- 18 Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- 19 Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- 20 Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе с. Тарки в 1948—1951 гг. // МИА. 1951. № 23.
- 21 Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2.
- 22 Магомедов М. Г. Вооружение раннесредневекового Дагестана // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 222.
- 23 Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

Б. М. Салихов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

(по данным Хивского могильника IV—V вв.)

В октябре 1984 г. при строительстве моста через р. Рапак-чай / сел. Хив Хивского района ДАССР. строителями мостостроитель-

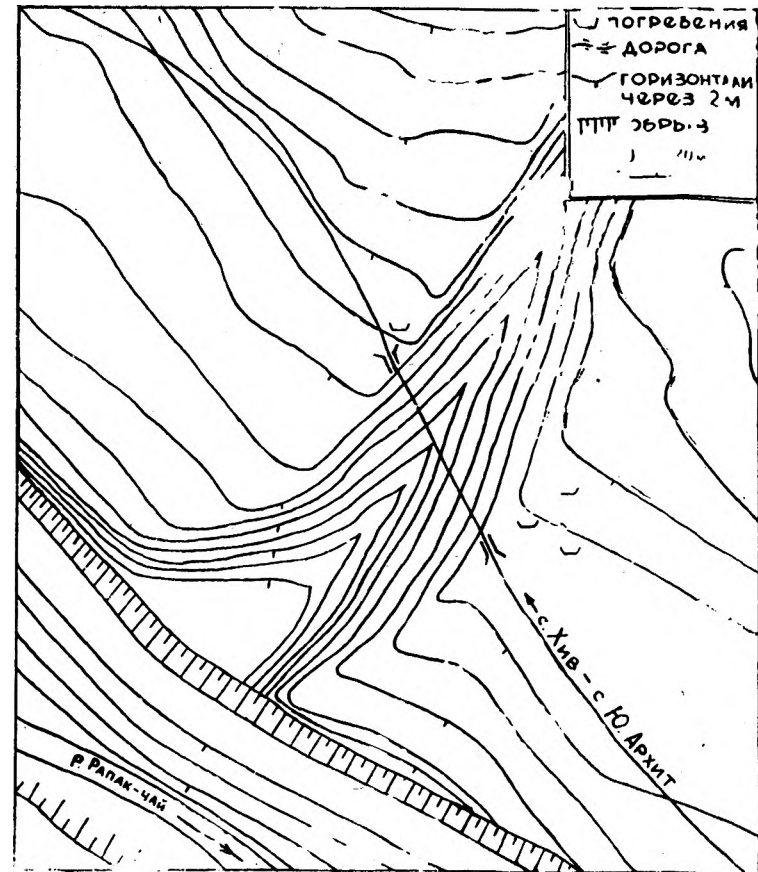

Рис. 1. План Хивского могильника.

ного управления Дагестанавтодора были разрушены четыре склепа древнего могильника в местности Ахьюкума гяр (1, 2, с. 78—79).

Могильник расположен у левого берега р. Рапак-чай, напротив сел. Хив, на высоте 30 м от русла реки, на крутой надпойменной террасе, правее новой автодороги. Определить точные границы могильника не представляется возможным из-за отсутствия внешних признаков. Разрушенные склепы находились по обеим сторонам оврага (один — на правой, три — на левой), по дну которого протекает левый приток реки Рапак-чай (рис. 1). Хивский могильник располагается на территории поселения эпохи бронзы (III тыс. до н. э.). Найденный различный погребальный инвентарь (керамика, предметы вооружения, орудия труда, принадлежности костюма и украшения, изготовленные из серебра, железа, бронзы, стекла, агата, гагата, сердолика, камня и т. д., часть которых встречается впервые не только на территории Дагестана и Кавказа в целом, но и на сопредельных регионах. Богатый и разнообразный материал, отличающийся и новизной — большое под-

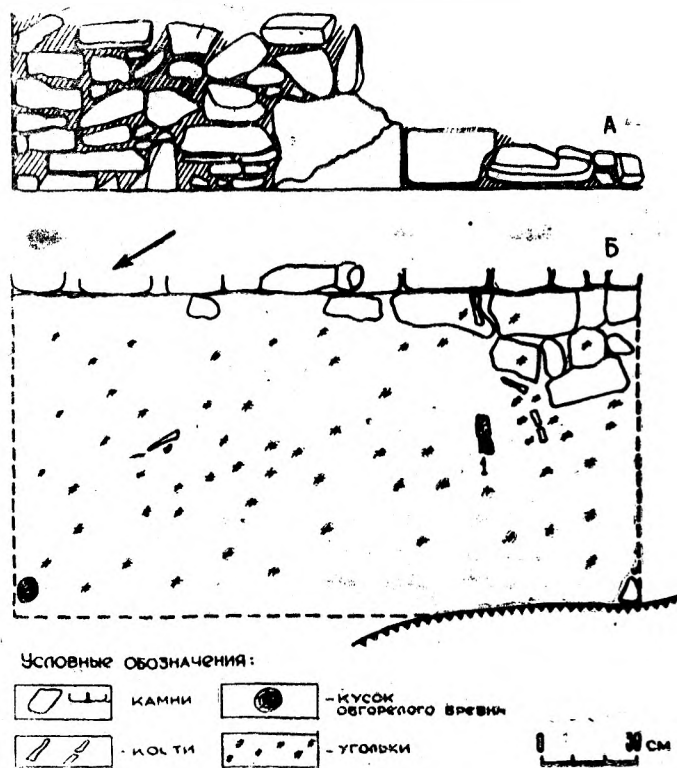

Рис. 2. План (Б) и профиль стенки (А) разрушенного погребения Хивского могильника.

спорье для изучения важнейших сторон развития ремесла и промыслов Дагестана, что позволит проследить некоторые черты местной материальной культуры IV—V вв. н. э., поможет выяснить неизвестные пути развития духовной культуры, торговли и т. д.

На могильнике были найдены обломки каменных плит (0,5×0,5—0,7×0,08 м), вероятно, от перекрытий могил. Был расчищен небольшой участок на месте разрушенного склепа. Он ориентирован (рис. II) по линии ССВ—ЮЮЗ и имел следующие размеры: 1,95×0,95—1,0 м. Сохранилась только одна Ю-В стенка погребальной камеры. Она была сложена из речных камней — гольшей средних размеров (0,22×0,08 м; 0,23×0,07 м) и рваного необработанного камня без применения скрепляющего раствора. В кладке стенки (высота 0,1—0,5 м) склепа имелась и зернотерка из мелкозернистого песчаника. На дне могилы были найдены фрагменты обоюдоострого железного меча, часть обгорелого бревна, два фрагмента трубчатых костей человека и большое количество древесных угольков. Пол склепа оказался вымощенным небольшими плоскими каменными плитками, а над ним имелся слой обмазки желтой глиной.

Погребальное сооружение и погребальный обряд

Склепы, подобные найденным в Хиве, встречаются в погребальных памятниках албано-сарматского и раннесредневекового времени Южного и Среднего Дагестана: Чувек (3, с. 14), Сенегер, Хлют (2, с. 74), Ленинкент (4, с. 145—147), Сиртич (5, с. 57), Уркарах (6, с. 130), Буйнакск (7, с. 55).

Следует подчеркнуть, что обмазка дна погребальной камеры жидким слоем желтой глины прослежен в одном из грунтовых погребений I—III вв. н. э. Хабадинского могильника (4, с. 124), каменной гробницы Калкнинского могильника (8, с. 169). Данная черта погребального обряда прослеживается и на памятниках предскифской эпохи. То же самое относится и к черте обряда посыпка дна погребальной камеры угольками, что наблюдается почти повсеместно на разновременных памятниках Дагестана. Забегая вперед отметим, что некоторые сосуды могильника имели на поверхности следы преднамеренной пробитости и порчи. Последнее относится и к предметам вооружения. Эта черта погребального обряда прослежена и на материалах Хабадинского, Агачкалинского, Калкнинского могильников, Буйнакского и Зеленоморского курганов.

Погребальный инвентарь

Керамика. Предметы керамики, найденные в могильнике, представлены обломками и целыми столовыми (парадными), кухонными и тарными сосудами. В состав теста, различных по назначению, сосудов могильника входили шамот, битый камень, растительные примеси. В основном сосуды обожжены хорошо,

цвет их поверхности коринчевато-красный. Сосуды имеют на шейках, плечиках, ручках или у сливов врезной, лепной, лощеный или штампованный орнамент.

Столовые сосуды представлены в основном кувшинами.

Все кувшины могильника условно можно разделить на типы.

Тип I. Вид А. Кувшины из коричневатой-красной глины с невысоким раздутым туловом, плоским устойчивым дном, высокой горловиной, слегка расширяющейся к трехлепестковому венчику. Ручка крепилась одним концом к венчику или под венчиком, другим — к плечикам или тулову (рис. III, 12, 13, 15, 16). На этих сосудах нанесен волнистый орнамент на плечиках с помощью четырех (рис. III, 12, 15) или двухзубчатой гребенкой (рис. III, 16),

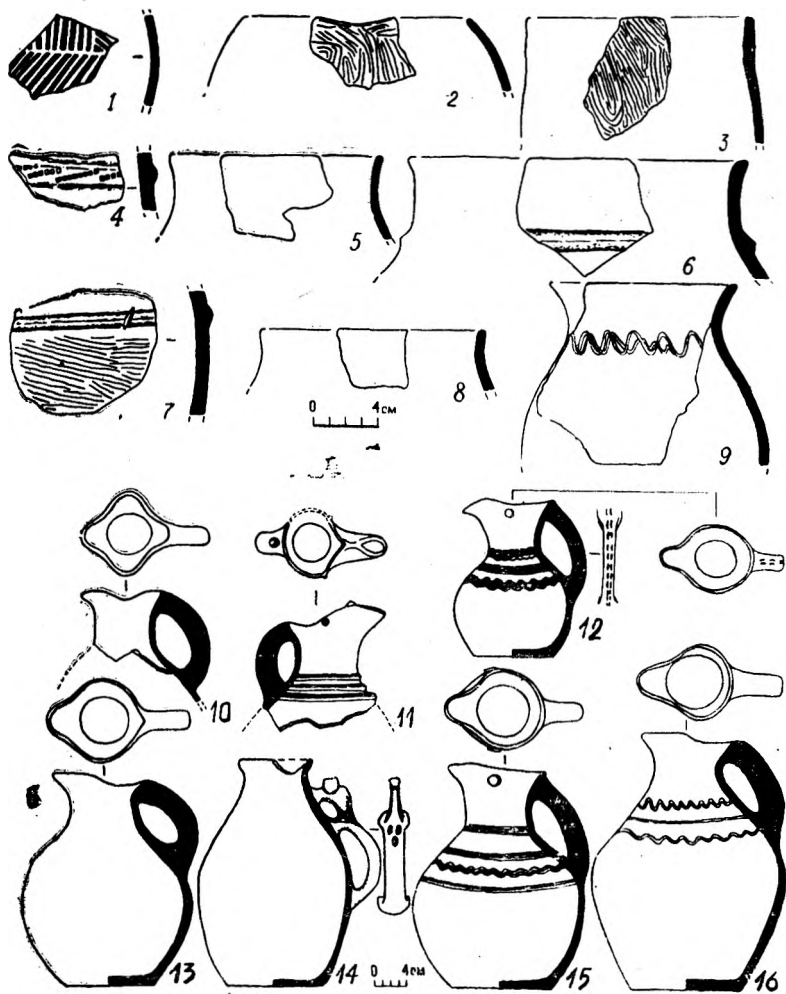

Рис. 3. Керамика из погребений Хивского могильника.

а на некоторых из них, вылепленных без помощи гончарного круга орнамент отсутствует (рис. III, 13). Под желобчатыми сливами сосудов имеются пуговичные налпы. Ручка одного из этих кувшинов (рис. III, 12), круглая в сечении, орнаментирована по длине парными ногтевидными вдавлениями—линиями. Эти вдавления образуют три ряда. На 1-м ряде их 8, на остальных 11 и 7. Эти сосны изготовлены на гончарном круге. Кувшины этого типа и подобные им сосуды (тип VII по Гаджиеву М. С.) получили широкое распространение на территории Южного Дагестана в раннем средневековье. Аналогичные сосуды были найдены в сел. Яраг (9, с. 54, табл. IV, 2), Мугерган*, Кирицк** и при раскопках городища Таргу (10, с. 75, рис. 10, 18).

На территории Азербайджана было найдено большое количество одноручных кувшинов со сливами, сделанными путем сжатия венчика. С обеих сторон слива часто помещали по одной лепной таблетке (11, с. 22, табл. XXI, 7, 10). Такие сосуды, найденные на территории Кавказской Албании датируются последними веками до н. э. — первыми веками н. э. (12, с. 76, рис. 1, 2; (13, с. 140, табл. II, 2). Были найдены такие же сосуды из стекла, имеющее поразительное сходство с гончарными (14, с. 121, табл. I, 7).

Вид Б. Обломок верхней части кувшина. На шейке этого кувшина (рис. III, 11) имеются три горизонтальных параллельных валиков, в сечении треугольной формы. Слив оформлен в виде трубочки, в месте его соединения, по обоим сторонам венчика имеются три выпуклых налпы — «глазки». Ручка, овально-четырехугольная, соединена одним концом к венчику, другим — плечикам. У места ее соединения с венчиком имеется неглубокая ямка — вдавление.

Тип II представлен кувшинами в обломках (рис. III, 10). Донце и тулово их было аналогичным сосудам с трехлепестковым венчиком, но в отличие от них они с цилиндрической шейкой, переходящей в четырехлепестковый венчик. Круглая, в сечении, ручка прикреплена к венчику и плечикам. Сосуды с четырехлепестковым венчиком встречены в Южном Дагестане. В последние годы сосуды обнаружены были в склепе сел. Сенгер Магарамкентского района. На территории Среднего Дагестана были выявлены в Карабудахкентском могильнике (15, с. 191, рис. 21, 309), разрушенных погребениях Зеленоморского кургана. Большое количество таких сосудов найдено на территории, в основном, Северного Азербайджана и Южного Дагестана рубежа албанского и ранне-средневекового времени.

Тип III (рис. III, 14) к нему относится кувшин с широким устойчивым донцем, вытянутым, слабо раздутым туловом, кони-

* Приняшу свою благодарность Ибрагимову Ибрагиму — рабочему совхоза «Ленинский» Магарамкентского района, студенту 4 курса исторического факультета ОЗО ДГУ им. В. И. Ленина, за материал и сведения, переданные нам в 1985 году.

** Сведения и материал в отдел археологии Института ИЯЛ поступили от учителя истории Кирицкской средней школы Кайтагского р-на Магомедова К. М.

ческими плечиками, плавно переходящими в слабоогнутый венчик. Двухпетельчатая, в сечении овально-четырёхугольная, зооморфная ручка в нижней части прикреплена к тулову (на ручке три округлых вдавления), в верхней — Г-образной формы, но заметно утоншена и имеет зооморфный выступ. Сосуд изготовлен тщательно, обжиг прекрасный, черепок тонкий. Аналогичная двухпетельчатая ручка встречена на сосуде Карабудахкентского могильника № 3 (15, с. 216, рис. 40, 124). Зооморфная посуда была встречена на разновременных памятниках Дагестана, Кавказа и племен сарматской культуры.

Кроме того, были найдены обломки краснообожженных, лощеных стенок кувшинов с врезным орнаментом (рис. III, 1) в виде вдавленно-прочерченных полос типа каннелюров, наносившихся обычно вертикально или под небольшим наклоном (9, с. 63, табл. VIII, вид Б). Таким образом, орнаментированная керамика характерна и для других памятников Южного Дагестана и Дербента (слои III—V вв. н. э.) позднеалбанского и раннесредневекового времени.

Кухонная посуда представлена обломками котлов (рис. III, 2, 3). По форме тулова (диаметр венчика 14 см) котел (рис. III, 2) из могильника относится к типу уплощенно-шаровидных или биконических. Он лепной, черепок в изломе серого цвета, тесто грубое, поверхность обмазана и орнаментирована резными беспорядочными линиями, а кроме того, и закопчена.

Возможно, является обломком котла (диаметр 14 см) фрагмент черепка (рис. III, 3), орнаментированный аналогично, как и котел.

Котлы найдены по территории Среднего (Урцеки), Северного (Андрейаул) Дагестана. Нижний слой городища Андрейаул (I—III вв. н. э.) характеризуется в основном котлами биконической формы, в среднем слое (IV—VI вв. н. э.) большая часть котлов также биконическая, но одновременно с ними употреблялись шаровидные котлы (16, с. 274). Котлы из Хивы, судя по аналогии, относятся, скорее всего, к IV—V вв. н. э.

Тарная посуда представлена обломками горшков и крупных тарных сосудов (рис. III, 4—8). Горшки (диаметр горловины 11,6—21 см) с невысокой слабоогнутой горловиной (рис. III, 5, 6, 8, 9) орнаментированы треугольным валиком по шейке и беспорядочной штриховкой горловины и тулова (рис. III, 6), на шейке другого горшка — врезные волнистые линии (рис. III, 9).

Фрагменты керамики (рис. III, 4, 7) от тарных сосудов имеют валики на толстостенных черепках. На самих валиках наискосок нанесен орнамент 8 зубчатым штампом (гребенкой) или же валик расчленен косою резной линией и дополнительно орнаментирован врезными беспорядочными линиями. Поверхность обломков тарных сосудов коричневатокрасный.

Доспех. В склепах Хивского могильника были найдены фрагменты железной кольчуги. В Дагестане, к настоящему времени, кроме кольчуг, найденных ранее (подробная библиография работ

авторов и находок кольчуг см. 8, с. 172) были выявлены остатки кольчуг и в разрушенных погребениях Зеленоморского кургана в 1986 г.

Вооружение. Наконечник копья (рис. IV, 1) выкован из железа. Перо узколистной формы, в сечении уплощенно-ромбическое (ширина 4 см). Общая длина наконечника копья 23,5 см, длина

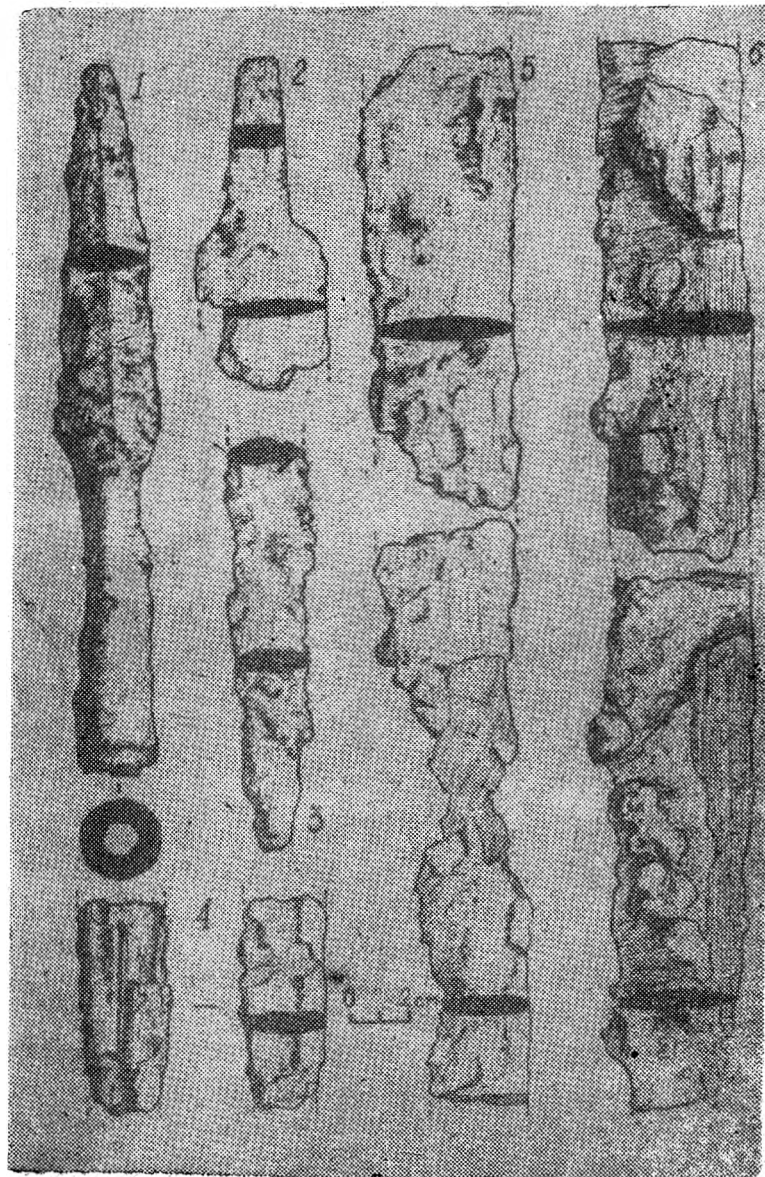

Рис. 4. Предметы вооружения из погребений Хивского могильника.

конической втулки 10 см, диаметр втулки 2,5 см, на её конце имеется валик (зажимное кольцо?).

Аналогичные копья были найдены в албано-сарматских и раннесредневековых памятниках Дагестана (17, с. 259; 18, с. 127, рис. 2, 5, 6), Кавказа и юга нашей страны (19, с. 44, 45).

Мечи и кинжалы (рис. IV, 2—6) были найдены в фрагментах. Некоторые из них широкие (5 см), другие — узкие (3 см), обоюдоострые. Лучше сохранился фрагмент (рис. IV, 2) железного меча с обоюдоострым лезвием (ширина 4,5 см, длина сохранившаяся 11 см), в сечении уплощенно-линзовидным клинком, без перекрестия и с коротким (5,5 см) черенком для насадки рукояти.

Меч подобного типа встречен в Буйнакском кургане (20, с. 126, табл. VII, 42), Тарки (17, с. 259), Карабудахкенте (15, с. 213, рис. 38, № 96), Хабаде (4, с. 120, рис. 9, 11), Сумбатле 21, с. 116, табл. V, 13). Тарлан-Каке, Цыйше, Калкни (8, с. 184, рис. IV, 2), Паласа-сырте (22, с. 164, рис. 5 А—1). Такой железный меч хранится в школьном музее сел. Новый Аул (найден вместе с другим материалом в склепе у сел. Сенгер Хивского района. Общая длина этого меча 94 см, длина рукояти 13,4 см, ширина лезвия у ручки 4,5, в сечении овально-линзовидной формы.

Подобного типа мечи найдены и за пределами Дагестана, в комплексах позднесарматского времени.

Меч из Хива относится, видимо, к концу IV — началу V века н. э. Технологии производства холодного оружия посвящена специальная работа (23, с. 132—134), освещена также характеристика производства клинков холодного оружия Дагестана (24, с. 73—77).

На некоторых фрагментах (рис. IV, 4) сохранились остатки дерева на лезвиях и рукояти кинжалов и мечей — следы деревянных ручек и ножен. На ножнах сохранились остатки кожи. Внимательный осмотр остатков ножен, обтянутых сверху кожей, показывает, что изготовление ножен и обтягивание их кожей не претерпевает существенных изменений начиная с IV—V вв. н. э.

Снаряжение коня. Наличие костей лошади в склепах Хивского могильника не вызывает сомнения*. К конским украшениям относится крупный литый из бронзы **колокольчик** (рис. V, 16). Наверху колокольчика имеется петля для подвешивания, снизу имеется утолщенный валик в виде витого шнура, а наличие заусеницы на нём не оставляет сомнений, что она была отлита по восковой модели. По обе стороны петли для подвешивания имеются два круглых отверстия, вероятно, через них выходили концы бронзовой скобы, за которую могли закрепить язычок колокольчика.

Бронзовые колокольчики разнообразных форм и размеров появляются в позднебронзовую эпоху и продолжают бытовать в средневековые на территории Дагестана (25, с. 200), Кавказа (11, табл. XXXIX, 15) и других регионов.

Орудия труда. Небольшой железный нож с кривой спинкой (длина 8 см, ширина 1 см) был найден согнутым пополам. Такие

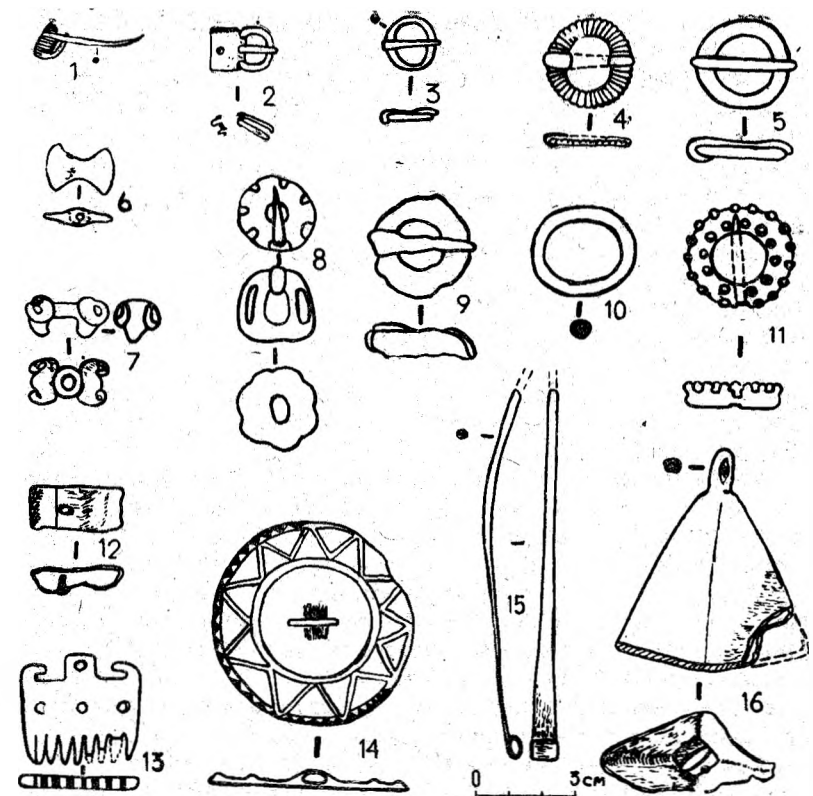

Рис. 5. Украшения и принадлежности туалета из погребений Хивского могильника.

ножички из железа найдены в памятниках албано-сарматского и раннесредневекового времени Дагестана. За последние годы такие ножи были выявлены в погребении № 9 Дербентского могильника (26, с. 130, рис. 4, 43), Паласа-сыртском могильнике (22, с. 166, рис. 7, 4), Калкнинском могильнике (8, с. 183, рис. III, 4), Манаскентских и Зеленоморском курганах (27, с. 10).

Бронзовое кольцо (рис. V, 12) изготовлено из раскованной пластинки, листа шириной около 1,4 см. Концы пластины сведены и соединены бронзовым гвоздем. На внутренней стороне кольца, около гвоздя сохранились остатки дерева. Видимо, данный предмет находился на деревянной ручке ножа или другого изделия.

Украшения и принадлежности одежды. Гривна (рис. V, 15) изготовлена из круглого в сечении бронзового прута, концы кото-

* Анализ костного материала могильника сделал канд. вет. наук Анаев М.-Ш. С. — директор ОПХ «Уйташское» Даг. НИВИ, которому приношу свою глубокую благодарность.

рой раскованы и свернуты в трубочку. Такого типа гривны найдены в Дагестане (25, с. 197—199), Кавказе (11, табл. XXXVIII, 4, 8, 9), Восточной Европе. Гривны бытуют с эпохи раннего железа до средневековья на огромной территории.

Впервые в Дагестане была найдена двойная подвеска в виде 2-х голов баранов (рис. V, 7), отлитая из бронзы по восковой модели. Четко выделены морды животных и сильно загнутые рога. Головы баранов обращены в противоположные стороны, в центральной части перемишки имеется вертикальное широкое отверстие для подвешивания этого изделия к ожерелью.

Одинарные зооморфные подвески в виде голов различных животных известны среди материалов Дагестана (одна такая бронзовая подвеска была найдена* в погребении у сел. Усемикент Каякентского района), Кавказа и других регионов страны, начиная с эпохи ранней бронзы и до средневековья (28, с. 115; 25, с. 203; 29, с. 30—31).

Бронзовая подвеска в виде двойной секиры (лабрис) изготовлена способом литья (рис. V, 6). В Дагестане такие подвески были найдены в Буйнакском кургане (20, с. 120, рис. II, 23—26; с. 121, рис. V, 14—16), Верхнекаранайском могильнике (3, с. 50, табл. 9, 21), Урцеки (25, с. 204, рис. 5, 14).

Своеобразие дагестанских секир-подвесок (по форме и размерам) по сравнению с секирами из соседних территорий позволяет считать их местными. Это, в свою очередь, свидетельствует о существовании в раннесредневековом Дагестане пережитков культа двойной секиры, который возник очень давно и был распространен на обширной территории (30, с. 92—93).

Фибула лучковая подвижная с расширяющейся к основанию дужкой из массивного стержня и обломки (рис. V, 1) бронзовых фибул с многовитковой пружинкой и иглой. Фибулы различных типов встречались и ранее на памятниках албано-сарматского и раннесредневекового времени Дагестана (Тарки, Карабудахкент, Паласа-сырт, Буйнакск, Урцеки).

Аналогичные фибулы, найденные в Хиве, встречаются на Кавказе, Поволжье, Прикубанье, Причерноморье (31, с. 94; 32, с. 143; 33, с. 75, рис. 1, 1, 2; 34, с. 151, рис. 2, 22). Подвижные фибулы (II—III вв. н. э.) характерны для юга СССР. На Кавказе, возможно, в Поволжье они удержались дольше — в IV в. (35, с. 52, табл. 9, 18).

Гребень (рис. V, 13) бронзовый. Изготовлен способом литья, односторонний, прямоугольной формы. На верхней части гребня по краям имеются два выступа, загнутых вовнутрь, а в середине — прямоугольный выступ (0,8×1,0 см) с отверстием для подвешивания. Длина гребня 3,6 см, ширина 3,4 см, толщина 0,4 см. В центральной части гребня расположены три одинаковых по форме и размерам отверстий, они находятся на одном уровне, по

длине одной линии. Из 9 зубьев гребня (0,3×0,9 см) 3 отломались частично или полностью. Края зубьев гребня относительно заострены.

На изготовление гребней использовали золото, серебро, бронзу, кость, дерево. Наиболее близким к хивскому гребню можно считать костяной односторонний составной гребень из Северного Причерноморья, датированный II—IV вв. н. э. (36, с. 67, рис. 42, табл. XIII, 9). Учитывая, что наибольшее количество гребней античного времени на территории СССР было найдено в Северном Причерноморье полагают, что в городах и поселениях Северного Причерноморья было налажено их производства (37, с. 68). На основе аналогий хивский гребень также можно отнести ко II—IV вв. н. э.

Пряжки (рис. V, 2—5, 9—11) Хивского могильника изготовлены из серебра, раскованы или отлиты из бронзы (рис. V, 2—5, 10—11), железа (рис. V, 9). По форме пряжки эти находки различных комплексов условно делятся на типы.

Тип I. Небольшая пряжка полукруглой в плане формы с прямым основанием, на котором закреплен подвижный язычок и двойной щиток четырехугольной формы с прямым основанием (рис. V, 2). В щитке пряжки сохранилась шпенька, служившая для крепления пряжки с ремнем.

Тип II. Вид А. Круглорамчатая пряжка, четырехугольная в сечении, с длинным прогнутым в центре и выступающим за конец пряжки язычком (рис. V, 3). Судя по ее размерам, вероятно, портупейная. Некоторые пряжки из могильника крупные по размерам. Часть из них без язычка (рис. V, 4, 10, 11). На поверхности железной пряжки (рис. V, 9) видны хорошо частицы ткани грубого плетения.

Тип II. Вид Б. Круглая пластинчатая пряжка с рифленными (внутренними и внешними) краями (рис. V, 4). Железный язычок этой пряжки обломан в середине, но сохранился на концах. Еще одна пластинчатая пряжка, изготовленная из серебра, с гладкими краями была найдена среди инвентаря Хивского могильника. У этой пряжки, в результате длительного применения на месте прикрепления железного язычка поверхность утоньшилась.

Тип II. Вид В. Найдены два одинаковых бронзовых массивных фигурных пряжек (рис. V, 11). Они круглорамчатой формы, на поверхности пряжек имеются два ряда выпуклых фигурных шишечек, расположенных у внешнего и внутреннего краев. Одна из этих пряжек, с отломанным железным язычком (сохранился только его конец) имеет фигурное гнездо для лучшего прикрепления язычка. Данный тип пряжек впервые встречен на территории Дагестана. Аналогии нам не известны.

Тип III. Бронзовая литая треугольной формы, в сечении овальной четырехугольная, пряжка. По мнению дагестанских исследователей, данный тип пряжки — характерный предмет местной материальной культуры Дагестана. Этого типа пряжки были найдены в Буйнакском кургане (20, с. 116, рис. 1, 15) и других дагестан-

* Хранится в фондах отдела археологии Института ИЯЛ.

ских памятниках албано-сарматского и раннесредневекового времени.

Булавка серебряная головная. Длина ее 7,4 см. Изготовлена из круглого, в сечении, прута, один конец которой раскован и свернут в трубочку, другой — заострен.

Аналогичные находки встречались в Карабудахкентском могильнике № 1 (15, с. 172, рис. 5, 142; с. 179, рис. 10, 144, 145, 151, 221), Буйнакском кургане (20, с. 121, рис. V, 17, 26), Паласа-сырте (21, с. 165, рис. 6, 31), Сиртиче (5, с. 55, рис. 5, 29) в комплексах начальных веков н. э. и позднеалбанского времени.

Пронизка бронзовая пластинчатая, изготовленная в виде спирали. Такие пронизки встречаются в Дагестане начиная от эпохи бронзы и до албано-сарматского времени.

Бронзовые зеркала (рис. V, 14) представлены двумя видами одного типа.

Круглое зеркало с рельефным геометрическим орнаментом (треугольники), заключенным между двумя круглыми рельефными валиками и центральной петлей для подвешивания. За валиком, у края зеркала (диаметр 6,2 см) имеются небольшие треугольники.

Круглое крупное зеркало (диаметр 9 см) с шестью антропоморфными изображениями и с центральной петлей для подвешивания. Каждое изображение передано в виде длинных изогнутых бровей, выпуклых глаз, прямого носа и рта. Все они заключены в круг в виде валика и несут в себе солярную символику и являются изображениями, видимо, солнечного божества, которое в пантеоне многих народов занимало одно из главных мест.

Подобные зеркала встречались в памятниках позднеалбанского и раннесредневекового времени (Паласа-сырт, Карабудахкент, Гага, Верхний Чирюрт, Бежта, Урцеки, Ботлих, Буйнакский курган, Хлут), а находка каменной формы на Паласа-сыртском поселении для отливки подобного рода зеркал позволяет говорить о местном производстве таких зеркал (37, с. 11). Бронзовые зеркала с солярной символикой, найденные в Хивском могильнике, датируются концом IV — началом V века н. э. и являются изделиями бронзолитейного производства Дагестана. Этому не противоречит и семантика изображений на них. Подобные изображения были встречены на бронзовых предметах Верхнего Чирюрта (38, с. 89, рис. 29, 21), Бежта (39, с. 135, рис. 16, 11), Калкни (8, с. 82, рис. II, 4) и других памятниках Дагестана. Зеркала с центральной петлей распространяются на Северном Кавказе со второй половины II в. н. э. и бытуют здесь до начала II тысячелетия н. э.

Подвеска полая конусовидная с железным язычком над верхней частью (рис. V, 8) с 7 округло-удлиненными вертикальными прорезями вокруг корпуса. В верхней и нижней части подвески имеются округлые отверстия. Подобная подвеска впервые встречена на территории Дагестана, аналогии ей нам неизвестны, хотя на территории Азербайджана (Мингечаур) имеется подвеска-

колокольчик, выполненная в подобной технике. Аналогичные материалы датируются в пределах II—I вв. до н. э. — I—II в. н. э. (11, с. 26, табл. XL, 3).

Ногтегистка бронзовая, витая (длина 5,1 см). Один конец ее слегка расплюсчен и закруглен, а другой — раскован и свернут в трубочку. Аналогичные туалетные принадлежности известны среди инвентаря Паласа-сыртского могильника (40, с. 151, табл. XIII, 22, 23; (21, с. 155, рис. 6, 28, 31).

В массовом количестве представлены найденные в погребениях могильника разнообразные каменные и стеклянные бусы местного и импортного происхождения.

Каменные. Сердоликовая бусина с отбитой поверхностью и неправильно цилиндрической формы (рис. VI, 26).

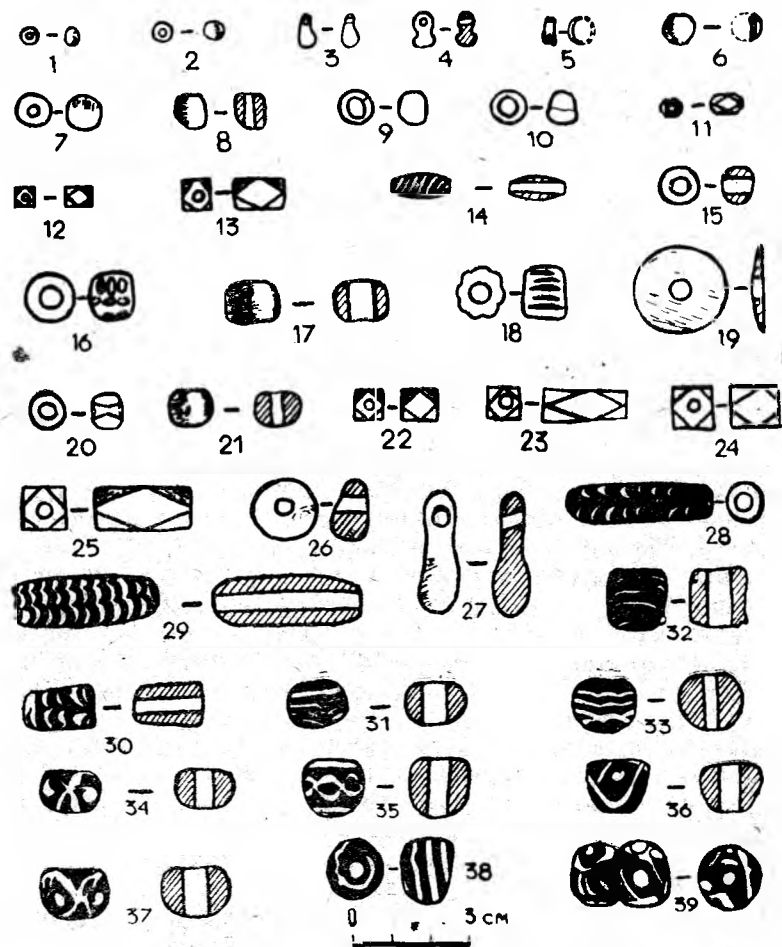

Рис. 6. Бусы из погребений Хивского могильника.

Агатовая бусина-подвеска удлинённо-грушевидной формы (рис. VI, 27).

Агатовые (15 экз.) крупные и мелкие бусы 14-гранной формы (рис. VI, 22—25).

Белая бусина из мраморизованного известняка (рис. VI, 21) круглой формы. На ее поверхности сохранились 2 зеленые точки — следы соприкосновения с бронзовым изделием.

Круглая плоская бусина из тонкозернистого глинистого песчаника в виде диска с отшлифованной поверхностью (рис. VI, 19).

Круглая бусина из камня кремневой породы темноватого тона с двухсторонним сверлением отверстия (рис. VI, 20).

Стеклянные. Светло-голубые бусы (3 экз.) с рубчатой поверхностью (рис. VI, 18).

Круглые цилиндрические бусы (2 экз.) из прозрачного бесцветного стекла, из них одна (рис. VI, 17) с золотой прокладкой.

Бусинка из бесцветного стекла с иризированной поверхностью и золотой прокладкой (рис. VI, 15).

Круглая буса из прозрачного бесцветного стекла (рис. VI, 5—7). Синяя 14-гранная бусина (рис. VI, 13), аналогичные маленькие бусинки голубого (рис. VI, 11) и зеленого (рис. VI, 12) цветов.

Бусины зеленого цвета со слоистыми разводами. Изготовлены (2 экз.) соединением концов плоской ленты в круг (рис. VI, 9, 10). Бусина фиолетового цвета со слоистыми разводами белого цвета (рис. VI, 14).

Глазчатые. Синие с сине-белыми глазками (рис. VI, 16) бусинки (2 экз.).

Полосчатые. Удлинённо-цилиндрические бусины (4 экз.) черного цвета с накладными стеклянными желтого цвета (рис. VI, 28, 29).

Шарообразные черные (3 экз.) бусы с полосами желтого цвета (рис. VI, 30, 31) и шарообразные черные (16 экз.), голубые бусы с полосами желтого и белого цветов с сине-белыми глазками (рис. VI, 32—38). Одна из них парная (рис. VI, 39).

Пастовые. Каплевидные голубые (рис. VI, 3, 4), круглые голубые (рис. VI, 1, 2) и удлинённые 14-гранные синие и зеленые бусины (рис. VI, 11).

Подобные бусины в большом количестве встречаются в памятниках Дагестана I—V вв. н. э. (Тарки, Карабудахкент, Урзеки, Таргу, Буйнакск, Андрейаул и т. д.).

Анализ комплексов Хивского могильника позволяет прийти к выводам следующего характера. Названный могильник, судя по многочисленным аналогиям, представляет из себя памятник местного, дагестанского происхождения. Он содержит материал, характерный, в целом, для I—V вв. н. э. Весь комплекс вещей, скорее всего можно отнести к IV—V вв. н. э.

Тип погребального сооружения этого могильника находит прямые аналогии среди погребальных сооружений Дагестана албаносарматского и раннесредневекового времени.

Прослеженные отдельные детали и черты погребального обряда, в том числе такие как обмазка пола погребальной камеры слоем глины, наличие на нем угольков, сопровождение коллективных человеческих погребений костяками жертвенных животных (коней, овец, коз), преднамеренная порча предметов керамики, вооружения, орудий труда и т. д., наблюдается повсеместно на территории Дагестана и в I—V вв. н. э. Данный погребальный обряд или его отдельные детали наблюдаются не только в склеповых захоронениях, но в погребениях совершенных в грунтовых ямах, каменных ящиках, гробницах, а также катакомбах.

Предметы погребального инвентаря представляют большой интерес при исследовании ремесленного производства Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени. Керамические комплексы, из разрушенных склепов могильника указывают на характер гончарного производства Южного Дагестана. Сосуды изготовлены как вручную, так и с помощью гончарного круга. Изготовленные без помощи круга керамические изделия, несмотря на выработанность формы, более массивны, толстостенны, относительно хуже обожжены и слабо орнаментированы. Керамика из Хивского могильника подтверждает общность керамики Южного и Среднего Дагестана и Северного Азербайджана, что позволяет в некотором отношении говорить о единстве истоков развития этого вида ремесла.

Кроме того, материалы могильника свидетельствуют также о развитом металлургическом и металлообрабатывающем ремесленном производстве, о многих технологических процессах, связанных с изготовлением орудий труда, предметов вооружения, одежды и украшения из серебра, железа, бронзы. Большинство изделий из металла, в частности, предметы вооружения, имеют многочисленные аналогии среди подобных изделий Дагестана, а стандартные размеры их могут свидетельствовать о производстве их в традиционных центрах и специализации ремесла.

Остатки дерева на рукоятях ножа, мечей, кинжалов и лезвиях последних доказывают на наличие деревянных ручек у орудий труда и предметов вооружения. Ручку деревянную нередко обтягивали сверху бронзой, с целью придания ей большей прочности. Остатки деревянных ножен мечей и кинжалов сохранили на себе куски кожи. Внимательный осмотр их показывает, что технология обтягивания кожей ножен оружия была подобной современному. Сказанное позволяет говорить о значительной преемственности традиций обработки дерева и кожи для хозяйственных и военных нужд.

Ряд оригинальных украшений, принадлежностей одежды и туалета (подвески, пряжки, гребень и т. д.), изготовленные из серебра, железа, бронзы впервые найдены на территории Южного Дагестана. Они свидетельствуют о высоком развитии бронзолитейного и других ремесленных производств Дагестана, богатстве материальной культуры IV—V вв. н. э. Детальное археологическое изучение Хивского могильника позволит в дальнейшем значительно

по расширить наши представления о социальном и экономическом развитии этой слабоизученной территории горной части Южного Дагестана в сер. I тыс. н. э.

* * *

¹ Салихов Б. М. Хивский могильник // Свет Октября. 1985. 19 февр. Табас. яз.

² Гаджиев М. С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I—VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1986.

³ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.

⁴ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

⁵ Давудов О. М. Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н. э.—III в. н. э.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1986.

⁶ Исследования на городище Таргу / Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. и др. // АО 1975 г. М., 1976.

⁷ Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган // Археол. памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.

⁸ Салихов Б. М. Калкинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа: Сб. ст. Махачкала, 1985.

⁹ Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане: Сб. ст. Махачкала, 1984.

¹⁰ Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1983.

¹¹ Казиев С. М. Археологические работы в Мингечауре: Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960.

¹² Бабаев И. А. Новые археологические находки близ гор. Кировобада. Резюме // МКА. Баку, 1965. Т. 6.

¹³ Махмудова Ф. Р. Памятник ялойлутепинской культуры в Агязинской равнине: Резюме // МКА. Баку. 1965. Т. 6.

¹⁴ Нуриев А. Б. О производстве стекла в древней Шемахе: Резюме // МКА. Баку. 1965. Т. 6.

¹⁵ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахконт // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.

¹⁶ Гмыря Л. Б. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э. // СА. 1979. № 3.

¹⁷ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—49 гг. // МИА. 1951. № 23.

¹⁸ Абрамова М. П., Магомедов М. Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища // Сев. Кавказ в древности и сред. века. М., 1980.

¹⁹ Хазанов М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

²⁰ Абрамова М. П. Буйнакский курган // Древние и средневековые археолог. памятники Дагестана: Темат. сб. Махачкала, 1980.

²¹ Давудов О. М. Сумбатлинский могильник // Древние памятники Сев.-Вост. Кавказа. Махачкала, 1977.

²² Гмыря Л. Б. Паласа-сыртский могильник: (по материалам раскопок

1981—1983 гг.) // Древние культуры Сев.-Вост. Кавказа: Сб. ст. Махачкала, 1985.

²³ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка Древней Руси // МИА. 1953. № 32.

²⁴ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура: Историко-этногр. этюды. М.: Л., 1947.

²⁵ Маммаев М. М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Учен. зап. ИИЯЛ. 1967. Т. 19. Сер. обществ. наук. Кн. 2.

²⁶ Кудрявцев А. А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала 1980.

²⁷ Салихов Б. М. Исследование памятников сарматского времени на территории Ленинского района // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Института ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.

²⁸ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Махачкала, 1961. Т. II.

²⁹ Кривицкий В. В. Бронзовый предмет из крематория эпохи поздней бронзы Верхней Рутхи // Новые материалы по археологии Центр. Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

³⁰ Абрамова М. П. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане // Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40.

³¹ Фурманская А. И. Фибулы из раскопок Ольвии // Археология. Киев, 1953. Т. 8.

³² Сымонович Э. А. Фибулы Неаполя Скифского // СА. 1963. № 4.

³³ Гуцина И. И. Памятник позднесарматской культуры в Подиспровье: (По фондам ГИМ) // АС / Труды ГИМ. М., 1986. Вып. 40.

³⁴ Дзиговский А. Н., Субботин Л. В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исслед. по археологии Сев.-Зап. Причерноморья. Киев. 1986.

³⁵ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н. э.—IV в. н. э.) // СЛИ. М., 1966. Вып. Д1—30.

³⁶ Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986.

³⁷ Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского поселения и могильника // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедицион. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.

³⁸ Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

³⁹ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1983.

⁴⁰ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. I.

А. А. Кудрявцев

СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

ДЕРБЕНТА

XI — середины XIII в.

Изготовление стекла, в силу целого ряда причин технического характера, в средневековый период являлось специфическим видом городского ремесла. Оно требовало не только определенной сырьевой базы, в силу чего этот вид ремесленного производства получил развитие далеко не во всех средневековых городах, но и сложных орудий производства, высокого мастерства ремесленника, что было связано со сложной технологией изготовления стеклянных изделий.

Большое значение для широкого развития стеклоделательного ремесла имеет наличие хорошей сырьевой базы и главное песка, пригодного для изготовления стекла.

Ценность этого песка тем выше, чем меньше он содержит окислов железа и вместе с тем имеет в значительном количестве окиси натрия и кальция. При наличии названных условий стеклоделу-ремесленнику легко было получить прозрачное стекло, затрачивая для этого меньшее количество соды и извести, которые повышают растворимость «шихты».

Дербент обладал практически неограниченными запасами необходимого песка и извести, которые «...вводились в стекольную шихту также и в виде молотых чистых разновидностей известняков» (1, с. 50), а щелочи в древности добывали из золы растений. Древние финикийцы добывали соду из золы водорослей и сделали ее предметом экспорта (2, с. 6), но в Дербенте имелись и другие источники получения соды.

Исследования стекольного производства Дербента позволило выделить три основных периода в его развитии*, хронологически совпадающими с периодами развития его гончарного ремесла (3, с. 214—236).

Первый период, VI—VII вв. — зарождение стеклоделия в Дербенте, которое не получило дальнейшего развития в связи с общим экономическим упадком города во второй половине VII — начале VIII вв., вызванного арабо-хазарскими войнами, в резуль-

тате которых Дербент неоднократно переходил из рук в руки и подвергался большим разрушениям. На этом этапе местное стеклоделие еще не играло большой роли в экономике раннесредневекового города и количество находок стекла в его слоях невелико, причем значительную часть его составляют импортные изделия. Однако находки в слоях V—VII вв. шлаков, расплавленных кусочков стекла, бракованных экземпляров и наличие среди материалов города этой поры стеклянной посуды, отличающейся по формам и качеству стекла, причем довольно невысокому, от привозного, в основном ближневосточного импорта, не оставляют сомнения, что эта отрасль городского ремесла все же развивалась в Дербенте, хотя роль ее в экономике города, видимо, была невелика.

Новый экономический подъем, начавшийся по окончании арабских завоеваний и определенной стабилизации обстановки во всем этом регионе, способствовал подъему и развитию многих видов ремесленного производства города и в первую очередь такого, чисто городского ремесла, как стеклоделие.

Особую роль в развитии стеклоделия в Дербенте сыграло широкое освоение в городе производства поливы, секрет изготовления которой, скорее всего, был заимствован из крупных ближневосточных центров. Анализ стеклянных изделий этого времени позволил выделить новый этап в становлении стекольного производства в городе — второй период его развития. Этот второй период включает в себя VIII—X вв. В это время происходит не только качественный и количественный (число стеклянных изделий возрастает почти в пять раз) скачок в развитии стеклоделия, но осваиваются принципиально новые виды ремесленной продукции — стеклянные украшения, изготовленные с помощью другой технологии, хотя продолжает совершенствоваться и появившаяся в раннесредневековый период техника выдувания стекла. Эта техника выдувания стекла становится основным приемом в изготовлении стеклянной посуды, но на данном этапе изделия выдуваются только в форму.

Многочисленность представленной в слоях VIII—X вв. стеклянной посуды и украшений, их разнообразие и довольно хорошее качество показывают, что во второй период своего развития стеклоделие Дербента достигло большого прогресса и стало играть значительную роль в экономике города (3, с. 234—236).

В данной статье я рассматриваю третий этап развития стеклоделательного производства Дербента — XI — середины XIII вв.

В слоях города, связанных с этим периодом, обнаружено 376 фрагментов стеклянных изделий, включавших в себя стеклянную посуду, украшения и фрагменты оконного стекла. В количественном отношении изделия распределяются следующим образом: посуда — 277 фрагментов; браслеты — 44 штуки, кольца — 3 штуки, вставки к перстням — 13 штук; бусы — 39 штук, стекло оконное — 12 фрагментов; один крупный и несколько мелких

* Исследованию первого и второго этапов посвящена специальная работа автора: Кудрявцев А. А. О стеклоделии средневекового Дербента (VI—X вв.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 214—236.

фрагментов толстостенного плоского литого стекла неизвестного назначения. Особых изменений в технологии изготовления стеклянной посуды и изделий в этот период не отмечено, но этот период характеризовался более массовым производством посуды, значительной стандартизацией и упрощенностью выпускаемых украшений, что свидетельствует об их широком изготовлении на рынок, освоением производства оконного стекла. К этому времени относятся остатки единственного пока в Дербенте и вообще в Дагестане, четко засвидетельствованного стеклоделательного производства с круглоплановой стеклоплавильной печью, заполненной шлаком с застывшей стеклянной массой, темно-синего цвета (4, с. 206). Печь имеет диаметр более 1 м, при высоте более 1,5 м, стенки из кирпича сильно ошлакованы стекломассой. Посуда и украшения этого времени в основном представлены изделиями из темно-синего, зеленого, коричневато-бурого непрозрачного стекла и голубоватого, зеленоватого или почти бесцветного прозрачного стекла.

Стеклянная посуда составляет около 2/3 всех стеклянных изделий, обнаруженных в слоях этого времени. По сравнению с посудой второго периода здесь не только значительно увеличивается количество выпускаемых экземпляров, но и изменяется соотношение различных типов изделий. Так, в это время резко сокращается выпуск чаш, но значительно увеличивается количество узкогорлых сосудов самых различных размеров, в большом количестве встречаются стеклянные ручки вытянутых форм, принадлежащих одноручным сосудам типа кувшинов. К сожалению, от многих изделий сохранились лишь донца, не позволяющие судить о форме всего сосуда. Появление новых типов донц: с очень сильно вогнутой внутрь, воронкообразной поверхностью, с двойным перегибом в нижней части, с двойной утолщенной кольцевой ножкой — позволяет предполагать освоение местными мастерами в этот период и новых форм стеклянных сосудов, не сохранившихся в целостности. Определенные количественные и качественные изменения выявленных типов дербентской стеклянной посуды были связаны в значительной мере с выпуском аналогичных изделий из металла и глины.

Чаши представлены всего тремя фрагментами подобных изделий. Два экземпляра имеют округлую, несколько приплюснутую форму с прямым, чуть отклоненным внутрь валикообразным венчиком, образованным за счет отгиба верхнего края изделий. Дно не сохранилось, но судя по аналогичным изделиям второго периода и формам многочисленных донц из слоев, связанных с третьим периодом, они имели кольцевую ножку, довольно значительной высоты, с вогнутой во внутрь поверхностью. Цвет стекла у одной чуть голубоватый, почти бесцветный, прозрачный, у другой — зеленоватый, прозрачный. Третий фрагмент принадлежит чаше со слабо выпуклыми боками и прямым, слегка утолщенным венчиком, подчеркнутым по основанию небольшим выступом. Дно чаши было уплощенное с чуть выделенным кольцом. Стекло желтовато-

зеленоватое, прозрачное. Орнаментация проста, обычно наlepной жгут, подчеркивающий основание венчика или стенок. Все три чаши находят себе параллели в аналогичной стеклянной посуде средневековых памятников Кавказа, Передней и Средней Азии, причем первые два изделия более близки к азиатским образцам (5, с. 64, табл. IX; 6, с. 380—381, табл. III; 7, с. 79, рис. 33, 12; 8, с. 95—158), а третье — к кавказским (9, с. 161; 10, с. 109, табл. II, 2). Малочисленность чаш в слоях этого времени, видимо,

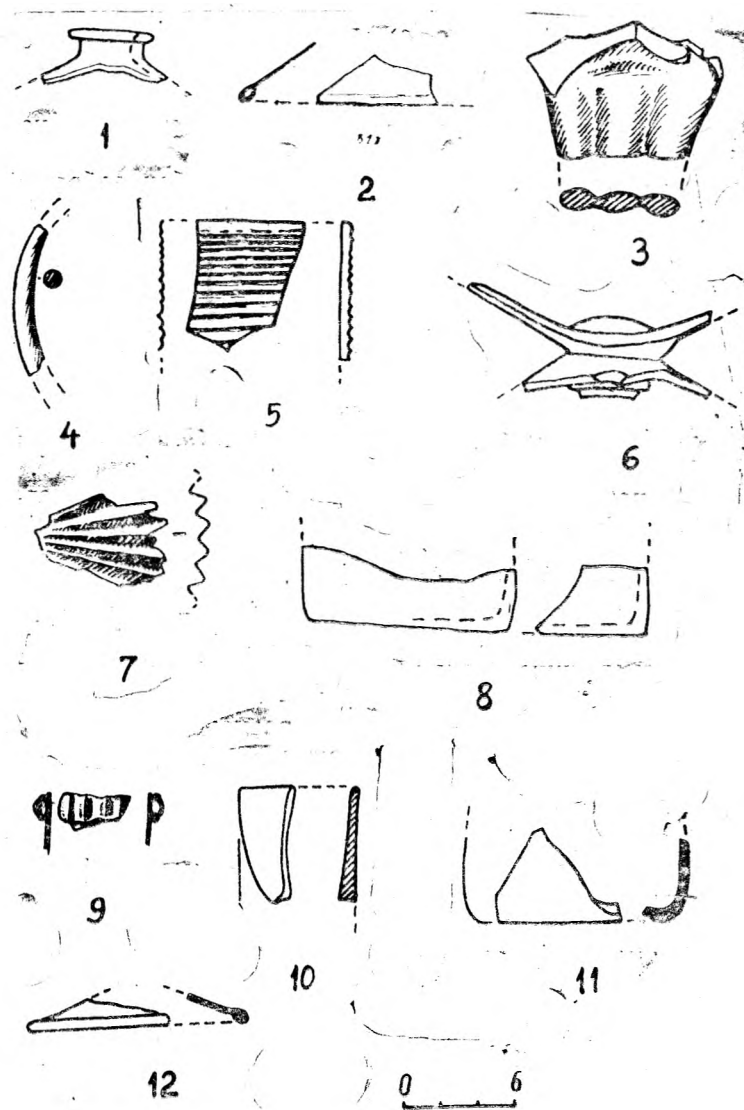

Рис. 1. Стеклянные изделия Дербента XI — сер. XIII вв

надо связывать с широким распространением и массовым употреблением в быту различных социальных слоев города поливной керамики.

Стаканы в слоях нач. XI — серед. XIII в. встречаются значительно реже, чем среди стеклянных изделий второго периода развития Дербента и представлены они одним типом сосудов, аналогичных стаканам второго варианта VIII—X вв. В основном это сосуды с прямым цилиндрическим туловом плоским или чуть вогнутым дном и прямым невыделенным или чуть утолщенным венчиком (рис. 1, 5, 8, 11; 2, 9). Некоторые из них по форме и размерам скорее можно назвать банкообразными сосудами. В отдельных случаях эти банкообразные сосуды имели не четко выраженный прямоугольный переход от дна к стенкам изделия, а более округлый.

Диаметр стаканов достигает 7—10 см, а у банкообразных сосудов до 12 см, высота 10—15 см. Стекло довольно толстое, обычно, 0,2—0,3 см, у банкообразных сосудов иногда до 0,4 см. Встречаются изделия с прозрачным стеклом зеленоватого, желтоватого оттенка или почти бесцветное и с непрозрачным стеклом темно-зеленого, коричневатого-бурого, редко, темно-синего цвета. Орнаментация на стаканах, как правило, отсутствует. Стаканы и банкообразные сосуды, выявленные в слоях Дербента начала XI — серед. XIII в. находят довольно близкие аналогии в синхронных средневековых памятниках Кавказа (9, с. 161; 10, с. 109, табл. II, 1; 11, с. 219, табл. 1, 2) и Средней Азии (5, с. 64, табл. IX) и несколько более поздних материалах средневековых городов Поволжья XIII—XIV вв. (12, с. 67, табл. VII, 4, 6).

Значительное количественное сокращение стаканов в слоях XI—XIII вв. надо также, вероятно, связывать с массовым использованием в быту населения средневекового города металлических изделий и поливных чаш и чашечек, вытеснивших более дорогую и хрупкую стеклянную посуду. Следует отметить, что именно в этот период самым распространенным, поистине доминирующим видом поливных изделий стали очень разнообразные по формам и размерам чаши.

Рюмкообразные сосуды, как и в слоях VIII—X вв. представлены лишь нижними частями изделий, позволяющими утверждать, что подобный вид стеклянной посуды изготовлялся ремесленниками средневекового Дербента, но судить о форме верхней части сосуда, его резервуаре, обычно, очень тонкостенном, можно только по аналогиям с немногочисленными подобными изделиями средневековых памятников ряда областей Средней Азии и Переднего Востока. Обнаруженные в слоях XI—XIII вв. нижние части рюмкообразных сосудов, в основном аналогичны подобным изделиям из более раннего слоя. Они имеют полые, трубчатые высокие ножки с круглым воронкообразно вогнутым во внутрь поддном, изготовленным совместно с ножкой или сплошную низкую ножку с фигурным утолщением в средней части (рис. 1, 2, 6; 3, 6; 5, 9). Рюмкообразные сосуды XI — серед. XIII в. мало чем отличаются

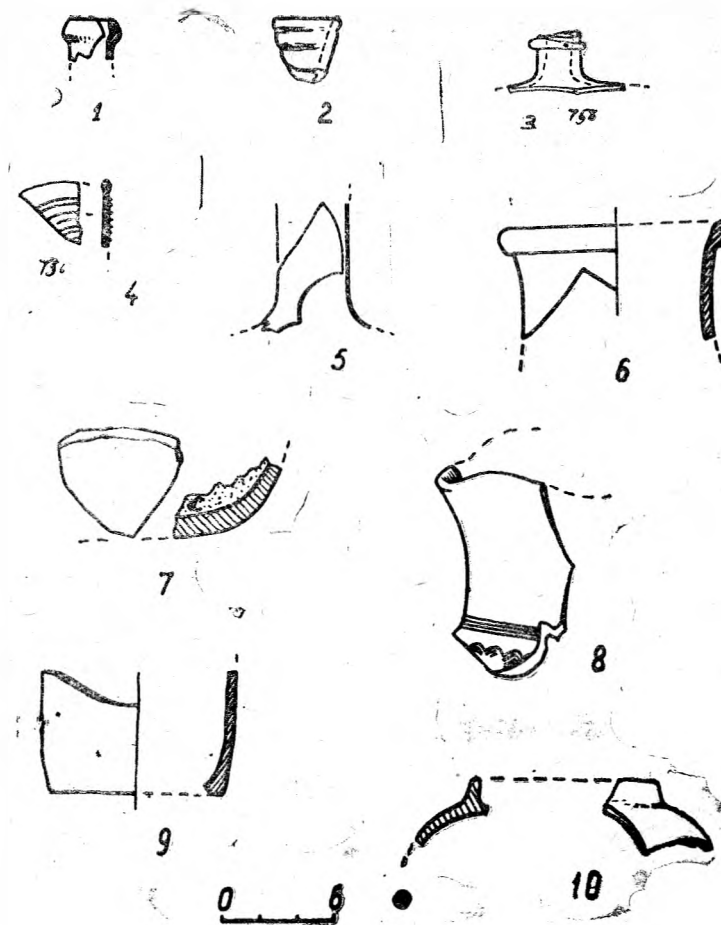

Рис. 2. Фрагменты стеклянных сосудов Дербента XI — сер. XIII вв.

от подобных изделий из слоев VIII—X вв. и мы не будем останавливаться на них подробно.

Среди стеклянных изделий такого рода внимание привлекает совершенно новый тип рюмкообразных сосудов, напоминающих нечто среднее между чашей на высокой кольцевой ножке и рюмкообразным сосудом.

Нижняя часть этих сосудов напоминает ножку обычных рюмкообразных изделий, но не имеет высокого полого стержня, к верхней утолщенной части этой сильно вогнутой во внутрь воронкообразной ножки крепится округлый резервуар, который изготавливался отдельно, а потом прикреплялся к ножке или в горячем состоянии, или с помощью расплавленного кусочка стеклянной массы.

По форме резервуара сосуды этого типа делятся на два варианта: изделия с округло-вытянутым резервуаром, изделия с полусферическим резервуаром чашеобразной формы.

Подобные сосуды из других мест нам не известны, возможно, они составляют немногочисленную специфическую группу стеклянной посуды средневекового Дербента.

Узкогорлые сосуды в слоях города XI—XIII вв. составляют самую многочисленную группу стеклянной посуды. По величине сосудов, связанной, видимо, с их назначением, этот вид стеклянной посуды можно разделить на три группы: большие, средние и маленькие. Первые две группы наиболее многочисленны и доволь-

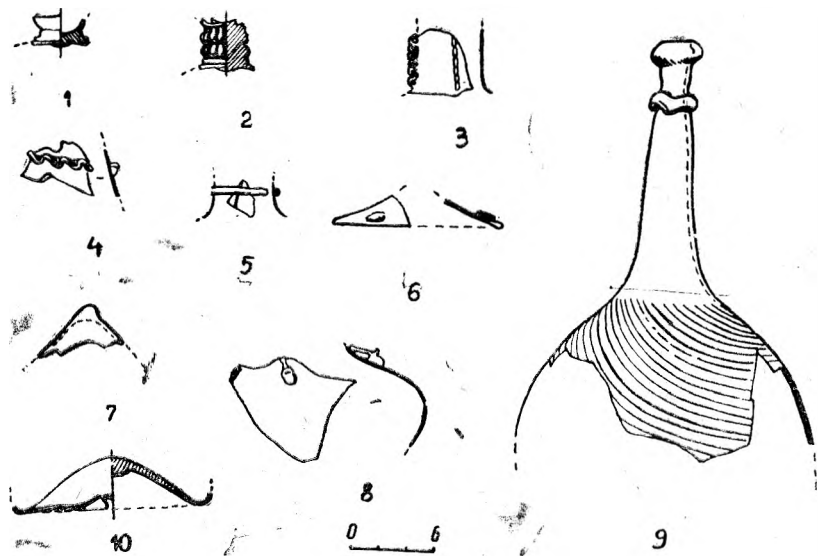

Рис. 3. Стеклянные сосуды Дербента XI — сер. XIII вв.

но сходны между собой по форме; третья группа весьма незначительна и отличается от первых двух своими формами (рис. 2, 5; 3, 3, 9; 4, 2—4, 6—8; 6, 9, 10, 14, 20—24).

Большие узкогорлые сосуды по форме горловины можно разделить на три варианта, тулово у всех сосудов в основном округлое шаровидное или слегка вытянутое и особых расхождений у изделий различных вариантов не имеет.

Первый вариант изделий имеет очень узкую высокую горловину конусообразной формы, несколько суживающуюся к венчику и плавно переходящую в тулово, венчик сильно утолщенный наружу, валикообразный, высота горловины 20—22 см, диаметр ее 3,5—5 см, диаметр тулова 12—13 см.

Второй вариант представлен сосудами с более широкой ци-

линдрической горловиной и прямым невыделенным венчиком, диаметр горловины достигает 7—8 см, высота ее 8—12 см.

Третий вариант почти полностью аналогичен второму, но горловина здесь имеет не цилиндрическую, а конусовидную форму, сужаясь к невыделенному венчику, диаметр которого достигает 6—7 см, при диаметре основания горловины 10—11 см и высоте ее 10—15 см.

Сосуды этой группы имеют в основном, прозрачное или полупрозрачное стекло зеленоватого, коричневатого-бурого, желтовато-

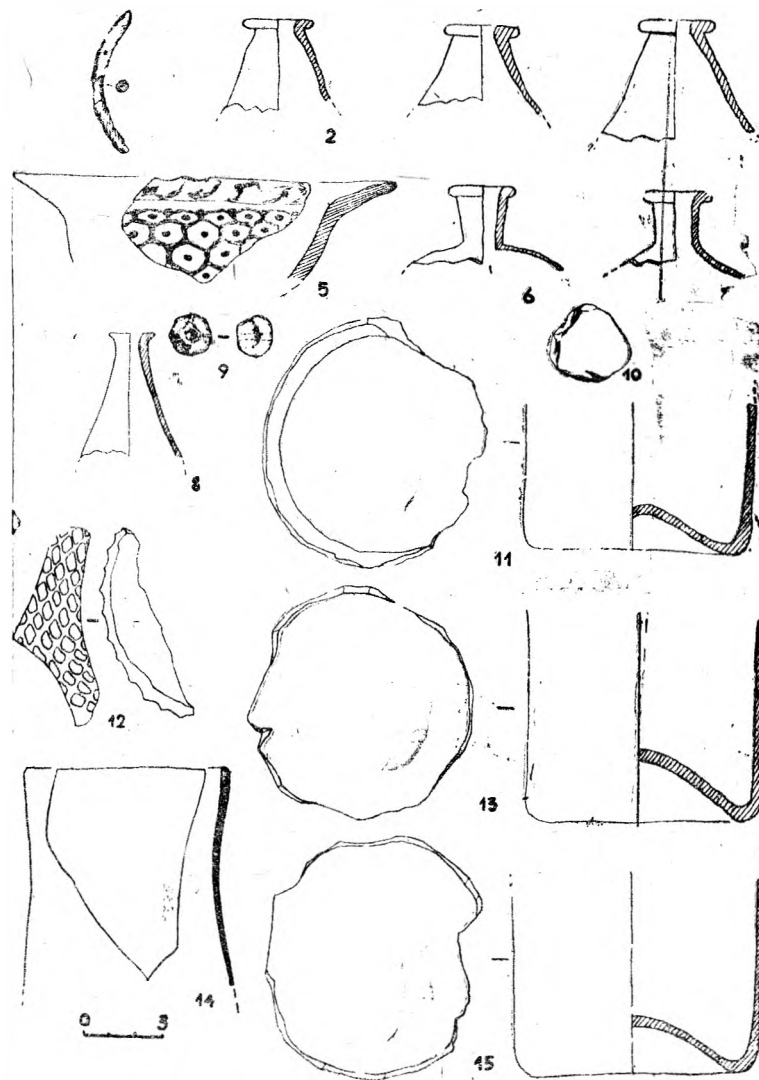

Рис. 4. Стеклянные изделия Дербента XI — сер. XIII вв.

бурого или темно-коричневого цвета со следами иризации и радужной пленки покрытия.

Почти все выявленные фрагменты изделий этой группы орнаментированы. В основном это валики из круглых или овальных жгутов, наклепленные в горячем виде на еще мягкую поверхность сосуда. Иногда жгуты имеют волнистую форму. Кроме этого, большинство сосудов покрыто рифленно-вдавленным сплошным орнаментом, полученным при выдувании в специальные формы. У сосудов первого варианта подобный орнамент в виде прямого параллельного или косоугольного рифления покрывает тулово, а у изделий второго и третьего варианта орнамент обычно покрывает сплошь всю горловину.

Форма сосудов первого варианта находит определенные аналогии с изделиями подобного типа из средневековых памятников Кавказа (13, с. 159), но наибольшее сходство их отмечено с импортным новгородским сосудом, ближневосточного, видимо, византийского происхождения (14, табл. III, IV). Этот сосуд из молочно-матового стекла, расписанный золотом и эмалью не только полностью аналогичен с дербентскими изделиями по форме, но совпадает с ними до деталей в размерах. Подобные сосуды с росписью золотом и эмалью датируются на всем Ближнем Востоке, Греции, Кипре, Кавказе, как и в Новгороде, XI—XII вв. (14, с. 10).

Сосуды другого варианта находят себе определенные аналогии с более поздними стеклянными изделиями из Ирана (15, с. 194—196, табл. XXVII).

Среди средних сосудов этого периода появляются изделия с горловиной, сильно сжатой в средней части, и сосуды с широким полым валикообразным венчиком. Следует отметить, что стекло этого типа посуды в большинстве своем зеленоватое, желтоватое, голубоватое — прозрачное или зеленого, темно-синего, коричневатого-бурого цвета — непрозрачное. В отличие от аналогичных изделий VIII—X вв. сосуды этой группы чаще орнаментировались, обычно наклепными жгутами, прикрепляемыми в горячем состоянии и нередко украшенными защипами, вдавлениями, рифлением, а также разнообразными налестками и штампами. Применялся рельефно-вдавленный орнамент, полученный при выдувании в форму, который почти не встречается на подобных сосудах VIII—X вв.

Маленькие сосуды, уже встречаются в слоях VIII—X вв. Они представлены изделиями с сильно вытянутым прямоугло-сжатым туловом, с вытянутым цилиндрическим туловом, с биконическим туловом. Появляются сосудики с фигурной горловиной и горловиной, сильно вздутой у основания или венчика. Сосудики подобных форм широко представлены среди стеклянных изделий Кавказа (11, с. 220—222, табл. I; 13, с. 159, табл. I), Средней Азии (5, с. 61, рис. 4; 6, табл. II), Переднего Востока (14, с. 8, табл. II). Стекло изделий темно-синего, синего, коричневатого-бурого, темно-зеленого цвета, непрозрачное, реже зеленоватое, голубоватое прозрачное или полупрозрачное. Орнаментация в виде налест-

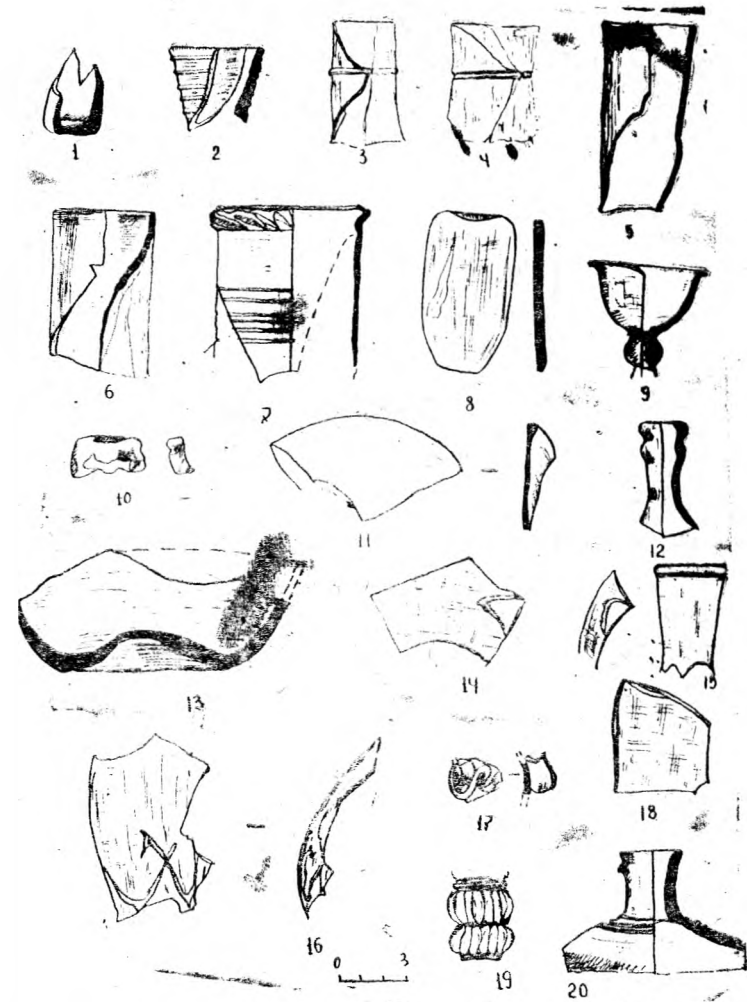

Рис. 5. Фрагменты стеклянных сосудов Дербента XI — сер. XIII вв.

пов, наклепных тонких жгутиков или полые с защипами, изгибами или насечками.

Помимо изделий перечисленных групп, среди стеклянной посуды Дербента имелись, видимо, очень крупные сосуды, о чем говорят находки крупных фрагментов тулова и ручек, которые, к сожалению, не позволяют судить о форме изделий. Некоторое представление о величине подобных сосудов дает фрагмент большой ленточной ручки из зеленого стекла, профилированного трехваликового сечения, ширина которой достигает 7 см, а толщина около 1 см. Можно представить, сколь велик был сосуд, к которому

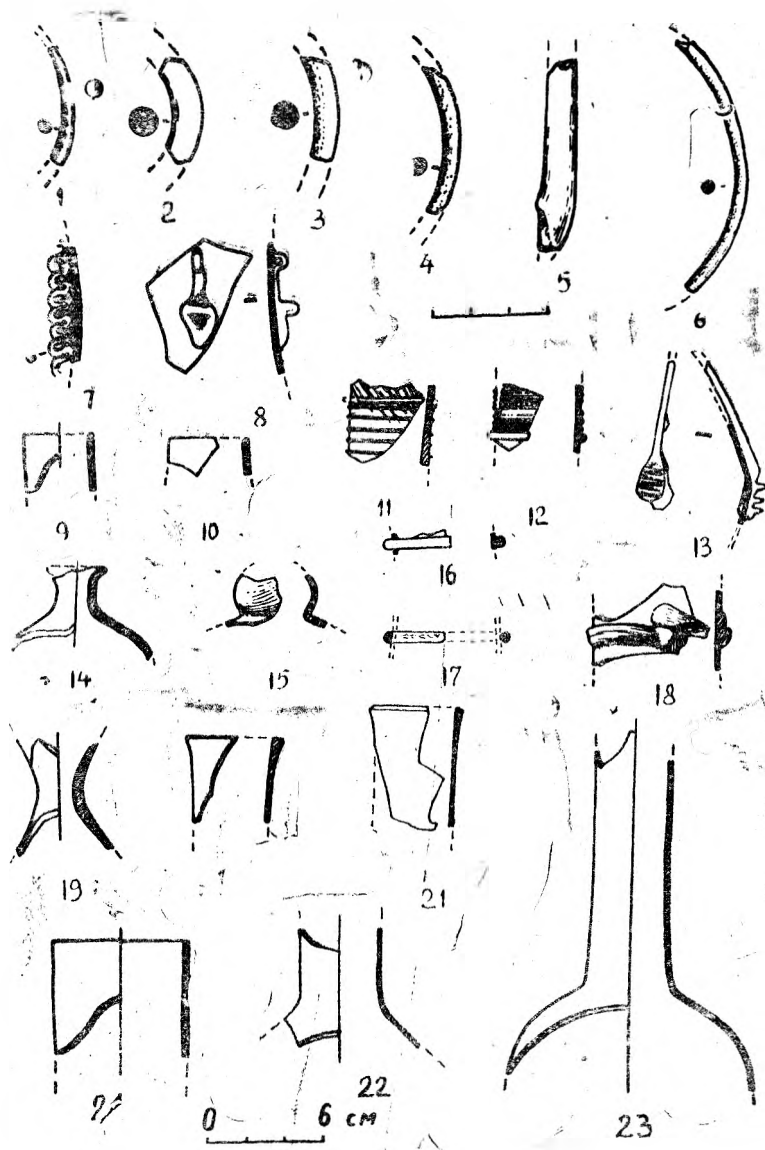

Рис. 6. Фрагменты стеклянных браслетов и сосудов Дербента XI—сер. XIII вв.

крепилась ручка шириной сечения в 7 см. Подобной величины изделия из других мест пока не известны.

Наряду с посудой в слоях XI—XIII вв. отмечены многочисленные находки украшений из стекла (рис. 7).

Браслеты этого периода представлены 44 экземплярами, кото-

рые по формам и технологии изготовления почти не отличаются от аналогичных изделий VIII—X вв. Однако здесь не отмечено браслетов, выполненных с помощью фигурных трубок (квадратные, треугольные) и почти отсутствуют браслеты, скрепленные щипцами (два экземпляра). В основном браслеты скреплялись путем наложения концов (рис. 7, 24, 25).

По форме браслеты представлены круглыми, плоско-выпуклыми, кручеными изделиями. Следует отметить, что большая часть браслетов (см. таблицу) была обнаружена в слое XI—нач. XII в. В основном это изделия голубовато-молочного, темно-синего, беловато-молочного, желто-коричневого цвета и отмечены единичные находки (два фрагмента) толстых прозрачных браслетов светло-зеленого цвета. В этот период в значительно большей степени изготавливались крученые браслеты с цветной нитью, обычно это молочно-голубая или белая нить в темных браслетах (синих, бурых) или темно-синяя в светлых (молочно-голубых, белых). Отмечены четыре расписанных крученых и гладких браслета, два с нитью, покрытой красной краской, плотно прикрепленной к основе, и два гладких браслета с волнистой витой золотой полосой.

Период	Круглые		Прямоуг.		Плоско-вып.		Крученые		Общее к-во	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
XI — нач.										
XII вв.	15	34,09	2	4,54	5	11,36	8	18,19	30	68,2
XII — сер.										
XIII вв.	5	11,36	—	—	2	4,54	7	15,9	14	31,8
Процент от общего к-ва браслетов IX—XIII вв.	25,97%		2,59%		9,09%		19,48%		57,1%	

Браслеты с росписью золотом представляют собой импортные ближневосточные, скорее всего византийские, украшения, происхождение двух других браслетов с росписью пока неясно, не исключено, что они могут оказаться и местными изделиями.

Несмотря на довольно значительное количество находок браслетов в слоях XI—XIII вв., они значительно уступают здесь находкам стеклянной посуды, что отличает в этом плане Дербент от многих древнерусских городов**.

** По наблюдениям Ю. Л. Шаповой, на отдельных древнерусских средневековых памятниках приходится примерно 200 браслетов на 100 кв. м. раскопанной территории. В Новгороде в 1951—1958 гг. на площади 6600 кв. м учтено 5526 фрагментов браслетов (см. *Полубояринова М. Д.* Стеклянные браслеты

Кольца представлены среди стеклянных украшений этого времени тремя экземплярами. Два из них плосковыпуклые и сделаны путем вытягивания дрота и расстилания его в горячем виде на ровной поверхности (плите), а одно круглое. Все три кольца имели соединение концов дрота путем наложения, с заглаживанием образовавшегося бугорка. Подобный способ соединения широко использовался в средневековых стеклоделательных мастерских Закавказья (16) и получил наибольшее распространение в XII—XIV вв. Все три кольца выполнены из темно-синего стекла, поверхность которого покрыта в настоящее время тонкой пленкой иризации (рис. 7, 1—3).

Бусы, обнаруженные в слоях XI—XIII вв. по технике изготовления разделяются на три типа: 1. бусы, изготовленные путем вытягивания стеклянной трубочки с последующим разделением этой заготовки на отдельные бусы — это т. н. трубчатые бусы; 2. бусы, выполненные путем вытягивания тонкого стержня с последующей навивкой его на металлический стержень, диаметр которого соответствует отверстию бусины; 3. округлые, плоские, биконические бусы, изготовленные из кусочка горячей массы, в которой стержнем проткнуто отверстие.

Бусы первого типа, составляют самую многочисленную группу стеклянных бус Дагестана. Они были просты в изготовлении, дешевы, и могли легко производиться в массовом количестве для рядового покупателя, о чем свидетельствуют и небрежно отрезанные края у целого ряда изделий. Стекло бус голубого, молочного и темно-синего цвета, обычно покрыты иризацией. Наиболее распространенные формы этих бус: цилиндрическая и округлоребристая. Подобные бусы широко представлены в материалах средневековых памятников Кавказа (11, с. 226), Средней Азии (17, рис. 9), Поволжья (18, с. 325), Древней Руси (19, с. 172—173; 20, рис. 5—7) XI—XIII вв.

Второй тип бус встречается в слоях Дербента этого времени довольно редко. Здесь отмечено несколько одноцветных бус и три крупные бусины, выполненные техникой навивки и украшенные белыми и коричневатокрасными полосами. Стекло бус черное, непрозрачное, полосы волнистые, разной толщины. Бусы шаровидной и несколько уплощенной формы. Наиболее близкие аналогии подобные бусы находят в материалах средневековых памятников Кавказа (II, с. 225, табл. II, 9; 13, с. 160), Поволжья (12, с. 42, 62, табл. II, 23—27), Средней Азии (21, рис. 7), в позднокочевнических курганах (22, с. 74).

Бусы третьего типа, также встречены в небольшом количестве. В основном они округлой или плоской формы. Стекло голубого, молочно-белого, темно-синего цвета, непрозрачное.

Подобный способ производства бус, видимо, не получил широ-

древнего Новгорода. // МИА, № 117, 1963, С. 169), а в Серенске на площади 858 кв. м собрано 8041 фрагмент (см. Равдивина Т. В. Стеклянные браслеты Серенска. // КСИА, 155, 1978, С. 76).

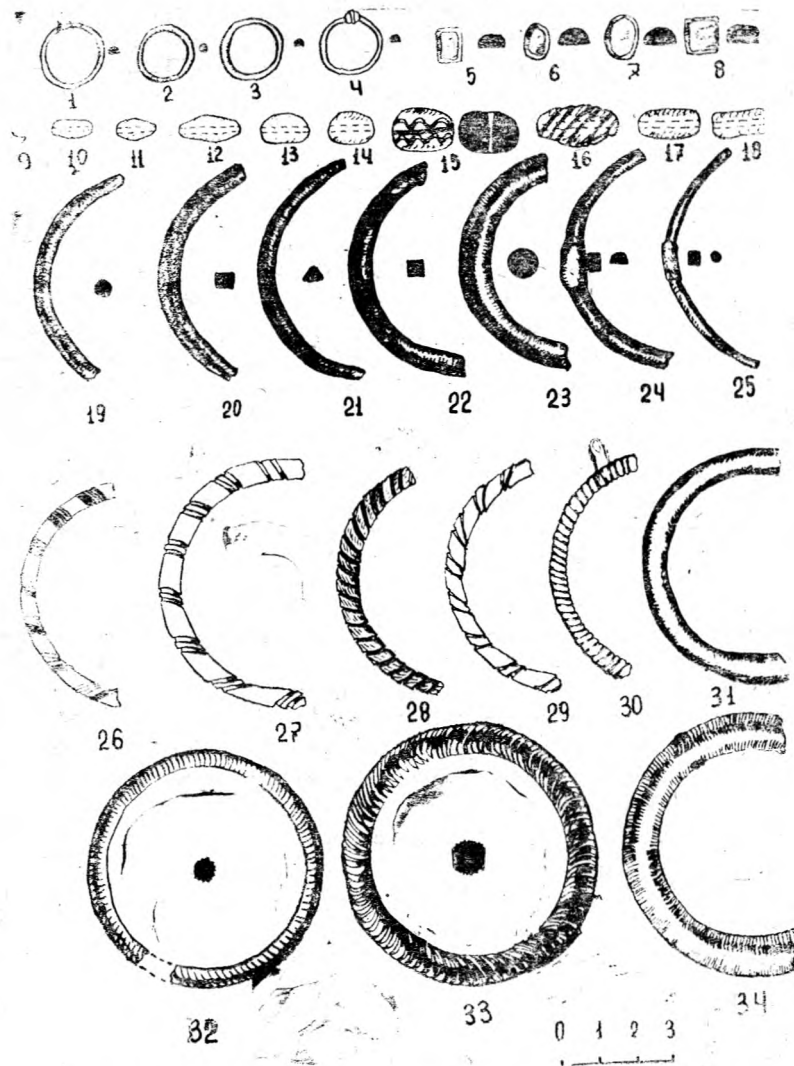

Рис. 7. Стеклянные украшения Дербента VIII — сер. XIII вв.

кого распространения, однако, бусы, изготовленные по данной технологии известны на средневековых памятниках Дагестана и других областей (23, с. 78).

Вставки из стекла к кольцам в материалах этого времени представлены шире, чем в предыдущий период. Видимо, это надо связывать с более широким распространением в XI—XIII вв. простых медных колец, рассчитанных на широкого потребителя. Подобные кольца обнаружены как в слоях Дербента этого вре-

мени, так и в материалах средневековых памятников многих районов Дагестана, особенно Южного. О том, что ценные камни в кольца с давних пор заменяли стеклянными вставками имеются сообщения еще в средневековых трактатах (23, с. 376). Во времена ал-Бируни подобные замены были широко распространены в ювелирном деле различных стран Востока (23, с. 212—213), а археологические исследования показывают, что подобные стеклянные вставки особенно широко бытовали в X—XIII вв. во многих средневековых городах Кавказа (13, с. 158, 160, табл. II; 24, с. 14), Средней Азии (21, с. 51—52), древней Руси (25, с. 256), Поволжья (12, с. 49—50).

В слоях XI—XIII вв. Дербента представлены в основном вставки двух форм: прямоугольных и овальных. Наружная поверхность всех вставок плоская, что, видимо, связано с изготовлением их на плоском предмете (каменной плите). Обратная сторона имеет необработанную поверхность, сохранившую форму, принятую стеклянной массой при застывании (обычно сферическую). В глазке кольца стеклянная вставка крепилась с помощью специального состава. Стекло вставок синего, темно-синего, черного, красного, зеленого цвета (рис. 7, 5—8).

Оконное стекло составляет хотя немногочисленную, но весьма важную группу стеклянных изделий, характеризующих уровень развития стеклоделия. Всего обнаружено двенадцать крупных фрагментов, которые без сомнения можно отнести к оконным стеклам, но при этом надо учитывать, что много мелких фрагментов стекла не могут быть твердо отнесены к той или иной группе изделий и среди не поддающихся классификации обломков могут быть и осколки оконного стекла.

Оконное стекло в средневековый период получило довольно широкое распространение на Востоке, особенно в мусульманских культовых памятниках и погребальных сооружениях. Наиболее раннее восточное оконное стекло происходит из Самарры (26), хотя в Западной Европе оно использовалось еще с рубежа н. э.

Оконное стекло Дербента представляет собой фрагменты округлых дисков (одиннадцать фрагментов) и один обломок стекла геометрической формы. По форме стекл, петлевидной закраине и по слегка заметным концентрическим окружностям на них можно полагать, что они были выполнены в технике выдувания. Технология выдувания подобных стеклянных дисков довольно проста. Выдувался пузырь, который в горячем состоянии аккуратно отделился от трубки стеклодува, а затем быстрым вращением доводился до дискообразного состояния. Подобным способом выдувания изготовлялись в средневековый период стекла на Ближнем Востоке (26, S. 10, 125), Средней Азии (6, с. 390—392; 8, с. 213—233), в Поволжье (12, с. 54).

Дербентское стекло, судя по сохранившимся фрагментам, имело диаметр в пределах 16—30 см, толщина их достигала около 0,05—

0,12 см, цвет стекла чуть зеленоватый, голубоватый, желтоватый, прозрачный, порой почти бесцветный. Закраины диска чуть утолщены и имеют петлевидную форму, просвет между краями утолщения почти отсутствует.

Диски подобных форм были типичны для оконных стекл Самарры (диаметр 39—54 см) (26, S. 125—127). Самарканда и Нисы (диаметр 32—35 см) (6, с. 390—392), средневековых городов Поволжья (диаметр 10—12 см; 10—16 см; 14—20 см) (12, с. 54—55).

Сейчас трудно сказать, являлись ли данные диски заготовками, из которых вырезали небольшие геометрические вставки для остекления решетчатых рам или они вставлялись прямо в таком виде. Судя по находкам в различных местах Дербента именно самих дисков, в том числе и в цитадели города, где найдена большая часть фрагментов (8 штук) они, вероятно, широко использовались в таком виде. Однако, наряду с дисками, видимо, применялись, исходя из находки фрагмента с геометрическими краями, и вырезанные из дисков небольшие заготовки. На тимуридских памятниках Средней Азии (6, с. 389—390; 27, с. 181; 28, с. 150—153) и золотоордынских городах Поволжья (12, с. 55; 29, с. 367) употреблялись оба способа остекления окон. Пока трудно судить какой из этих способов преобладал в Дербенте, но, исходя из простоты первого, и подавляющего большинства дисковидных фрагментов среди найденных стекл можно полагать, что подобное остекление было более распространено, особенно из прозрачных бесцветных стекл. Для примера можно отметить употребление округлых стекл в окнах тебризской мечети нач. XIV в. (30, с. 117) и в Мекке в Ка'бе, где, видимо, также использовались округлые плоские стекла в четырех окнах «по четырем углам и на каждое окно из них наложена пластина стекла, чтобы помещение было светлое, а дождь не проникал» (6, с. 389).

Находки цветного стекла свидетельствуют, что и оно использовалось в оконных проемах средневековых построек города (оба фрагмента обнаружены в цитадели в слоях дворцового комплекса XII—XIII вв.). Однако подобное стекло, видимо, использовалось не столь часто, как простое, одноцветное и, скорее всего, применялось в мозаичных окнах дворцовых сооружений, возможно, в богатых домах и культовых памятниках. Подобные мозаичные окна из цветного стекла имелись в помещениях позднесредневекового дворца Фет-али-хана, в частности, в восьмиугольной беседке (31, с. 173, 183). Следы гипсового раствора на фрагментах цветного стекла из цитадели позволяют думать, что в данном случае стекло вставлялось в специальную ячеистую решетку типа «панджары» из гипса или камня и крепилось с помощью гипсового раствора. Однако употребление в позднесредневековых дворцовых сооружениях окон с деревянными решетками типа «шебеке», дает основания полагать, что подобный способ крепления стекл в оконных проемах мог применяться и в домонгольское время. Участник похода 1796 г. П. Г. Бутков так описывает окна дворца:

«Окна в комнатах составлены из маленьких разноцветных стекл и кажут наипрелестный вид радуги...» (32, с. 580—581).

Среди плоских стекл Дербента XI—XIII вв. имеется крупный обломок стекла размером около 9×12 см, при толщине около 1,1 см. Этот фрагмент, в отличие от остальных плоских стекл из средневековых слоев города выполнен не техникой выдувания, а способом литья между пластин. Пока это единственный достоверный (имеется несколько мелких кусочков, определение которых затруднено) образец плоского литого стекла Дербента.

Исследование комплекса стеклянных изделий Дербента XI—XIII вв. показало, что в этот период стеклоделание в городе достигло своего наибольшего расцвета. Ни в слоях более раннего периода, ни в напластованиях послемонгольского времени не было обнаружено такого количества стекла и столь внушительного его разнообразия. Для сравнения можно указать, что на одних и тех же площадях расколов количество стеклянных изделий в слоях XI—сер. XIII в. превосходит аналогичную продукцию из ранне-средневековых напластований города VI—VII вв. в десять раз. Однако этот период характеризовался не только количественным ростом изделий, в это время значительно возросло качество стекла, увеличилась его цветовая гамма, разнообразнее стал ассортимент продукции, усложнилась орнаментация. Совершенно новым видом стеклянных изделий Дербента стало оконное стекло, производство которого было освоено в этот период. В это время в городе, судя по археологическим находкам производили не только прозрачное, но и цветное оконное стекло, употреблявшееся в окнах, видимо, и в мозаичном сочетании. Производство и употребление цветного оконного стекла в Дербенте сохранили свои традиции и в позднесредневековый период, о чем сообщают многочисленные письменные источники, восторженно описывающие цветные стекла дворца Фет-Али-хана.

Дальнейшее развитие получили в этот период технология выдувания стекла, в специальные рельефные формы. Широкое развитие в это время получила орнаментация стекла. Новым в стеклоделании Дербента было появление литого стекла, широко распространенного в античное время в Западной Европе. Однако данная технология не получила широкого развития в ремесленном производстве города.

Анализ стеклянных изделий Дербента XI—сер. XIII в. позволяет говорить, что основная масса продукции этого вида ремесла изготовлялась на рынок и была рассчитана на широкого потребителя, чему способствовала простота и довольно большая стандартизация форм и орнаментации изделий. Вместе с тем следует отметить почти полное исчезновение в этот период некоторых видов стеклянной посуды, например, чаш и стаканов, что было связано с широким распространением дешевой поливной керамики, именно чаш, наиболее легко изготавливаемых и самого массового вида поливной посуды средневекового города в XI—сер. XIII в. Сказалось также и увеличение выпуска металлических изделий.

О изготовлении продукции стеклоделательного ремесла на рынок могут свидетельствовать и исследования украшений этого времени, когда наибольшее распространение получают простые трубчатые бусы и стеклянные вставки к перстням.

Изучение стекла Дербента XI—сер. XIII в. позволяет сделать вывод, что в этот период в развитии стеклоделательного производства города произошел новый подъем, возрос количественный и качественный объем его, усовершенствовалась технология производства, были освоены совершенно новые виды продукции. Стеклоделательное производство Дербента этого времени отчетливо свидетельствует, что этот вид ремесла стал одним из основных в экономике средневекового города. Все это позволяет хронологический этап XI—сер. XIII вв. выделить в экономической жизни города, как отдельный период развития стеклоделательного производства Дербента.

Изучение стекольного производства Дербента XI—сер. XIII в. позволяет также говорить, что эта отрасль ремесла средневекового города достигла здесь высокого уровня развития. Многочисленность и разнообразие выпускаемой в городе посуды, богатый ассортимент обнаруженных здесь украшений из стекла, производство в городе оконного стекла, выпускаемого далеко не во всех известных ремесленных центрах Переднего Востока, Кавказа, Средней Азии, Восточной Европы, позволяют считать Дербент одним из крупных очагов стеклоделия на Кавказе и вообще на средневековом Востоке. Правда, средневековое стекло Дербента, несомненно, уступает по своим художественным достоинствам лучшим образцам византийских, сирийских, египетских и других ближневосточных изделий, украшенных золотом, эмалью, прекрасной резьбой, но подобное стекло являлось предметом роскоши, в то время, как основная масса дербентской посуды, судя по ее простоте и многочисленности, имела весьма широкое распространение. Сказанное однако не позволяет утверждать, что стеклянные изделия были столь же дешевы, как керамическая посуда: большая часть дербентского стекла была обнаружена в цитадели и богатых верхних кварталах средневекового города, а оконное стекло только там. Однако посуда и украшения из стекла встречаются, хотя и значительно реже, в центральных и нижних районах шахристана.

В XI—сер. XIII в., продукция этого вида производства, судя по ее многочисленности, определенной стандартизации, простоте изготовления и распространению стала в большей степени рыночным продуктом и изготовлялась на массового потребителя. Стеклянные изделия этого периода не только во много раз (в десять) превосходят в количественном отношении продукцию первого этапа развития стеклоделия Дербента, но сильно отличаются от нее и качественно. В это время появляется новый вид стеклянных изделий—оконное стекло, производимое на Востоке только в очень крупных ремесленных центрах. Освоение ремесленниками Дербента производства оконного стекла, в том числе и цветного,

изготовление которого пока не известно на других средневековых памятниках Кавказа, ярко свидетельствует о сильно возросшем уровне стекольного производства города и о новом качественном этапе его развития, который был выделен в третий период развития этого вида ремесла.

К этому периоду развития стеклоделательного производства города относится и обнаруженная в Дербенте стеклоплавильная печь, что еще раз, вместе с многочисленными шлаками и бракованными изделиями, подтверждает наличие здесь хорошо налаженного производства и местное происхождение основной части дербентского стекла, образцы которого совпадают с остатками стекла на шлаках и стекломассой из печи. Вообще находки стеклоплавильных печей весьма редки и даже при всем обширном многолетнем изучении средневековых городов Средней Азии, исследователи вынуждены признать, что там «до сих пор не обнаружено ни одной хорошей стеклодельной мастерской» (33, с. 285). Подобные мастерские не известны пока и на Северо-Восточном Кавказе (34, с. 77). В отличие от ряда других ремесел, например, ткачества, ковроделия, обработки кости, гончарства, стеклоделие является специфическим городским ремеслом и может развиваться только при наличии целого ряда необходимых компонентов, включающих как необходимую сырьевую базу, так и весьма сложное оборудование (печи специальных конструкций, способные выдерживать температуру до 1500°, большой набор стеклудувных инструментов, квалифицированной рабочей силы и многое другое). Поэтому изготовлять стекло могли только профессионалы-ремесленники, специализирующиеся в этой области и обладающие необходимыми профессиональными знаниями. Все это требовало весьма высокого уровня производства и организации труда, которые могли существовать лишь в значительном, хорошо развитом экономическом центре, так как в противном случае этот вид ремесла не мог получить развития, и, как справедливо отмечал О. Г. Большаков «сельского домашнего стеклоделия не существовало» (33, с. 285).

Многочисленность и разнообразие стеклянных изделий наглядно свидетельствуют, что Дербент XI — серед. XIII в. можно со всем основанием относить именно к развитым экономическим центрам. Исследования стеклоделательного производства Дербента освещают не только вопросы развития этого ремесла и отмечают основные периоды его становления, но позволяют делать определенные выводы о уровне развития ремесленного производства всего средневекового города, об основных этапах его экономического развития.

* * *

¹ Качалов Н. Стекло. М., 1950.

² Свешников М. Тайны стекла. Л.; М., 1940.

³ Кудрявцев А. А. О стеклоделии средневекового Дербента (VI—X вв.)

// Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

⁴ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.

⁵ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927.

⁶ Давидович Е. А. Стекло из Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1.

⁷ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

⁸ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.

⁹ Фоменко В. П. Стеклянные изделия средневекового городища Оренкала XI—XIII вв. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1976.

¹⁰ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

¹¹ Фоменко В. П. О технике изготовления стеклянных изделий из Байлакапа (Орен-калы) // МА. Баку, 1946. Т. VIII.

¹² Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII—XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

¹³ Османов Ф. Л. Стеклянные изделия из городища Кабалы // МКА. Баку, 1964. Т. V.

¹⁴ Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное Стекло в Древней Руси. Л., 1968.

¹⁵ Ломтатидзе Г. А., Мамайашвили Н. В., Чхатарашвили М. Н. К вопросу о культурных связях средневековой Грузии с Ираном // Искусство и археология Ирана: (Докл. на Всесоюз. конф. 1969 г.). М., 1971.

¹⁶ Угрелидзе Н. Н. Стеклоделательное производство феодальной Грузии: Докл. на сессии ИИМК 5. IV. 1959 г.

¹⁷ Вактурская Н. Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Тр. ХАЭЭ. М., 1958. Т. II.

¹⁸ Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. 1960. Т. 75.

¹⁹ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

²⁰ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. // Тр. ГИМ. М., 1959. Вып. 33.

²¹ Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. М., 1963. Т. II.

²² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

²³ Леммлейн Г. Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. М., 1963.

²⁴ Долаберидзе Р. Грузинские украшения XI—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972.

²⁵ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) // МИА. 1959. Т. 65.

²⁶ Lamn C. J. Das Glass von Samarra. Berlin, 1928.

²⁷ Жуков В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза // Тр. Узб. ФАН СССР. Ташкент, 1940. Сер. I. Вып. II.

²⁸ Давидович Е. А. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда // Тр. САГУ. Ташкент, 1953. XIX.

²⁹ Егоров В. В. Архитектура города Болгара // МИА. 1958. Т. 61.

³⁰ *Тизенгаузен В.* О мечети Алишаха в Тебризе // ЗВО. СПб., 1886. Т. I. Вып. II.

³¹ *Хан-Магомедов С. О.* Ханский дворец в Дербенте // Памятники культуры. 1961. № 3.

³² *Бутков П. Г.* Записка персидского похода 1796 г. // Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869.

³³ *Белсницкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

³⁴ *Ковалевская В. Б.* Производство и импорт средневековых бус Дагестана // МАД. Махачкала, 1973. Т. III.

А. А. Кудрявцев, С. В. Гусев

МОРЕХОДНОЕ ДЕЛО И РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА

(VI—XIII вв.)

В средневековый период морской промысел играл значительную роль в жизни обитателей Дербента. На протяжении длительного периода город был не только важнейшим торгово-экономическим центром Кавказа и всего Ближнего Востока, но и одним из самых крупных портов на Каспийском море, центром морской торговли. Это способствовало развитию здесь мореходного дела и промыслов, связанных с добычей природных морских богатств.

Материалы подводных археологических исследований в Дербенте и данные письменных источников свидетельствуют, что в средневековом городе мореходное дело находилось на весьма высоком уровне, а рыболовство и охота на тюленей играли определенную роль в его экономической жизни.

Анализ археологических и нарративных источников позволяет говорить, что истоки мореходного дела и рыболовного промысла в Дербенте имели глубокие корни.

Академик В. В. Бартольд, отмечая совпадение данных о ширине Каспийского моря у Геродота (1, 203) и ал-Истахри (1, с. 55) предположил, «что еще в дохристианское время, как и в средние века, важнейшее поселение на западном побережье моря находилось поблизости от нынешнего Дербента» (2, с. 419).

Принимая во внимание тот факт, что ал-Истахри приводил ширину Каспия по известной морской трассе «от Табаристана до Баб ал-абваба» (3), возможно предположить существование этого морского пути и во времена Геродота, т. е. уже в середине I тысячелетия до н. э.

Основания для подобных предположений дают не только выводы В. В. Бартольда, но и результаты широких археологических работ в Дербенте.

Многолетние археологические работы позволили установить, что истоки истории Дербента уходят корнями в эпоху ранней бронзы, а уже в конце VIII — нач. VII в. до н. э. здесь возникла мощная крепость, превратившаяся в албанский период в один из первых городов Дагестана (4, 5, с. 33—42; 6, с. 165—185).

В настоящее время на западном побережье Каспийского моря не известно ни одного столь крупного и древнего памятника как

Дербент, что позволяет предполагать особую роль города на Каспии, выступающего в качестве одного из самых ранних его морских центров.

Не менее древние традиции, согласно археологическим находкам в культурных напластованиях Дербента, имел и рыболовный промысел.

Сасанидское завоевание и строительная деятельность персидских царей в Дербенте способствовали повышению стратегического значения западного побережья Каспия и возрастанию его роли как морского центра. Одной из основных причин возвышения морского дела в Дербенте было дальнейшее освоение Каспийского моря при Сасанидах и развитие здесь морской торговли (7, с. 13), хотя первоначально в основе строительства дербентского порта в значительной мере лежали факторы военно-политического характера. Наличие среди импортных изделий Дербента VI—VII вв. керамики, имеющей большое сходство с раннесредневековой посудой памятников нижнего и среднего течения Сырдарьи, позволяет поставить вопрос о торговых связях города в сасанидский период с этими областями Средней Азии, для осуществления которых использовались не только сухопутные трассы, но и известный морской путь через Каспий (5, с. 114).

Арабские авторы IX—X вв. единодушно приписывают основание дербентского порта Хосрову I Ануширвану (8, с. 7; 9, с. 189) и археологические исследования подтвердили возведение основных сооружений древней дербентской гавани в VI в. (10, с. 6—7; 11, с. 196—197; 12, с. 8).

В результате подводных работ 1983—1987 гг. удалось установить, что раннесредневековый порт города был устроен путем продления северной и южной городских стен в море. Между этими «морскими стенами» Дербента и была устроена гавань для судов.

В настоящее время северная и южная «морские стены» порта прослежены в виде сплошного развала и отдельных скоплений бутовых камней и обработанных блоков размерами 90—110×67—70×25—30 см на расстоянии 500 м и 150 м соответственно, причем материалы свидетельствуют, что часть этих стен протяженностью до 100 м строилась в VI в. на суше (11, с. 197) и была затоплена позднее при трансгрессии Каспия в X—XIII вв.

Арабские завоевания и расцвет торговли на Каспии в VIII—X вв. способствовали дальнейшему развитию морского дела в Дербенте и превращению его в крупнейший торговый порт на Каспийском море (5, с. 136—137). Арабы сумели подорвать византийскую торговлю на Черном море и способствовали смещению важнейших торговых путей в бассейн Каспия, что превратило Дербент в один из значительных центров сухопутной и морской торговли во всем Арабском халифате.

Арабские историки и географы IX—X вв. рисуют Дербент как один из главных морских торговых центров на Каспии, обладавших обширной хорошо укрепленной гаванью (8, с. 7; 9, с. 199; 13,

с. 168; 14, с. 242), и эту главенствующую роль Дербент удерживал до XV—XVII вв.

Подводные исследования позволили установить, что эти данные арабских авторов опирались на реальные факты, и Дербент действительно имел крупную, хорошо укрепленную гавань площадью около 14 га (12, с. 8).

Размеры гавани и ее глубина позволили находиться в дербентском порту как небольшим, так и крупным кораблям, о чем свидетельствуют и археологические находки в акватории порта. Они проливают определенный свет на уровень развития морского дела, исследование которого предпринимается впервые.

В ходе подводных археологических работ 1985—1987 гг. в акватории порта средневекового Дербента было обнаружено и поднято 8 каменных якорей. Все каменные якоря изготовлены из ракушечника, аналогичного использованному при строительстве дербентского оборонительного комплекса VI в. и широко применявшегося в строительстве на протяжении всего средневековья. Это позволяет считать данные якоря предметами местного производства и дает основания предположить, что какая-то часть из них (а, возможно, и все) применялись на местных судах. Основные находки были сделаны за пределами средневековой гавани, мористее ее, что, видимо, свидетельствует о потере каменных якорей во время стоянки судов на рейде. Исследование каменных якорей, впервые обнаруженных на Северо-Западном Каспии, дает определенное представление об уровне развития морского дела в Дербенте и требует подробного их анализа.

1. Каменный якорь подпрямоугольной формы с закругленными гранями размерами 62×51×26 см с одним округлым отверстием диаметром 7 см. По краям отверстия видны следы трения каната (рис. 2, 3).

2. Каменный якорь подпрямоугольной формы размерами 86×48×19 см с двумя округлыми отверстиями одинакового диаметра — 6 см (рис. 1, 4). В отличие от других каменных якорей он не так тщательно обработан и не видно явных следов трения каната. Возможно, данный каменный блок не является каменным якорем, а имел иное назначение.

3. Каменный якорь трапециевидной формы с размерами боковых сторон 56 см, верхней — 28, нижней — 48 см и с двумя отверстиями (рис. 2, 2). Верхнее отверстие размерами 9×8 см имеет подпрямоугольную форму; нижнее отверстие — округлое, диаметром 5 см. Толщина каменного якоря неодинакова — в верхней части она составляет 8 см постепенно увеличивается книзу до 13 см. Нижняя сторона несколько округлена, что, видимо, является следствием трения камня о дно, в силу длительного и частого использования. Верхнее отверстие имеет следы сильной стертости по краям.

4. Каменный якорь подпрямоугольной формы размерами 71×56×19 см с двумя отверстиями. Верхнее отверстие — прямоугольное, размерами 9×7 см: нижнее отверстие — круглое, диамет-

ром 6 см. В нижней части каменного якоря — скол. По краям прямоугольного отверстия и в верхней части камня отчетливо видны следы потертости канатом (рис. 1, 2).

5. Каменный якорь прямоугольной формы размерами $76 \times 67 \times 16$ см с двумя отверстиями. Верхнее отверстие подпрямоугольное, размерами 19×11 см; нижнее отверстие — округлое, диаметром 9 см. По торцам каменного якоря пропилены шириной 1,5—6 см и глубиной 1,5—2,5 см (рис. 1, 3). По краям прямоугольного отверстия и в верхней части камня глубокие следы трения каната.

6. Каменный якорь прямоугольной формы размерами $56 \times 47 \times 15$ см, аналогичный по конструкции якорю 5. Верхнее

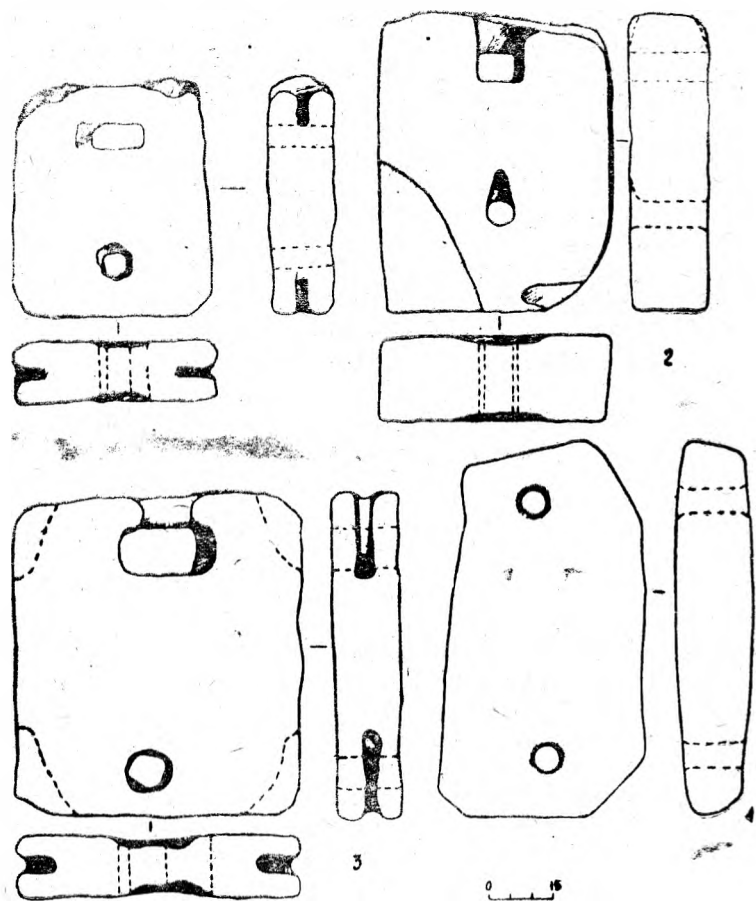

Рис. 1. Каменные якоря. Тип II (1—3):

1 — якорь 6; 2 — якорь 4; 3 — якорь 5; 4 — якорь 2.

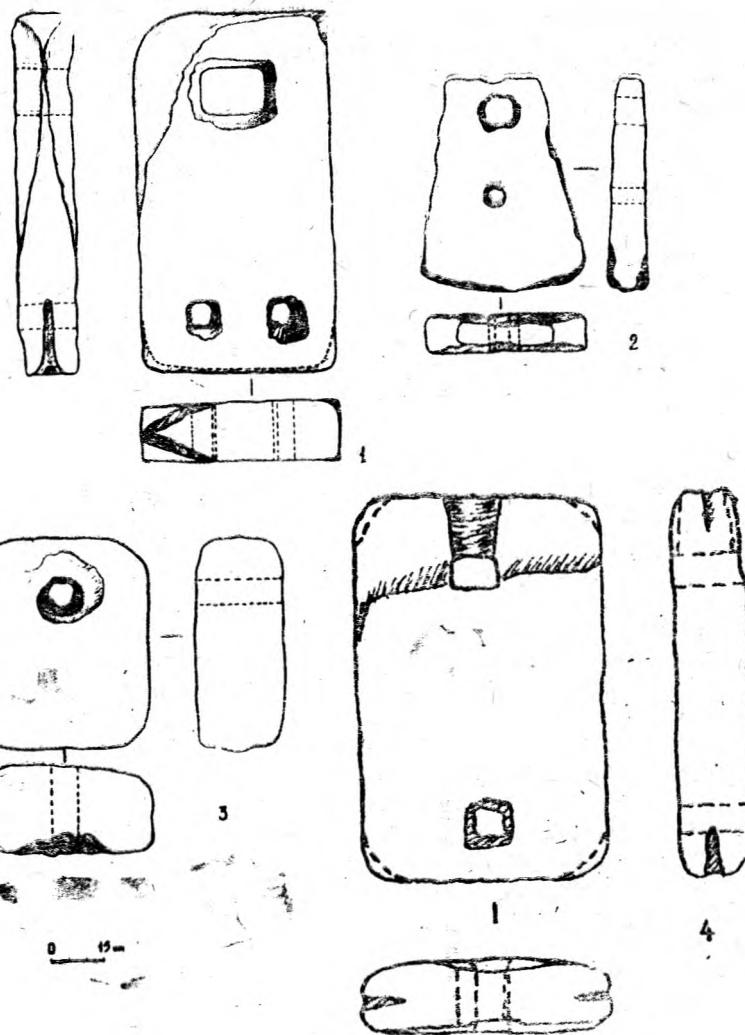

Рис. 2. Каменные якоря.

Тип I: 3 — якорь 1. Тип II: 2 — якорь 3; 4 — якорь 7. Тип III: 1 — якорь 8.

подпрямоугольное отверстие размерами $12 \times 5,5$ см; нижнее отверстие имеет диаметр 5,5 см. Ширина пропилов 1,5—5 см, глубина пропилов до 2 см (рис. 1, 1). По краям верхнего прямоугольного отверстия и в верхней части якоря глубокие следы трения каната.

7. Каменный якорь прямоугольной формы размерами $55 \times 35 \times 10$ см, аналогичный по конструкции якорям 5 и 6. Верх-

нее подпрямоугольное отверстие размерами $5,5 \times 5$ см; нижнее, также прямоугольное отверстие, размерами $4,5 \times 4$ см. Ширина пропилов $1,5-5$ см, глубина до 2 см (рис. 2, 4). В верхней части якоря глубокие следы трения каната.

8. Каменный якорь подпрямоугольной формы размерами $104 \times 57 \times 18$ см с тремя прямоугольными отверстиями. Верхнее отверстие более крупное, размерами 19×13 см. Нижние отверстия расположены симметрично относительно верхнего и имеют размеры 6×6 см (рис. 2, 1). Один из верхних углов каменного якоря округлился от долгого и частого трения каната. В нижней части, по углам, имеются пропилы.

Рассмотренные каменные якоря можно разделить на два вида: подпрямоугольные и трапециевидные. По конструкции они представлены тремя типами. К первому типу относится каменный якорь 1 (рис. 2, 3; 3, 1) с одним отверстием, служившим, очевидно, в качестве рыма для привязывания каната, на что указывают следы трения.

Второй тип наиболее многочисленный. К нему относятся каменные якоря 3, 4, 5, 6, 7, имеющие по два отверстия. Верхнее отверстие на всех якорях этого типа подпрямоугольное и является рымом — отверстием для привязывания каната; на что указывают следы сильной стертости камня канатом. Нижнее отверстие служило для забивки деревянного кола, который затачивался с двух сторон и выполнял таким образом функцию рога — лапы, который, цепляясь за грунт, увеличивал держащую силу якоря (рис. 3, 2). Среди этого типа якорей можно выделить отдельный вид, представленный якорными камнями 4, 6 и 7. Так же, как и у других якорей этого типа, верхнее отверстие служило для привязывания каната, а нижнее — для крепления деревянного кола. У этого вида якорей имелись пропилы по торцам, куда укладывался канат. Очевидно, каменный якорь обвязывался канатом с торцов, затем концы пропускались навстречу друг другу через верхнее отверстие и стягивались вместе бечевкой, что позволяло уменьшить трение каната о камень и увеличить таким образом срок его службы (рис. 3, 3).

Третий тип представлен каменным якорем 7 с тремя подпрямоугольными отверстиями. Верхнее отверстие использовалось для привязывания каната, а в оба нижних отверстия вбивались деревянные колья, выполнявшие функции рогов — лап якоря. Функциональное назначение пропилов, сделанных по торцам в нижней части якоря, остается неясным (рис. 3, 4).

Каменный якорь 2 нельзя с достаточной уверенностью считать таковым. Если же он все-таки выступал в роли якоря, то, видимо, оба его отверстия использовались для привязывания каната.

Описанные каменные якоря не являются единственно известными. Древние каменные якоря были найдены в Средиземном, Черном и Каспийском морях. В Средиземном они использовались с III тыс. до н. э., в Черном море — со II тыс. до н. э., (15, с. 7—9, рис. 8; 16, с. 32—38). В настоящее время в различных районах

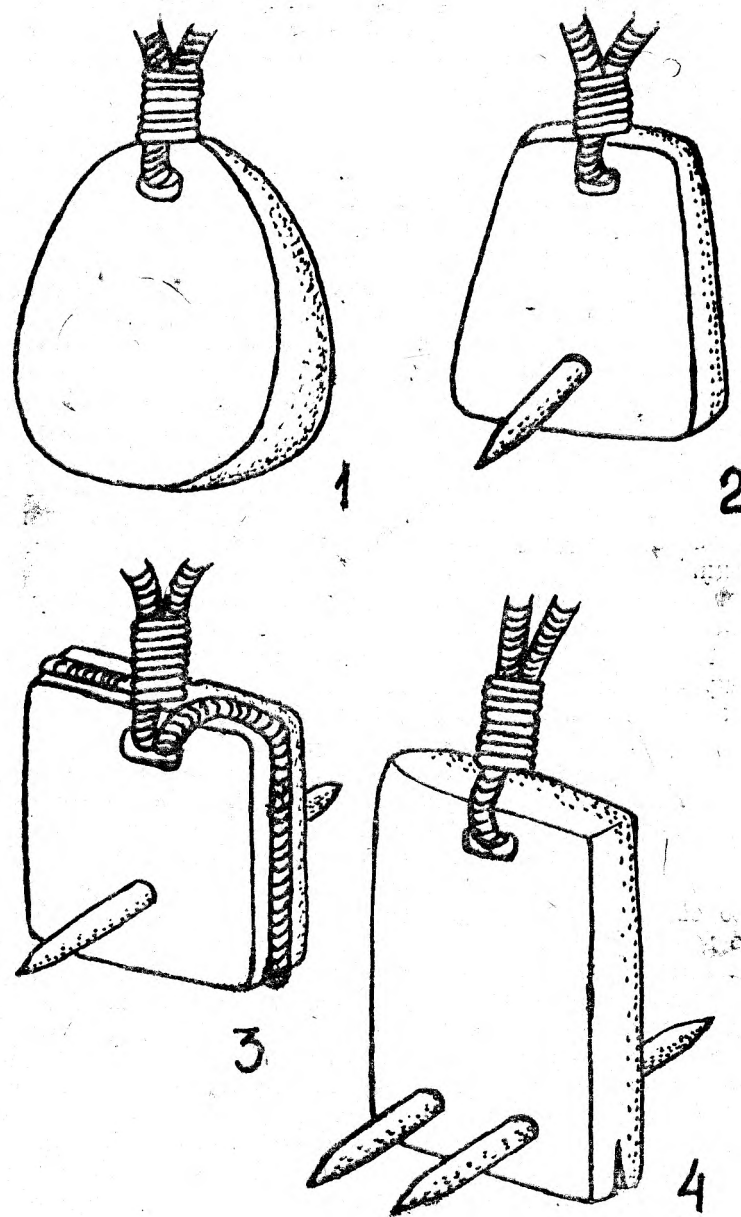

Рис. 3. Реконструкция каменных якорей.
1 — тип I. 2, 3 — тип II. 4 — тип III.

Средиземноморского побережья и по берегам Черного моря рыбаки продолжают использовать камень в естественном виде или обработанный в качестве якорей (16, с. 32—33).

На Каспии каменные якоря найдены помимо Дербента в результате изысканий подводно-археологической экспедиции Музея истории Азербайджана АН АзССР: у мысов Амбуранского (сел. Билгя), Гюргяны, Шоулан, около местности Дюбенды, на городище Бяндован, у острова Свиного, в Бакинской бухте около «Баил-Гесри» (17, с. 501—502; 18, с. 63—67; 19, с. 171—173). Все эти каменные якоря датируются В. А. Квачидзе X—XIV вв. по времени функционирования городища Бяндован (18, с. 67). Точность подобных датировок весьма относительна, т. к. обнаруженные якоря, возможно, и не связаны с данными поселениями. Дербентские каменные якоря близки конструктивно древним финикийским и черноморским якорям, сильно напоминают древнеегипетские, а особенно большое сходство имеют со средневековыми каспийскими якорями, найденными у побережья Азербайджана. Скорее всего, они использовались в средневековье, хотя не исключено, что некоторые из них имеют более древнее происхождение. Свидетельством тому могут служить известные сообщения Геродота и ал-Истахри, достоверность которых убедительно доказана многочисленными работами Дербентской археологической экспедиции.

Строительство грандиозного оборонительного комплекса VI в. способствовало расцвету камнеобрабатывающего ремесла в Дербенте (21, с. 31—32), что в определённой мере способствовало широкому оснащению дербентских судов дешевыми и удобными якорями местного производства. Нужды мореплавателей и широко налаженная добыча камня в этот период, наличие в числе ремесленников города высококвалифицированных камнетесов способствовали тому, что изготовление якорей превратилось, видимо, в одну из отраслей морского дела и дербентские мастера достигли в этой области значительного прогресса. На это указывает как совершенство форм изготавливаемых в этот период каменных якорей, так и весьма высокая стандартизация изделий. Именно дешевизной, простотой изготовления, надёжностью и можно объяснить столь широкое использование именно камня, а не железа, для изготовления якорей. Сколь велики были подобные якоря и как широко они применялись в Дербенте говорит яркое свидетельство итальянского путешественника XV в. Иосафата Барбаро об увиденных им в Дербенте и вышедших к тому времени из употребления громадных якорях весом 800 и более ливров, т. е. более 400 кг. В его же время на каспийских судах уже употреблялись якоря весом только в 150—200 ливров, т. е. 75—125 кг (22, с. 117, 120). К сожалению, многочисленные арабские географы и историки IX—X вв., сообщая о Дербенте как о важном морском торговом порте (22, с. 88, 107; 1, с. 11, 15), не дают описания применявшихся в этот период якорей, однако, вероятно это были те самые крупные образцы, о которых писал И. Барбаро.

Арабские авторы сообщают основные названия судов, плававших в IX—X вв. на Каспии: «сафина», «маркаб», «заурак» (7, с. 23). Применительно к теме исследования, ни одно из этих названий не даёт четкого представления о типах судов, которые могли строиться в Дербенте и использовались дербентскими мореходами. Несомненно, суда были парусными и весельно-парусными, на что прямо указывают сохранившиеся в арабских маршрутах слова «при благоприятном ветре» (7, с. 23).

Сведения письменных источников мало что сообщают о тоннаже этих судов. Можно лишь приблизительно говорить о тоннаже судов типа «заурак» («заврак»), плававших также в Индийском океане. Это маленькие легкие суда, быстро выполняющие поворотные движения и предназначенные для плавания в малых водах (23, с. 131). Говорить же определённо о тоннаже судов на основании веса якорей можно лишь приблизительно, так как чаще всего использовались не один, а два и более якорей (24, с. 391).

Изучение средневекового арабского мореплавания в Индийском океане и Средиземном море показало, что «техническая оснащённость арабских судов, не уступавшая европейской, а подчас её превосходившая (как это было на Средиземном море в IX—X веках), давала возможность предпочитать открытое плавание прибрежному (более опасному из-за мелководья) и тем значительно сокращала сроки преодоления морских пространств» (23, с. 44). На Каспии в этот период также имело место открытое плавание, на что указывает наличие прямой морской трассы Табаристан-Дербент (Баб ал-Аббаб) длиной в неделю (1, с. 55).

Б. Н. Заходер, рассматривавший мореплавание на Каспии в IX—X вв. в свете торговли между мусульманским Востоком и Восточной Европой, считал, что «рейсы производились не одиночными судами, а караванами судов», и сезоном рейсов была весна (7, с. 24). Исходя из погодных условий на Каспийском море, думается, что сезоном активной навигации был период апрель—август.

В IX—XI вв. по Каспию, помимо купеческих и рыбацких кораблей (9, с. 199), плавали суда русов, совершавших набеги на южное побережье Каспия и в Закавказье (25, с. 149—153). Очевидно, вместе с русами походы совершали и норманны, которых арабские авторы выделяли особо (25, с. 149). Автор Хв. Масуди называет суда русов «маркаб», подчеркивая большое их преимущество перед судами типа «заурак», которые чаще использовались для плавания по рекам (25, с. 195, 198). По свидетельству Ибн-Хаукаля суда русов вмещали около 100 человек (25, с. 152—153). По своей конструкции и размерам они были близки норманнским и, по всей видимости, подобно последним не были столь вместительны. По крайней мере, до сих пор не обнаружено ни одного судна викингов такой грузоподъёмности (26, с. 5—97), что даёт основания считать сведения Ибн-Хаукаля несколько завышенными.

Касаясь вопроса пребывания русов на Каспии, надо отметить

то возможное влияние, которое они могли оказать на развитие морского дела в Дербенте. В X—XII вв. русы выступали, согласно данным письменных источников (27), союзниками дербентских эмиров в их борьбе с правителями Ширвана и местной мятежной знатью—рансами. Ещё В. В. Бартольд отмечал, что Дербент, в отличие от других областей Прикаспия, ни разу не пострадал от набегов русов. Он связывал это с наличием у города хорошо укрепленного порта (2, с. 424), однако данный вопрос представляется более сложным. Речь, вероятно, идет о прочном долговременном военно-политическом союзе русов с дербентскими правителями, в результате которого первые оказывали действительную помощь эмирам в борьбе с внешними и внутренними врагами, а последние разрешали использовать дербентскую гавань в качестве постоянной стоянки для кораблей русов, а сам город и прилегающие территории в качестве базы на Каспийском море (20, с. 79—80).

Систематическое и долговременное пребывание кораблей русов в Дербенте (2, с. 419; 27) не могло не оказать влияния на развитие морского дела в средневековом городе. Дербентские мореходы могли заимствовать у русов и определенные приемы оснастки и сами типы судов. В свою очередь русы перенимали в Дербенте достижения мореходного дела мусульманского Востока.

Во второй половине XIII в. на Каспии появились итальянские купцы, переправившие сюда свои корабли для перевозки хлопка и шелка (28, с. 33). Итальянские купцы пользовались преимущественно нефами—кораблями с одной—двумя сплошными палубами, трюмами, надстройками и несколькими мачтами. Длина нефов достигала 30 м, ширина—8 м, осадка—3 м (15, с. 29).

Судя по сообщениям источников, появление итальянских и венецианских судов на Каспии оказало определенное влияние на развитие мореходного дела в Дербенте и на сложившиеся здесь традиции.

Исследование морского дела средневекового Дербента позволяет в некоторой степени осветить малоизученные вопросы мореплавания и морской торговли на Каспии в средние века. Расцвет морской торговли на Каспийском море приходится на IX—начало XIII вв. (особенно IX—X вв.), и именно к этому периоду можно отнести наиболее развитие мореходного дела в Дербенте.

В этот период Дербент выступал не только как крупнейший порт на Каспийском море, но и как один из центров мореходного дела, где тесно соприкасались и оказывали большое взаимовлияние ближневосточные и восточноевропейские мореходные традиции.

Сам факт широкого применения камня для изготовления якорей и конструктивная близость дербентских находок с якорями, найденными у побережья Азербайджана, позволяет говорить об общности и единых традициях в морском деле западного побережья Каспийского моря в IX—XIII вв.

Археологические раскопки и данные письменных источников свидетельствуют, что определенную роль в экономике Дербента играли рыболовный промысел и охота на тюленей. Имеющиеся материалы позволяют предполагать, что рыболовство здесь было развито с древнейших времен и, как один из видов городского промысла выделился еще в албанское время (29, р. 460). Известный автор II в. н. э. Клавдий Элиан сообщал, что в этих районах Каспия ловят осетров, сушат их, а «затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны» (Клавдий Элиан, XVII, 17, 32). Судя по археологическим находкам и сведениям письменных источников, наибольший расцвет рыболовного промысла приходится на средневековый период. Это было связано как с общим подъемом Дербента в исследуемую эпоху, так и с развитием мореходного дела в средневековом городе.

Уникальный источник по истории феодального Дербента, обнаруженный и исследованный крупным дагестанским востоковедом М.-С. Саидовым, среди слушателей суфийских меджлисов средневекового города упоминает и рыбаков (30, с. 5—7).

Следует отметить, что названный источник, составленный в самом Дербенте в XI в., называет рыбака (саммак) в числе наиболее распространенных профессий ремесленников города. Это позволяет полагать о достаточно широком распространении данного занятия среди обитателей Дербента.

Ярким подтверждением высказанной мысли являются и многочисленные материалы археологических раскопок. В средневековых культурных напластованиях Дербента широко встречаются предметы и орудия труда, связанные с рыболовным промыслом, и остатки костяков «рыб осетровых пород» (31, с. 106).

Из предметов, связанных с рыболовным промыслом, чаще всего встречаются металлические крючки, керамические и каменные грузила для сетей, грузила для снастей, небольшие каменные якоря для лодок.

Особое внимание привлекают керамические грузила для сетей, имеющие размеры 7—12×5—8×3—5 см, со специальными отверстиями и канавками для веревок.

Наличие подобных стандартных керамических грузил может свидетельствовать и о высоком уровне развития рыболовного промысла, и о его самостоятельной роли в экономической жизни средневекового Дербента. Только при достаточно высоком уровне развития рыболовства и наличия значительного количества жителей, занимавшихся данной профессией, возможно появление стандартных керамических грузил, которые могли изготавливаться дербентскими гончарами лишь при определенном спросе.

О высоком уровне развития рыболовного промысла на западном побережье Каспийского моря и роли его в экономике прибрежных городов неоднократно сообщали средневековые арабоязычные авторы. Рыба и в средневековый период названа в числе товаров, вывозимых из этих областей (3, р. 217—219; 32, р. 142—145).

Из нее получали клей очень высокого качества, который только здесь «производят и доставляют в другие места» (3, р. 217—219).

Наряду с рыболовством определенное развитие получила, вероятно, и охота на тюленей.

Судя по материалам археологических раскопок, наряду с нефтью в светильниках-чирагах, обнаруженных в большом количестве в средневековых культурных слоях города, использовался тюлений жир.

Средневековый автор Бакуви, в связи с занятиями населения, писал об охоте на тюленей, жир которых использовался как масло в светильниках, а шкуры служили сосудами для перевозки нефти, которая в большом количестве доставлялась с Апшерона в Дербент (33, с. 79).

Таким образом, материалы археологических исследований данные письменных источников свидетельствуют, что мореходное дело и рыболовный промысел в средневековом Дербенте находились на весьма высоком уровне. И ярким подтверждением этого вывода является свидетельство Массуди, который в связи с походами русов на Каспий, писал, что ранее (до походов русов — А. К.) по нему ходили многочисленные «суда купцов и рыбаков» (9, с. 199).

* * *

¹ Ал-Истахри: Книга путей и царств / Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.

² Бартольд В. В. Дербент // Соч. М., 1965. Т. III.

³ Al-Istakhri. Kitab masalik al mamalik. Ed. M. J. de Goeje. BGA. Lugdunum: Batavorum, 1870.

⁴ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.

⁵ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.

⁶ Кудрявцев А. А. О новой хронологии древнего Дербента // СА. 1982. № 4.

⁷ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.

⁸ Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. III.

⁹ Мас'уди. Мурудж ад-Дзахаб / Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

¹⁰ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Елизаров К. К. Подводные исследования порта средневекового Дербента // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспед. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984.

¹¹ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. К исторической топографии Дербента в албанский и сасанидский периоды // Всесоюз. археолог. конф.: Тез. докл. Баку, 1985.

¹² Кудрявцев А. А., Гусев С. В., Новоселов А. С. Изучение «морских» стен и средневекового порта Дербента // Тез. докл. науч. сес. посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.

¹³ Ал-Истахри. Книга путей и царств / Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

¹⁴ Ibn Hauqal. Configuration de la Terre. (Kitab surat al ard). Ed. I. H. Kramers et G. Wief. T. II. P., 1964.

¹⁵ Скрыгин Л. И. Книга о якорях. М., 1973.

¹⁶ Лазаров М. Потерянная флотилия. Л., 1978.

¹⁷ Квачидзе В. А. Подводная экспедиция на городище Бяндован. // АО 1975. М., 1976.

¹⁸ Квачидзе В. А. Гидроархеологические работы 1975 года на городище Бяндован. // Археологические и этнографические изыскания (1975 г.). Баку, 1978.

¹⁹ Квачидзе В. А. Результаты подводно-археологической экспедиции Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР в 1984 г. // Всесоюз. археологическая конф.: тез. докл. Баку, 1985.

²⁰ Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. Махачкала, 1982.

²¹ Криштопа А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1970.

²² Ибн-Хаукаль. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.

²³ Шумовский Т. А. По следам Синдбада Морехода. М., 1986.

²⁴ Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.

²⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

²⁶ Фиркс И. Суда викингов. Л., 1982.

²⁷ Тарих Баб ал-аббаб / Пер. В. Ф. Минорского // В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

²⁸ Ямпольский Э. И. Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961.

²⁹ Dowsett C. J. F. A neglected passage in the history of the Caucasian Albanians. // BSOAS. Vol. XIX. Part 3. L., 1957. P. 456—468.

³⁰ Саидов М.-С. Дагестанская литература на арабском языке. Творчество дербентского ученого II в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса ал-Фараджа ад-Дербенди // Рук. фонд ИИЯЛ. Махачкала, 1963.

³¹ Кудрявцев А. А. Первые исследования досасанидского Дербента // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.

³² Hudud al-Alam. The Regions of the world. A Persian Geography. Transl. and expl. by V. Minorsky. // GMS. New Series. XI. L., 1937.

³³ Ашурбейли С. Б. Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964.

М. Г. Магомедов

**ОСНОВНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ремесла
НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Сложность воссоздания реальной картины развития различных отраслей экономики населения Прикаспийского Дагестана в средневековую эпоху связана, главным образом, со слабой базой источников. Для плодотворного решения этих вопросов уже совершенно недостаточны скудные сведения письменных данных. Нужны качественно новые источники. Такими источниками выступают обширные археологические материалы, и особенно остатки древних поселений, городов и крепостей, в которых наиболее выразительно воплотились уровень различных отраслей экономики их обитателей.

Прежде чем попытаться разобраться в специфике экономики древнего населения региона, необходим сопоставительный анализ характера заселения различных зон Прикаспийского Дагестана. Разумеется, что топография памятников в каждом конкретном случае выступает своеобразным индикатором, отражающим степень развития и специфику хозяйственного уклада их обитателей.

Для решения вопросов о ведущих отраслях экономики региона мы располагаем значительным количеством памятников, исследованных в Прикаспийском Дагестане, которые по времени бытования и характеру расположения могут быть подразделены на несколько групп (см. таблицу 1). Несмотря на условность подобно-

ТАБЛИЦА I
этапов обживания Предгорного Дагестана в I—XIV вв.

№№ пп	Памятники	Место распо- ложе- ния	Время бытования			
			I—V вв.	VI— VIII вв.	IX—XI вв.	XII— XIV вв.
1	2	3	4	5	6	7
1.	Андрейаульское городище	Примор. низ.	+	+	—	—
2.	Верхнечирюртов. городище	—«—	—	+	—	—
3.	Верхнечирюрт. поселение	—«—	—	+	—	—

1	2	3	4	5	6	7
4.	Бавтугайск. городище	—«—	+	+	—	—
5.	Кизилюртовск. поселение	—«—	—	+	—	—
6.	Новокулинское городище	—«—	+	+	—	—
7.	Османюртовск. поселение	—«—	—	+	—	—
8.	Поселение Чупалав-тепе	—«—	—	+	—	—
9.	Крепость Тенг-кала	—«—	+	+	—	—
10.	Герменчикск. крепость	—«—	—	+	—	—
11.	Бораульская крепость	—«—	—	+	—	—
12.	Новонадеждинск. городище	—«—	—	+	—	—
13.	Некрасовск. городище	—«—	+	+	—	—
14.	Шелковск. городище	—«—	—	+	—	—
15.	Нуррадиловск. городище	—«—	—	+	—	—
16.	Бараганчикск. поселение	—«—	—	+	—	—
17.	Таркинское городище	—«—	+	+	+	+
18.	Бараганчикск. городище	—«—	—	—	+	+
19.	Сигитминское городище	—«—	—	+	—	—
20.	Поселение на Черном поле	—«—	—	+	—	—
21.	Мусашейховское поселение	—«—	—	+	—	—
22.	Правобережное поселение	—«—	—	+	—	—
23.	Поселение Тлар	—«—	—	+	—	—
24.	Сигитминское поселение	Примор. низ.	—	—	—	+
25.	Миатлинск. поселение	—«—	—	+	+	+
26.	Андрейаульск. крепость	—«—	—	+	—	—
27.	Крепость Аркабаш	—«—	—	+	—	—
28.	Калининаульск. городище	пред- горья	—	+	—	—
29.	Городище Исти-су	—«—	—	+	+	+
30.	Поселение Ачи-су	—«—	—	+	—	—
31.	Хадумская крепость	—«—	—	+	—	—
32.	Крепость Туе-гирган	—«—	—	+	—	—
33.	Городище Гентурун	—«—	+	+	+	—

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
34.	Урцекск. городище	—«—	+	+	—	—
35.	Таргунское городище	—«—	+	+	—	—
36.	Крепость Инглис-тюбе	—«—	+	+	—	—
37.	Городище Чакавуркент	—«—	+	+	+	+
38.	Городище Эскиюрт	—«—	+	+	+	—
39.	Губденское городище	—«—	—	+	+	+
40.	Халагорское поселение	—«—	—	+	—	—
41.	Какашуринское городище	—«—	—	+	—	—
42.	Какамахинское городище	—«—	—	+	—	—
43.	Капчугайское городище	—«—	—	+	+	+
44.	Городище Юртлан-тюбе	—«—	—	+	+	+
45.	Городище Ачахан	—«—	—	+	+	+
46.	Буйнакское поселение	—«—	—	+	+	+
47.	Дженгутайское поселение	—«—	—	+	+	+
48.	Эрпелинск. поселение	—«—	—	+	+	—
49.	Аркаское городище	—«—	—	+	+	+
50.	Агачкалинское городище	—«—	—	—	+	+
51.	Агачкалинское поселение № 1	—«—	—	—	+	+
52.	Агачкалинское поселение № 2	—«—	—	—	+	+
53.	Дылымское поселение	—«—	—	—	+	+
54.	Алмакское городище	—«—	—	—	+	+
55.	Городище Хуригох	—«—	—	—	+	+
56.	Поселение Мижки пред- горье	—«—	—	—	+	+
57.	Акташское поселение	—«—	—	—	+	+
58.	Андрейаульское посел. № 2	—«—	—	—	+	+
59.	Андрейаульское пос. № 3	—«—	—	—	+	+
60.	Кафыркумукское поселение	—«—	—	—	+	+
61.	Крепость Малый Хадум	—«—	—	—	+	+
62.	Крепость Бек-юрт	—«—	—	—	+	+
63.	Крепость Гебек-кала	—«—	—	—	+	+
Итого:			12	47	29	27

го их членения, каждая из этих групп памятников примечательна рядом общих признаков, отражающих специфику эконоимического развития древних их обитателей. Поскольку памятники первой группы изучены слабо, то анализ их начнем с памятников второй группы. Тем более, что поселения раннесредневековой эпохи не только многочисленны, но и сохранили вещественные следы ведущих отраслей экономики страны. Для некоторых этих памятников, представленных в Прикаспии остатками более 50 городищ, крепостей и поселений, характерны не только обширные размеры, но и сложная структура. На наиболее крупных из них (Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Таркинское, Урцекское и др.), представлены остатки различных ремесленных производств (металлургии, ювелирного и гончарного производства) (1, с. 26). Подобная топография выделяет их на фоне остальных городищ Прикаспийского Дагестана, что позволяет считать их остатками крупных раннесредневековых экономических центров. Они выступают блестящим подтверждением многочисленных сведений письменных источников, которые пестрят сообщениями о бытовании в Приморском Дагестане в эпоху раннего средневековья обширных и цветущих городов, и сложившегося здесь государственного образования, каким выступает Хазарский каганат.

Судя по результатам исследования памятников этой группы основными отраслями экономики населения Прикаспийского Дагестана выступают земледелие и скотоводство. О земледельческой основе экономики не только поселений, но и городов свидетельствуют мощные, достигающие 1—3 м культурные отложения, орудия труда, остатки многочисленных зерновых ям, а также структура самих городов, к которым примыкают огражденные стенами обширные сельскохозяйственные округа.

Свидетельством интенсивного характера земледелия в стране, где на обширных плантациях возделывались самые разнообразные сорта злаковых, фруктов и особенно винограда, являются остатки древних ирригационных каналов, сохранившихся в Терско-Сулакском междуречье, которые протянулись на десятки км в обе стороны от реки Акташ. На основании выявленной при их расчистке керамики установлено, что каналы сооружены в VII—VIII вв. и связаны по времени с древней Хазарией. В этой связи отметим, что до и после Хазарского каганата в Дагестане не было экономических и политических условий для строительства столь грандиозных сооружений (2, с. 26). О том, что в стране существовало орошаемое земледелие, писал, как известно, каган Иосиф.

В Приморском Дагестане хазары не только продолжили обретенные еще в условиях Средней Азии навыки земледельческого производства, но и способствовали широкому распространению местных традиций и особенно навыков промыслового выращивания винограда. В этом плане интересны результаты исследований новочеркасских ученых о происхождении донских сортов винограда. Итогом этих исследований является вывод о том, что виногра-

дарство на Волге и Дону начинается с хазар. Сорты винограда и приемы их выращивания, а также виноградарский и винодельческий инвентарь старинных русских виноградарских центров, как отмечает исследователь А. И. Потапенко, связаны с Дагестаном. Хазары принесли промысловые навыки возделывания винограда и виноделия из Дагестана не только на Волгу и Дон, но и гораздо дальше — на территорию Восточной Европы (3, с. 51).

Наряду с земледелием, в экономике Хазарского каганата важное место принадлежало и скотоводству. Обширные костные остатки с исследованных памятников свидетельствуют о значительных качественных изменениях и в этой экономике. Наиболее наглядно это в традиционной системе хозяйства осевших на землю кочевников иллюстрирует анализ обширного костного материала из раскопок городищ (1, с. 99). Для памятников характерно явное преобладание крупного рогатого скота над мелким, с преимущественным разведением коров, свидетельствующих о земледельческой специфике занятия основной массы их обитателей. Значительное место в стаде продолжает занимать и мелкий рогатый скот, и особенно овца — животное, характерное для кочевого хозяйства. Заметный удельный вес в составе стада занимает и коневодство. В стране традиционно существовали обширные табуны лошадей, из которых постоянно пополнялась хазарская конница. В стадах представлены были такие животные, как верблюды, ослы, буйволы (4, с. 191), которые использовались в качестве тягловой силы (5, с. 149). Наличие развитой и многоотраслевой системы скотоводства не оставляют сомнений о бытовании в стране и традиционно сложившихся промыслов по обработке шерсти, кожи, кости и других видов животноводческой продукции. Об этом говорят и находки многочисленных пряслиц, ткацких грузил и другого инвентаря, предназначавшегося для различных промысловых операций.

На памятниках Приморского Дагестана, в большом количестве встречаются и кости осетровых рыб, свидетельствующие и о промысловом значении рыболовства в экономике их обитателей. Концентрация хазарских городков и поселений по побережью моря и вдоль рек Сулака и Терека, богатых рыбой ценных пород (лосось, осетр, севрюга, шамая, жерех и др.), также показатель существенного значения этих промыслов в хозяйстве страны (1, с. 100). Подтверждением этому являются и находки в культурных отложениях городищ каменных и глиняных (обоженных) грузил пирамидальных, конических и других форм, использовавшихся при ловле рыб сетями. Можно полагать, что в Прикаспийском Дагестане существовали и специальные рыболовческие поселки. Об этом сообщают письменные источники, в которых указывается, что «хазары требовали пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса» (6, с. 129). О важном промысловом значении рыболовства в экономике страны свидетельствует и то, что рыбий клей экспортировался из Хазарии в другие страны.

Развитие земледелия и скотоводства способствовало расцвету всех отраслей экономики страны. Особый подъем наблюдается в ремесленном производстве, где четко прослеживается отраслевая специализация. О бытовании в Хазарии сложившихся городских центров металлургии и металлообработки свидетельствуют остатки следов плавки железа. Железные шлаки, представляющие собой отходы производства железа обнаружены в Верхнечирюртовском, Андрейаульском и Урцекском городищах (1, с. 102). Наличие шлаков на городищах является признаком выработки здесь металла, выплавка которого осуществлялась так называемым сырдутным методом, являвшемся единственным способом получения черного металла до появления чугунолитейной техники (7, с. 22). О разнообразии предметов местного производства в стране свидетельствуют найденные здесь различные типы наконечников стрел и копий, слабоизогнутые однолезвийные сабли и мечи, конское снаряжение и др. О великолепном искусстве кузнецов свидетельствуют разнообразные по технике изготовления остатки кольчуг и доспехов, в том числе и конских, выявленных на Верхнечирюртовском могильнике. Изготовление кольчуг — сложный и трудоемкий процесс, требующий высокой квалификации.

Многочисленные и высокохудожественные ювелирные изделия из цветных металлов (бронзы, серебра, золота), найденные в погребениях многочисленных могильников Прикаспийского Дагестана: браслеты, перстни, наконечники ремней, пряжки, зеркала, бляшки и многое другое, выполнены с применением самых различных технических приемов, и примечательны разнообразием форм и богатством орнаментальных мотивов. Они свидетельствуют о высоком уровне и товарном характере ювелирного производства, которое выступает обособленной, узко специализированной отраслью ремесленного производства. Для изготовления высокохудожественных инкрустированных наконечников ремней, подвесок, бляшек и др. требовалось применение таких приемов как литье,ковка, чеканка, зернение, инкрустация и др. технических операций. Примечательно, что наряду с высокохудожественными украшениями на некоторых памятниках Прикаспийского Дагестана найдены и литейные формы, тигельки, а также изделия литейного производства, свидетельствующие, с одной стороны о высоком искусстве ювелиров, и с другой, о глубоких традициях местного металлообрабатывающего производства (8, с. 166).

Остатки монументальных оборонительных сооружений, сохранившиеся вокруг хазарских городов, и особенно, у Верхнечирюртовского городища, а также остатки церквей отражают большое мастерство хазарских каменотесов свидетельствуют алтарные постаменты из церквей, и особенно фигурные кресты, тщательно вырезанные из массивных песчаниковых монолитов. Местные строители не только умели возводить монументальные сооружения из рваного и тесаного камня, сырцового кирпича и глинобита,

но и знали секрет сейсмостойкого строительства (1, с. 127). Наличие вокруг приморских городов тщательно продуманной системы обороны со сложной их планировкой и с различными техническими приемами строительства, являются свидетельством не только высокого уровня и широкого размаха строительства в Прикаспийском Дагестане, но и о специализации и в этой отрасли ремесленного производства. Возможно, что среди профессиональных мастеров-строителей были и специалисты-архитекторы, осуществлявшие руководство обширными фортификационными строительствами.

Обширный керамический материал с памятников Прикаспийского Дагестана свидетельствует о значительном развитии в стране и гончарного производства.

О совершенной технологии гончарного производства свидетельствуют остатки гончарных обжигательных печей с отдельных памятников (9, с. 107). Наиболее выразительно уровень развития гончарного производства в стране отражают остатки тарной посуды. Из них особенно примечательны хумы, характерные значительными размерами и предназначавшиеся для хранения жидкостей и сыпучих припасов. Поднятые черепки их, достигающие 15—20 мм толщины, изготовлены из хорошо отмученной глины, содержащей примеси песка и толченных ракушек. С Верхнечирюртовского городища происходит один целый экземпляр, воссоздающий форму этой группы тарной керамики. Хум имеет яйцевидное тулово, короткую горловину с утолщенным и отогнутым плоским венчиком. Высота хума достигает 0,9 м, диаметры: горловины — 0,28 м, тулова — 0,85 м, дна — 0,24 м. Заглаженная поверхность его украшена врезными горизонтальными линиями. Аналогичный хум хранится в историко-археологическом музее Дагестанского Госуниверситета. Он также имеет яйцевидную форму, заглаженную поверхность и украшен резными горизонтальными линиями. Хум был найден у сел. Стальское Кизилюртского района, неподалеку от Верхнечирюртовского городища.

Многочисленные обломки хумов яйцевидных форм выявлены в отложениях заключительных слоев Бавтугайского городища. Они достигают 0,8—1,0 м высоты, имеют заглаженную поверхность и также украшены горизонтальными или волнистыми резными линиями. На некоторых из них сохранились и клейма мастеров формы трезубца (18, с. 52). Характерно, что обломки хумов представлены здесь в основной своей массе лишь в слоях VI—VIII вв. И наибольшая их концентрация наблюдается в отложениях Верхнечирюртовского и Бавтугайского городищ. В значительно меньшей степени они встречаются на других памятниках. Подобная диспропорция в распространении этой группы керамики обусловлена конкретными причинами. Они в немалой степени связаны с особенностями места расположения памятников. На Верхнечирюртовском и Бавтугайском городищах материковые отложения, состоящие из наносных пластов гальки, исключают возможность сооружения хозяйственных ям. Поэтому для хране-

ния продуктов здесь широко использовались массивные хумы. И наоборот, на памятниках, расположенных в зоне глинистых материковых отложений, удобных для сооружения разнообразных по формам и размерам хозяйственных ям, обходились, очевидно, без хумов. Этим можно объяснить, что на наиболее исследованном Андрейаульском городище обломки массивных хумов в общей массе керамики составляют незначительный процент. Следует также учесть, что производство хумов было сложным и трудоемким процессом, требовавшим большого опыта и мастерства гончара. Для формирования хумов из нескольких составных частей и регулирования процесса их обжига требовались не только высокая специализация гончарного производства, но и огромные обжигательные печи. Поэтому их изготавливали, по мнению исследователей, на заказ (19, с. 202). Концентрация обломков хумов на Верхнечирюртовском и расположенном рядом Бавтугайском городищах является свидетельством их производства местными высококвалифицированными гончарами и возможно на заказ. Широкое распространение производства хумов засвидетельствовано в это же время на Урцекском городище (древнем Варачане), где они сосредоточены на цитадели и также встречаются вкопанными в пол полуподвальных помещений до 10—15 экземпляров. Отличаются они от Верхнечирюртовских составом теста и способом обработки внешней поверхности. В большинстве своем они красноглиняные, покрытые штриховкой или красным ангобом (8, с. 40). Однако формы хумов, их размеры, а также конфигурация венчиков свидетельствуют об общих технологических приемах их производства, имеющих в Дагестане глубокие традиции (20, с. 67). В условиях Терско-Сулакского междуречья устоявшиеся традиции керамического производства не претерпели изменений и при изготовлении наиболее сложного его вида, каким являются хумы. Предназначавшиеся в основной своей массе для домашнего изготовления и хранения вина, хумы не случайно распространены в основном на памятниках, расположенных в зоне со следами древнего виноградарства.

Пифосы также являются распространенным типом тарной посуды на памятниках региона.

Пифосы обычно двухручные, яйцевидных форм с загнутым наружу или посаженными непосредственно на тулова венчиками. Внешняя их поверхность тщательно заглажена или украшена врезными горизонтальными линиями и лощеными полосками. К наиболее расширяющейся части тулова прикреплены довольно массивные ленточной формы ручки. Разновидностью их являются пифосы с цилиндрическими горловинами, тщательно украшенные врезными линиями и лощеными полосками. Наиболее ярким образцом тарной посуды этого типа является пифос, найденный на Верхнечирюртовском городище. Он достигает 0,5 м высоты и имеет яйцевидной формы тулово и высокую цилиндрическую горловину. Попарно расположенными врезными линиями тулово

пифоса разделено на 5 горизонтальных поясов, украшенных вертикальным полосчатым лощением. Несколько выделяется на их фоне второй пояс пифоса, украшенный сетчатым лощением. Примечателен пифос не только художественным вкусом мастера, но и тем, что помимо двух овальных ручек на тулове, он имеет и третью ручку, прикрепленную к горловине и верхней части тулова. Многочисленные обломки упрощенных вариантов подобных пифосов с покатыми плечиками, украшенных полосчатым лощением, представлены на всех без исключения памятниках Терско-Сулакского междуречья. Среди них выделяются ярко украшенные трехручные пифосы, лощенные комбинацией пересекающихся полос. Высокие цилиндрические горловины со сливом и массивные боковые ручки подобных пифосов могут являться свидетельством специфического промыслового их назначения в качестве домашних малобоек.

Из всего многообразия керамических комплексов, выявленных на памятниках Терско-Сулакского междуречья, мы рассмотрели только наиболее распространенные их типы, формы которых представлены целыми сосудами. Помимо этих типов здесь встречаются многочисленные обломки и изредка целые сосуды специального назначения. К ним относятся обломки полусферических светильников, и особенно керамики с дырочками, предназначенными для изготовления сыра. Очевидно, что наличие здесь сосудов специального назначения показатель не только разнообразия существовавших домашних промыслов, но возможно и узкой специализации гончаров-производителей. В целом высокий уровень развития различных промыслов и ремесленных производств населения Терско-Сулакского междуречья на всем протяжении раннесредневековой эпохи документируют обширные и выразительные археологические материалы, которые находят подтверждение и в многочисленных письменных источниках. Как известно, арабско-хазарские войны, основной ареной которых был Западный Прикаспий, основательно разрушили бурно развивавшиеся здесь производительные силы. В огне пожаров погибли многочисленные и обширные города, являвшиеся экономическими центрами раннесредневековой эпохи. Западный Прикаспий, приняв на себя основную тяжесть агрессии арабов за владычество на Кавказе, был разрушен и по свидетельству письменных источников стал безлюдным. Из древней колыбели и твердыни Хазарии он превратился в IX—X вв. в опустошенную южную ее окраину. Разорение Прикаспийского Дагестана было столь значительным, что из многочисленных городов и поселений, бытовавших на равнине, к северу от Дербента, до вторжения арабов, жизнь вновь возобновилась лишь на некоторых из них (см. таблицу № 1).

Памятники последующей эпохи хотя и малочисленны и исследованы далеко недостаточно, тем не менее позволяют высветить общие контуры развития различных отраслей ремесленных производств. Для этой группы памятников характерно не только резкое уменьшение их количества, но и тяготение к предгорным долинам.

Уже это обстоятельство не оставляет сомнения в земледельческой специфике хозяйства их обитателей. Иную картину мы наблюдаем на Приморской равнине, где памятники рассматриваемой эпохи почти полностью исчезают. Резко изменившаяся топография заселения двух, рядом расположенных зон далеко неслучайна. Опустевшие после арабско-хазарских войн степи Прикаспийского Дагестана, как и неоднократно в прошлом, стали ареной господства кочевников. Однако это не исключает возможность традиционного использования этих земель в качестве зимних пастбищ и населением предгорного Дагестана. Подобная специализация экономики двух регионов, очевидно, продолжала действовать и в последующие эпохи, поскольку кочевники, как и земледельцы, нуждались в продукции друг друга (10, с. 120). Они взаимно восполняли и стимулировали комплексное развитие экономики и нивелировку культур страны в целом. Яркое выраженный земледельческий уклад хозяйственной деятельности населения предгорной зоны и развитие на этой основе традиционных промыслов и ремесленных производств подтверждается не только тяготением этой группы памятников к речным террасам, удобным для земледельческого производства, но и различными материалами. На всех без исключения памятниках предгорной зоны в огромных количествах представлены остатки гончарного производства и особенно наиболее сложных в производстве толстостенных сосудов (хумов), достигающих более 1 м высоты и обычно покрытых разнообразной штриховкой. Подобная посуда использовалась, как уже отмечалось, в качестве тары для хранения земледельческих продуктов.

Как и в предыдущие века, изготовление подобной вместительной посуды возможно было только мастерами высокой квалификации. Наряду с этой трудоемкой в производстве керамикой, на памятниках Приморского Дагестана, начиная с IX в. встречается разнообразная по назначению красноглиняная керамика. Наиболее выразительно технология производства новой керамики прослеживается на материалах памятников Агачкалы (11, с. 78—90). Здесь на поселении, и особенно на могильнике, представлена разнообразная по формам и размерам керамика, покрытая с наружной стороны различными оттенками красного цвета. О массовом характере производства подобной керамики на месте могут свидетельствовать остатки тризны сохранившиеся у одного из склепов Агачкалы, где было обнаружено около 30 сосудов (кружек, кувшинов, мисок) (21, с. 129).

Керамика примечательна не только разнообразием форм и размеров, но и тем, что в большинстве своем изготовлена вручную без гончарного круга. Подобная специфика и слабый обжиг керамики позволяют думать, что она в большинстве своем являлась продукцией домашних промыслов, предназначавшаяся для ритуальных целей. Примечательно также, что в общей массе костей животных, выявленных на поселении и на месте остатков тризны наблюдается явное преобладание фрагментов крупных животных (коров, коней, быков), которые не исключают возможность быто-

вания у агачкалинцев и традиционных промыслов по обработке животноводческой продукции. Достаточно выразительно оседлую специфику занятия древнего населения региона воссоздают и остатки жилищ Агачкалы, сооруженных из глинобита или турлука на каменном фундаменте (11, с. 73). Примечательны и устроенные рядом емкие хозяйственные ямы цилиндрической формы, предназначенные для хранения зерна. Некоторые из них достигали 2, 3 м глубины и 1,5 м в диаметре. Они имели специально обмазанные глиной прокаленные стенки. Верхняя часть подобных ям завершилась сводчатой конструкцией с небольшим устьем (11, с. 74). Несомненно, что ямы подобных форм могли быть сооружены специальными мастерами и предназначались для хранения зерна и притом в довольно значительных объемах. Наряду с остатками земледельческих промыслов, здесь сохранились и следы былых степных традиций среди части населения Агачкалы. Эти традиции находят отражение, в частности, в специфике остатков жилых сооружений, устроенных из турлука. Стены подобных жилищ прослеживаются по глиняным отпечаткам выгоревших прутьев плетеного каркаса. Жилища деревянной конструкции были широко распространены в оседавших на землю кочевников Западного Прикаспия (1, с. 146). Описание подобных жилищ кочевников из дерева, замазанных глиной, встречаются и в сообщениях письменных источников (12, с. 220). Былые связи населения Агачкалы с приморскими районами и соответственно с древними кочевническими традициями наблюдаются и в некоторых других элементах представленной здесь культуры. В этой связи особо следует отметить своеобразие некоторых поселений, протянувшихся по долине Атлан-озеня выше и ниже Агачкалинского поселения. На некоторых из этих памятников представлены лишь незначительные керамические материалы и отсутствуют четко выраженные культурные отложения стационарного характера. Подобная специфика может свидетельствовать, что эти памятники представляли собой небольшие по размерам временные селища хуторского типа, которые имели сезонный промысловый характер по переработке животноводческой продукции. Примечательно, что подобные памятники имеют прототипы на территории Терско-Сулакского междуречья в предшествующую эпоху (1, с. 33). О продолжавшихся здесь традициях степняков могут свидетельствовать и опустевшие после арабо-хазарских войн просторы Западного Прикаспия, откуда часть населения, очевидно, вынуждена была укрыться в предгорных долинах Дагестана.

Достижения различных отраслей ремесленных производств воссоздают и погребальные сооружения, связанные с памятниками типа Агачкалы. Обширные по размерам и перекрытые массивными блоками, а также тщательно устроенные склепы могильников Агачкалы, Верхнего Караная, Узунталы, Тарков и др. (21, с. 129), могли быть сооружены мастерами высокой квалификации. Богатое вооружение и снаряжение коня, а главное, разнообразные и высокохудожественные украшения из всех без исключения склепов,

изготовленные из стекла, бронзы, серебра и золота, выступают продукцией развитых ремесленных центров (21, с. 29). Склепы и связанные с ним погребения коней, а также остатки многолюдных тризн, совершенных по погребенным, характеризуют эти памятники, как семейные усыпальницы знати (14, с. 83).

Для всех этих памятников характерно также детальное совпадение устройства их погребальных конструкций и погребального ритуала. Общими для них являются и многие типы украшений (головных булавок, бляшек, браслетов и др.). Очевидно, что подобная общность конструкций склепов и, особенно, погребального инвентаря, далеко не случайна. Поставщиком единых типов украшений для населения Приморского Дагестана в это время могли быть, очевидно, и общие центры ремесленных производств, продукция носила товарный характер (21, с. 129). Их функционирование и возможности для торговли могли быть обеспечены только при наличии на месте централизованной власти. О возможности существования подобной власти могут свидетельствовать и другие аналогичные памятники. К ним относятся Акташское Исти-Су, Алмакское, Капчугайское, Эрпелинское, Ачахьян и другие поселения, на которых представлена общая керамика. Эти памятники свидетельствуют о заметных структурных изменениях по сравнению с предшествующей эпохой. Эти изменения наиболее выражены в остатках городища Исти-Су, разведывательные исследования которого были предприняты в 1955 г. в связи со строительством Чирюртовской ГЭС.

Городище расположено на левом берегу Сулака, напротив известного Сигитминского городища. Оно занимает территорию, зажатую с боковых сторон глубокими оврагами надпойменной террасы вытянутой формы, ограниченной с одной стороны системой передовых хребтов, и с другой — рекой. С единственно открытой napольной стороны городище, площадь которого составляет 300×120 м, было ограждено оборонительными сооружениями, от которых сохранились задернованные валообразные полосы. А на некоторых отрезках здесь четко прослеживаются и фрагменты стен. Судя по этим остаткам, городище было укреплено оборонительной стеной, протянувшейся с западной его стороны, между отвесными склонами боковых оврагов. Аналогичной стеной был огражден от городища и небольшой, прилегающей к реке участок террасы трехугольной формы, где, по всей вероятности, располагалась палата городища (15, с. 122). Судя по месту расположения и бытовому инвентарю для Исти-Су и других аналогичных памятников этой группы также характерна земледельческая специфика экономики их обитателей. О функционировании традиционных для региона промыслов и ремесел свидетельствует и расположение этих поселений на остатках поселений предшествующей эпохи. Об этом говорят и выразительный керамический материал, воссоздающий высокий уровень развития гончарного производства. Среди них особо выделяются обломки нового вида керамики, каким является поливная посуда. Массовый характер поливной

керамики, представленной на городище Исти-Су, дает возможность считать, что город был крупным центром производства не только красноглиняной, но и поливной керамики (1, с. 198). Многочисленные железные шлаки, сосредоточенные значительными толщами на юго-западной окраине городища Исти-Су, выделяют его и как крупный очаг металлургического производства в Терско-Сулакском междуречье. И это вполне естественно, если учесть, что Исти-Су расположено в зоне крупного месторождения сидеритовых железных руд (присулакское месторождение). Расположение городища на берегу р. Сулак несомненно способствовало развитию здесь и рыбного промысла. Находки пряслиц на городище Исти-Су (22, с. 232) указывают на существование здесь и традиционных промыслов по изготовлению пряжи и шерстяных изделий. Таким образом, несмотря на значительное сокращение количества городов и поселений, по сравнению с предшествующей эпохой, они и после арабо-хазарских войн продолжают выступать центрами различных промыслов и ремесленных производств, продукция которых, несомненно, носила товарный характер.

Таким образом, оседлый быт и обусловленное им развитие традиционных промыслов и ремесел в Дагестане в последующие века документируют разнообразные археологические материалы. Существенные изменения здесь наблюдаются лишь в характере хозяйственного использования Приморской равнины, которая временами выпадала из баланса экономической структуры края, особенно в период повышения активности кочевников (13, с. 124). Тем не менее, судя по специфике памятников, исторически сложившаяся экономическая модель хозяйственной специализации Прикаспийского Дагестана в раннесредневековую эпоху продолжала действовать и после, несмотря на отдельные сбои, связанные с вторжением новых волн кочевников.

* * *

1 Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

2 Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1978 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. № 375.

3 Потапенко А. И. Старожил земли русской (Очерки о русском винограде). Ростов-на-Дону, 1976.

4 Путинцева Н. Д. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. № 113.

5 Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

6 История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. / Пер. с арм. К. Патканьян. СПб., 1861.

7 Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА. 1953. № 32.

8 Маммаев М. М. Дагестан албано-сарматского и раннесредневекового времени: (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1969. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. № 316.

9 Бредэ К. А. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. 35.

10 Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982.

11 Гмыря Л. Б. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане // Древние промыслы и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.

12 Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

13 Крупнов Е. И. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия // Мад. Махачкала, 1959. Т. II.

14 Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. 38.

15 Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955—1956 гг. Махачкала, 1957 // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. 16.

16 История Дагестана. В 4 т. М., 1967. Т. 1.

17 Гамзатов Г. Г. Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья // СА. 1982. № 3.

18 Пикуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 62.

19 Якобсон А. Л. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2.

20 Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

21 Магомедов М. Г. Украшения из Агачкалинского могильника // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

М. М. Маммаев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА ДАГЕСТАНА

В хозяйственно-экономической деятельности народов Дагестана периода средневековья важное место занимало художественное ремесло, которое имело к тому времени уже достаточно развитые традиции, восходящие своими истоками к глубокой древности. Изучение его позволяет не только охарактеризовать производственную деятельность трудового народа, но и в определенной степени судить о его художественном восприятии, его вкусах, мире его представлений и образов. Разработка вопросов истории художественного ремесла периода средневековья важна для выяснения истоков современных народных художественных промыслов Дагестана, основных этапов их становления и развития, а также осмысления их богатого опыта и многовековых традиций. В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся лишь некоторых особенностей генезиса и развития средневекового художественного ремесла Дагестана.

Жизнь трудового народа на протяжении всей его истории сопровождалось художественным творчеством, и потому народное художественное ремесло, или искусство прикладных форм, зародившись в очень глубокой древности, прошло длительный путь своего развития. Глубинные истоки этого искусства берут свое начало еще в недрах первобытно-общинного строя, когда люди из практических потребностей овладели мастерством лепить гончарную посуду, выплавлять медь и бронзу, изготавливать из природных материалов — камня и дерева — орудия труда, оружие и предметы быта, освоили прядение и ткачество.

Создавая своими руками предметы быта — посуду и другую утварь, а также орудия труда и оружие, одежду и украшения, строя жилище, человек придавал им ясную форму, подвергал их художественной отделке, делал их не только удобными, практически целесообразными, но и красивыми, нарядными. Словом, человек творил «по законам красоты» (1, с. 144).

Развиваясь вместе с развитием основ экономики и всей материальной культуры в целом, художественное ремесло Дагестана в эпоху средневековья достигло значительного совершенства. Но формирование и развитие его в разных частях Дагестана протека-

ло по-разному в силу определенных исторических обстоятельств. В горном Дагестане социально-экономические отношения, сложившиеся к раннему средневековью, были менее развитыми, чем в приморском и в предгорном Дагестане. Причиной этого являлись: нехватка обрабатываемых земель, неразвитые орудия труда, суровые природные условия, значительная разобщенность и этногеографическая изоляция племенных групп, слабое развитие внешних экономических связей (2, с. 37).

В силу этого процесс развития классовых феодальных отношений в горных районах Дагестана затянулся на многие столетия. Как справедливо отмечает проф. Р. М. Магомедов, «в районах Каспийского побережья и в восточном Дагестане уровень развития производительных сил был выше, чем в горах и условия для мелкого индивидуального производства здесь созрели раньше... Переход к феодализму в плоскостных районах Дагестана происходил почти одновременно с развитием феодализма в соседних районах Закавказья.

У племен центрального Дагестана распад первобытно-общинного строя начался позже и затянулся местами до начала XIX в. Одна группа племен этой части Дагестана совершила переход к феодализму, минуя рабовладельческую стадию, а другая группа в своем развитии не пошла дальше полупатриархально-полуфеодальных отношений» (2, с. 37—38). Причем неравномерность общественного развития разных частей Дагестана прослеживается на всем протяжении феодальной эпохи (3, с. 7—8).

Естественно, в этих условиях уровень развития различных отраслей художественного ремесла в той или иной части Дагестана был не одинаковым. В приморской части Дагестана и в его предгорной полосе, где еще в раннем средневековье складывается городская культура, значительной степени развития и совершенства достигли гончарное дело, художественная обработка металла, кузнечное дело, резьба по кости, ткачество, обработка кожи, строительное дело и т. д. (4).

В горном Дагестане в отдельных сельских общинах, особенно в глухих, замкнутых и мало связанных торгово-экономическими связями с внешним миром, даже в эпоху развитого средневековья — в XII—XV вв. такие виды домашних промыслов, как производство лепной гончарной посуды, прядение с ткачеством, изготовление различных деревянных бытовых предметов — мерок, солонок, поставцев, ложек, сосудов для еды и питья и др., выделка изделий из кожи, изготовление орудий труда и т. п., еще не выделились в специализированные обособленные отрасли ремесла и составляли «необходимую принадлежность натурального хозяйства» (5, с. 328). Они служили «дополнением крестьянского хозяйства» (5, с. 329) — для удовлетворения нужд членов сельской общины.

В других же населенных пунктах горного Дагестана — в таких крупных селениях, как Кубачи, Кумух, Гоцатль, Гамсутль, Хунзах, Чох, Ахты, Микрах, Сулевкент, Балхар, Испик и др. ремесло, которое сравнительно рано отделилось от земледелия, приобрета-

ло все большую дифференциацию и специализацию. Вероятно с эпохи развитого средневековья — с XII—XV вв. начинается специализация уже целых селений по изготовлению тех или иных видов изделий художественного ремесла: Кубачи, Гоцатль, Кумух — изделий металлообработки, Сулевкент, Балхар — керамики, Ахты, Микрах — ковровых изделий и т. д.

Для многих крупных ремесленных центров Дагестана было характерно наличие не одной, а нескольких развитых отраслей ремесла. Так, в сел. Кубачи в XIII—XV вв. наблюдается наличие таких отраслей ремесла, как резьба по камню и дереву, художественная обработка металла, строительное дело, каллиграфия как особый, считавшийся весьма почетным, вид ремесла и, вероятно, еще резьба по кости, ткачество.

Крупные населенные пункты Дагестана, среди них и центры государственных феодально-политических образований, выступают развитыми очагами ремесла, торговли и культуры.

После арабских завоеваний в Дагестане, начавшихся в середине VII в. и продолжавшихся длительное время, разрушенные в ходе войн раннесредневековые города Варачан, Таргу, Семендер, Беленджер, Вабандар и другие крупные ремесленные центры больше не возродились и городская культура пришла в упадок. Лишь г. Дербент с его мощной системой оборонительных сооружений устоял от окончательного разрушения. В отличие от Закавказья или же от Средней Азии, где в эпоху феодализма существовали крупные города — центры высоко развитого ремесла и оживленной торговли, такие, как Ардебиль, Байлакан (Оренкала), Тифлис, Ани, Двин, Мерв, Самарканд (Афрасиаб) и др. в Дагестане таких городов не было, за исключением Дербента. Однако, если исходить из тех принципов выделения города (в противоположность селу), которых придерживались средневековые восточные историки и географы (ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси и др.), а именно: наличие соборной мечети и статуса административного центра (6, с. 164—165), то многие крупные населенные пункты Дагестана, центры феодально-политических образований, как, например, Кумух, Хунзах, Тарки и т. д., а также селения, специализировавшиеся на ремесленном производстве, например, Кубачи, где в эпоху средневековья была не только соборная мечеть и медресе, но и еще квартальные мечети, то такие населенные пункты можно отнести к категории средневековых городов.

Ремесленное производство в средневековом Дагестане находилось на довольно высоком для своего времени уровне развития, чему способствовала его специализация, благодаря которой достигалась высокая степень совершенства тех или иных видов художественного ремесла. Кроме того, в Дагестане, где еще в древности ощущалась острая нехватка пригодных для обработки под сельскохозяйственные культуры земель, но имея при этом в наличии необходимое сырье, природные материалы и трудовые ресурсы, занятия подсобными промыслами и изготовление различных ре-

месленных изделий издавна становится распространенным видом производственной деятельности местного населения, важным источником экономического обеспечения семьи горца.

В XII—XV вв. оно получает широкое распространение и достигает невиданного до того времени подъема и совершенства. Оно в то время базировалось на выработанном в предшествующие эпохи длительном практическом опыте и сложившихся традициях.

Исследования археологов, историков, искусствоведов показывают, что Дагестан уже в указанное время выступал одним из крупных очагов развитого ремесла на Восточном Кавказе.

Как известно, в эпоху развитого средневековья складываются основные этнические группы и народности, населяющие и ныне Дагестан. Каждая из народностей имела к тому времени свои локальные особенности в материальной и духовной культуре — в жилище, одежде, украшениях, предметах быта, обрядах, традициях, фольклоре и т. д. Несмотря на то, что у всех народностей и этнических групп было много и общего, обусловленного общностью их происхождения и исторического развития, сходством природно-хозяйственных, экономических и социальных условий, культурными взаимосвязями и т. д. Однако формирование народностей и этнических групп в силу указанных выше причин (территориальная разобщенность, этногеографическая изоляция народностей и этнических групп, разный уровень их социально-экономического развития, некоторый консерватизм общественных отношений и бытового уклада и др. не привело к сложению единого народа, общей государственности и единой общedaгестанской культуры. Отсюда и стилевое многообразие и локальные различия в художественном ремесле Дагестана эпохи средневековья и нового времени, в которых по-своему отразились культурно-этнические своеобразия каждого из дагестанских народов. Следует отметить, что именно с эпохи средневековья прослеживается непосредственная преемственность специфически характерных для той или иной народности Дагестана этнических черт и особенностей искусства современных художественных промыслов коренных дагестанских народов.

Художественное ремесло — искусство прикладных форм средневекового Дагестана, как уже отметили, вырастает на почве живых традиций народного художественного творчества предшествующих эпох. Но в процессе его формирования и развития заметную роль сыграли и элементы культур других высокоразвитых для своего времени областей и стран Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, с которыми Дагестан поддерживал оживленные культурные, экономические и иные контакты. Элементы эти способствовали обогащению местной художественной культуры.

На характер средневекового художественного ремесла Дагестана заметный отпечаток наложила и мусульманская религия, ставшая к XIV—XV вв. господствующей идеологией феодального общества, которая играла огромную роль во всех сферах жизни дагестанских народов. После арабских завоеваний происходит

повсеместное распространение и укрепление позиции ислама, насильственно насаждавшегося в Дагестане в течение долгого времени. Начиная с VIII в. Дагестан втягивается в орбиту культурного влияния арабо-мусульманских стран Востока, что способствовало распространению в крае специфических форм искусства, присущих культуре Среднего и Ближнего Востока. Запреты ортодоксального ислама изображать живые существа, жесткие рамки религиозных канонов и догм направили искания художников, также, как и в Азербайджане и Средней Азии (в отличие от, скажем, «христианских» Грузии и Армении) на разработку разнообразных орнаментальных мотивов (7, с. 6).

Вместе с тем отступления от норм религиозных канонов и догматических предписаний в художественном ремесле были сплошь и рядом, а изобразительная струя, нередко облеченная в затейливую орнаментальную вязь, явственно проступала в декоративной отделке самых различных изделий художественного ремесла и в убранстве архитектурных сооружений, даже в декоративной отделке культовых построек — мечетей и медресе (8).

Характерной особенностью средневекового художественного ремесла являлся синтез его различных видов, взаимопроникновение разнообразных сюжетов, образов и мотивов, применение многообразных декоративно-технических приемов в отделке изделий металлообработки, резьбы по камню и дереву, обработки кости, производства керамической посуды и др. Так, например, в резьбе по камню и в декоративной отделке литых бронзовых котлов так называемого закрытого типа XIV—XV вв. из сел. Кубачи представлен ряд однотипных орнаментальных мотивов, а также изобразительных сюжетов и образов. Аналогичные орнаментальные мотивы и изобразительные сюжеты (изображения птиц, сюжет «древо жизни», растительный, эпиграфический и геометрического характера орнамент и т. д.) были широко распространены также в декоре металлических и керамических изделий эпохи средневековья из ряда других ремесленных центров Дагестана (Дербент, Кумух, Хунзах, Нижнее Чугли и др.). Вместе с тем каждый вид ремесла имел свой круг излюбленных мотивов и тем. Роспись гончара, чеканка или литье металла, как и ткачество настолько различны по приемам работы и материалу, что даже близкие между собой мотивы изобразительного искусства получают в каждом из них свое особое толкование (9, с. 211).

Особенности генезиса и развития средневекового художественного ремесла Дагестана можно достаточно отчетливо проследить путем анализа конкретных его изделий.

Обратимся в первую очередь к изделиям художественного ремесла Северо-Восточного Дагестана, где в раннем средневековье — в первой половине VII в. складывается одно из крупных на Восточном Кавказе раннефеодальных государственных образований — Хазарский каганат (10; 11; 12; 13), который к VIII в. занял обширную территорию, включающую Предкавказье, Подонье и Приазовье. На этой территории сложилась относительно однород-

ная и самобытная культура, получившая условное название салтово-маяцкой.

С переходом кочевых племен к оседлости, формированием и дальнейшим развитием городов в Хазарии довольно интенсивно развиваются различные отрасли ремесла, среди которых значительного совершенства достигло гончарное дело. Наиболее крупными центрами керамического производства являлись хазарские города Беленджер (или Семендер) и Вабандар, локализуемые соответственно с археологически исследованными городищами у селений Верхний Чирюрт Кизилюртовского района и Андрейаул Хасавюртовского района (14; 15; 16).

Обширная коллекция керамической посуды, выявленная в процессе раскопок этих городищ, а также ряда других памятников Северо-Восточного Дагестана показывают высокий уровень развития производства художественно отделанной керамики в Хазарском каганате. Гончарная посуда, изготовленная с использованием ручного гончарного круга, отличается не только многообразием своих форм (при определенной стандартизации их типов), но и богатством и выразительностью художественной отделки в соответствии с эстетическими вкусами хазарского населения. По характерному серому цвету, ведущим и типичным формам дифференцированной по своему назначению посуды, по набору и стилистическим признакам основных орнаментальных мотивов она при очевидном ее локальном своеобразии во многом сходна с ранне-средневековой керамикой Предкавказья, Подонья, Приазовья, Среднего Поволжья, Северо-Восточной Болгарии — тех областей, где распространилась салтово-маяцкая культура в ее различных локальных вариантах (11, с. 185—186) или же тех областей, которые были связаны культурно-экономическими или иными (этническими) контактами с Северо-Восточным Кавказом (17, с. 130—131). На формирование керамического производства Хазарии значительное влияние оказало керамическое искусство Восточного Кавказа, имеющее давние и высокоразвитые традиции.

В эпоху раннего средневековья в Северо-Восточном Дагестане значительной степени совершенства достигла и художественная обработка металла. Среди большого выразительного в художественном отношении и разнообразного материала по металлообработке, полученного в результате раскопок могильников у сел. Верхний Чирюрт представлены изделия из золота, серебра и, больше всего, из бронзы (18). Ряд высокохудожественных изделий ювелирного искусства, вероятно, является привозным в результате торговых сделок из других, скорее всего южных (Закавказье) областей или служит частью добычи, захваченной во время хазарских войн.

Во многих изделиях художественного металлообрабатывающего ремесла (пряжек, деталей наборных поясов, различных украшений и др.) Северо-Восточного Дагестана прослеживаются стилистические черты, характерные для раннесредневекового прикладного искусства Евразии.

Мы, к сожалению, не можем достаточно полно судить о всем богатстве и роскоши хазарской знати, в собственности которых находились многочисленные изделия ювелирного искусства, предметы торевтики и т. д. ввиду того, что погребения хазар были ограблены, вероятно, еще в древности, а дошедшие до нас изделия — это всего лишь случайные и жалкие остатки, которые оставили грабители в спешке и суматохе.

В целом же в прикладном искусстве Северо-Восточного Дагестана наблюдается синкретизм (19, с. 81), слияние традиций различных культур — кочевников степей и оседлых народов. Все это находит объяснение в том, что в Хазарский каганат входили разноэтнические кочевые и полукочевые народы, которые впитали культуру разоренных ими племен и народов и сами они подверглись влиянию более цивилизованных стран, с которыми постоянно воссали, торговали или вступали в дипломатические отношения (11, с. 182).

Следует отметить, что культура Северо-Восточного Дагестана оказывала определенное влияние на культуру прилегающей к ней части предгорья, в какой-то степени и горного Дагестана, где в VIII—X вв. получает распространение образцы керамической посуды и различные металлические изделия (украшения, зеркала, наборные пояса и т. д.), характерные для дагестанского варианта салтово-маяцкой культуры, что особенно заметно, например, в материалах Агачкалинского, Верхнекарапайского и других синхронных им могильников VIII—X вв.

Оригинальное и самобытное прикладное искусство сформировалось в раннем средневековье в высокогорной части западного и центрального Дагестана, которое в целом довольно резко отличалось от прикладного искусства северо-восточного, предгорного и южного Дагестана.

Своеобразие и особенности художественного ремесла и культуры в целом западного и центрального Дагестана отчетливо прослеживается на материалах Бежтинского могильника VIII—X вв., среди которых особенно выделяются ажурные литые бронзовые пряжки с зооморфными изображениями (20, 149—156, рис. 2—5; 21; 22; 23; 24), диадемы, браслеты, бляхи, подвески, фибулы и другие изделия из цветных металлов, отличающихся единством художественного стиля и профессиональным мастерством исполнения.

Эти изделия характеризуют высокий для своего времени уровень развития художественного ремесла западного Дагестана, особенно художественную обработку металла, достигшего к VIII—X вв. значительной степени совершенства.

Наиболее оригинальными и выразительными в художественном отношении среди этих изделий являются литые ажурные пряжки с зооморфными изображениями. Они прошли длительный путь своего развития и бытовали в течение долгого времени. В их формах, в приемах трактовки воспроизведенных на них животных (лошадей, оленей, козлов, баранов, медведей) и орнаментальных

мотивов, а также в их сюжетных композициях отчетливо проступают очень древние, восходящие к I тыс. до н. э., глубоко укоренившиеся и творчески переработанные местными мастерами традиции высокоразвитого художественного ремесла племен кобанской культуры Центрального Кавказа (25).

По своим художественно-стилистическим особенностям они выступают очень своеобразными и весьма оригинальными изделиями прикладного искусства западного Дагестана, где в раннем средневековье сложился яркий и развитый очаг художественной обработки металла. Пряжки вместе с другими изделиями художественного ремесла — различных бронзовых украшений и предметов туалета — подвесок, бляшек, браслетов, гривен, диадем и др., а также керамической посуды из западного и центрального Дагестана в значительной мере определили локальное своеобразие средневековой художественной культуры дидойско-цезских районов многоэтничского горного края, где долго и стойко сохранялись древние традиции.

Некоторые архаические черты сохраняются впрочем, не только в форме и особенностях декоративной отделки пряжек, но и других изделий — круглых ажурных блях, пластинчатых диадем, браслетов, массивных шейных гривен, подвесок и т. п. из Бежтинского могильника. Древние архаические формы засвидетельствованы и в других областях средневековой материальной культуры горного Дагестана — в формах и декоративной отделке бытовой утвари (26), в народном зодчестве и архитектурном декоре (27; 28; 29; 30) и т. д.

Причины стойкости древних черт в материальной культуре, в том числе и в художественном ремесле высокогорного Дагестана те же, что были присущи и для других горных районов Северного Кавказа: затяжной, замедленный характер социально-экономического развития этих районов, обусловленный изоляцией их на протяжении многих столетий (31, с. 3, 19), консерватизм общественных отношений и бытового уклада и др.

Исследователи уже обращали внимание на разительное отличие культуры, представленной Бежтинским могильником, от культуры других районов Дагестана вообще (32, с. 361). Как справедливо отмечает Р. М. Мунчаев, «при всех очевидных соответствиях, которые имеют материалы Бежты в синхронных памятниках сопредельных районов Дагестана и Закавказья, совершенно ясна самобытность и исключительная специфичность ее культуры. Такой она, по-видимому, была и в более глубокой древности. Такой самобытной культура дидойских районов... оставалась и до самого недавнего времени» (33, с. 270).

Последние исследования историков, этнографов, архитекторов подтверждают, что культура дидойско-цезских районов горного Дагестана действительно вплоть до недавнего времени оставалась самобытной и весьма своеобразной (30; 34; 35; 36, с. 4).

Вместе с тем представляется несомненным, что западный Дагестан в древности и в эпоху средневековья поддерживал очень

тесные торгово-экономические, политические и культурные связи с непосредственно граничащими с ним областями Закавказья (2, с. 57; 37; 38), а это обстоятельство наложило заметный отпечаток на средневековую культуру, в том числе и на художественное ремесло, дидойско-цезских районов высокогорного западного Дагестана.

В историко-археологическом отношении западный Дагестан изучен очень слабо. Кроме Бежтинского могильника и нескольких культовых мест здесь не исследованы другие памятники. Поэтому выяснить истоки культуры и прикладного искусства этой части Дагестана с необходимой полнотой пока трудно.

Другой яркий и развитый очаг художественного ремесла в средневековое время сложился в районе кубачино-даргинского нагорья, наиболее крупным центром которого являлся аул Кубачи, известный по средневековым восточным источникам как Зирехгеран. В археологическом отношении и этот район совершенно не изучен. Поэтому вопросы генезиса художественного ремесла Кубачи остаются еще в должной мере невыясненными. О степени развития художественного ремесла в раннем средневековье можно судить лишь по изделиям тореvтики VI—VIII вв. (бронзовые кувшины, водолеи, блюда, подносы и т. д.) эрмитажного собрания, происходящие из сел. Кубачи.

Академик И. А. Орбели и член-корр. АН СССР К. В. Тревер первоначально относили их «к той группе памятников, которые являются вкладом народов Закавказья в сокровищницу сасанидского искусства» (39, с. XIV—XV). Впоследствии К. В. Тревер, тщательно изучив эти изделия и выявив «специфические особенности, характеризующие группу предметов, обнаруженных в аулах горного Дагестана» сделал заключение о том, что одним из основных центров их производства был район аула Кубачи (40, с. 333—334).

Вопрос о месте производства, точной научной атрибуции изделий тореvтики, попавших «в музей из живого быта, с полок домов в аулах Кубачи, Гуниб и др., где они бережно хранились с незапамятных времен и передавались из рода в род» (39, с. XVI), требует еще основательной разработки. Но тот факт, что самая богатая коллекция предметов раннесредневековой тореvтики эрмитажного собрания, которая по своему количеству превосходит все коллекции музеев мира вместе взятых, происходит за единичными исключениями из Дагестана (39, с. XVI), и в частности из Кубачи, служит свидетельством правоты мнения К. В. Тревер о том, что одним из центров производства их было сел. Кубачи. И тот высокий уровень развития художественной обработки металла, который достиг в XIII—XV вв. в сел. Кубачи, судя по сохранившимся до нас довольно многочисленным литым бронзовым котлам, а также по сообщениям средневековых авторов (Андалуси ал-Гарнати, XII в., Закерия ал-Казвини, XIII в. и др.) (41, с. 50; 42, с. 108—109) связан, надо полагать, с дальнейшим развитием

традиций художественного металлообрабатывающего ремесла, восходящих к эпохе раннего средневековья.

До последнего времени мы не располагали археологическими материалами, в какой-то мере подтверждающими наличие производства в раннем средневековье в районе кубачино-даргинского нагорья предметов тореvтики. Этот пробел был выполнен находкой в 1977 г. в каменной гробнице на окраине сел. Ираги Дахадаевского района (примерно в 30 км от сел. Кубачи) в числе различных керамических сосудов, культовых предметов и высокохудожественных ювелирных изделий серебряного блюда, относящегося к IV—V в. н. э.) (43). Блюдо в виде низкой фиалы (диам. 22, выс. 4,8 см) с широкими утолщенными краями на низком кольцевом поддоне отделано чеканным рельефным орнаментом, а также черневым узором и позолотой, частично уже сошедшей. обстоятельно исследовавший блюдо О. М. Давудов рассматривает его как изделие местного мастера, хорошо знакомого с традициями производства тореvтики Центрального Кавказа (43, с. 86).

Можно привести еще пример в подтверждение мысли о наличии в раннем средневековье в сел. Кубачи производства изделий тореvтики. Там вплоть до наших дней сохранились традиции изготовления различных медных и латунных изделий весьма архаической формы с применением тех же декоративных и технических приемов их изготовления, что и в древности — путемковки, рельефной чеканки и соединения деталей (составных частей) с помощью заклепок, а также доработки декоративного убранства изделий чеканным точечным и пунсонным орнаментом. Именно с применением таких декоративно-технических приемов изготовлены широко используемые и ныне в быту кубачинцев медные и латунные водоносные сосуды «мучгал», «кутка», сосуд ритуального назначения «нукнус», кованные медные и латунные крышки к бронзовым котлам и др.

Выдающийся советский археолог-кавказовед Е. И. Крупнов в своей рецензии на книгу известного этнографа-дагестановеда Е. М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура» (44, 45, с. 244), обратил внимание на то важное обстоятельство, что многие из металлообрабатывающих производств сел. Кубачи по своим архаическим техническим приемам изготовления и декоративным приемам отделки восходят к очень глубокой древности, и в силу исключительной устойчивости традиций дожили до современной этнографической действительности.

Формирование и развитие средневекового художественного ремесла кубачино-даргинского нагорья протекало на основе достижений прикладного искусства предшествующих эпох и в тесном контакте и взаимодействии с искусством других регионов Дагестана, а также Закавказья и стран Среднего и Ближнего Востока. В культурном отношении эта часть Дагестана была издавна тесно связана с Восточным Закавказьем, а через него с Ближним Востоком. Начиная с VIII в. связи эти усиливаются и приобре-

тают более регулярный характер. Политические, культурные, торгово-экономические связи в значительной мере осуществлялись через город Дербент, ставший в эпоху средневековья крупным центром развитого ремесла, торговли, культуры (46, с. 135—143).

Необычайно высокий подъем художественного ремесла в районе кубачино-даргинского нагорья наблюдается в XII—XV вв., когда здесь в большой степени совершенства достигли художественная резьба по камню и дереву, стукковая резьба, изготовление различных металлических изделий и утвари, искусство художественного бронзового литья, гончарное производство, строительное дело. Характерной особенностью средневекового художественного ремесла XII—XV вв. кубачино-даргинского нагорья было очень широкое распространение орнамента растительных форм в его бесчисленном многообразии мотивов и композиционных схем, органическое соединение — синтез в архитектурном декоре и в отделке разнообразных изделий прикладного искусства изобразительных сюжетов и орнаментальных мотивов, широкое использование в декоративных целях арабского письма, взаимосвязь различных видов художественного ремесла.

Следует отметить, что изобразительная тематика и растительная орнаментика получили в средневековое время значительное распространение не только в художественном ремесле кубачино-даргинского нагорья. Близкие к кубачинским растительные орнаментальные формы и эпиграфический узор хорошо представлены в художественной резьбе надмогильных памятников XV—XVII вв. сел. Кумух и других лакских селений (Хури, Хурукра и др.). Но резьба этих памятников выполнена в своеобразном стиле, получившем условное название «шамхальский» (47, с. 46; 48, с. 381—382).

В центральном Дагестане зооморфные сюжеты нашли воплощение в памятниках камнерезного искусства (плита с рельефными изображениями львов, птиц и орнамента из сел. Гонода (49, с. 69—70, табл. 77), каменная база колонны из Буйнакса (49, с. 71—72, табл. 88—91) с изображениями всадников на тульпаре (крылатом коне) и на слоне, а также павлина и терзающего грифона, скульптурное изображение хищника кошачьей породы из раскопок Нижнечуглинского городища (50, с. 117) и т. д.) и на изделиях мелкой металлопластики (зооморфные пряжки, браслеты, бляшки из раскопок Аркаского городища и могильника)*.

Но в культурном отношении западный и центральный Дагестан был тесно связан с граничащей с ним Грузией.

Культурные веяния, шедшие со стороны Грузии — одного из высокоразвитых и передовых для своего времени областей Кавказа, — затрагивали не только духовную сферу (51, с. 165—168), но

и материальную культуру, в том числе и художественные ремесла (резьба по камню и дереву, керамика и т. д.) (52; 53).

В памятниках средневекового декоративно-прикладного искусства кубачино-даргинского нагорья, в тематике их декора, в изобразительных сюжетах и орнаментальных мотивах резных камней, бронзовых котлов, стукковых рельефов, памятников резьбы по дереву и т. д. проступают определенные черты сходства с искусством Восточного Закавказья, а также Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем набор сюжетов и образов, воплощенных в изделиях художественного ремесла, приемы трактовки и композиционного решения образов, многочастных изобразительных сюжетов, а также орнаментальных мотивов, характерные для искусства кубачино-даргинского нагорья, существенно отличает последнее от средневекового искусства Закавказья и стран Среднего и Ближнего Востока. Художественное ремесло кубачино-даргинского нагорья эпохи средневековья при наличии ряда сходных черт с художественным ремеслом других регионов, отмечено печатью неповторимого своеобразия и оригинальной самобытности.

На протяжении многих веков сел. Кубачи выступал крупным центром художественного ремесла Дагестана, который сыграл большую и важную роль в развитии декоративно-прикладного искусства горного края.

В XIII—XV вв. это селение выступало не только центром ремесла, но и оживленной торговли. Через него пролегал торговый путь, ведущий из Дербента и Восточного Закавказья в нагорный Дагестан и далее на Центральный и Северный Кавказ. Развитие торговли способствовало не только подъему ремесленного производства, но и обогащению его традиций, декоративно-технических приемов изготовления изделий. В процессе торговли в Кубачи привозились и оседали здесь самые разнообразные изделия художественного ремесла стран Востока — образцы высокохудожественной керамики, металлические изделия, ткани и др., из которых местные мастера заимствовали в творческом переосмыслении и переработке формы изделий, декоративно-технические приемы их отделки, изобразительные сюжеты и орнаментальные мотивы.

Известно, что ремесленники самая подвижная часть населения, которая в поисках заработка, в целях сбыта своих изделий переходили из селения в селение, из города в город, нередко пересекали границы близких и отдаленных от их родины областей и стран, где усваивались ими достижения в ремеслах и культуре других народов, а затем переносили все это в другие области или же на родную землю. И не удивительно, схожие формы изделий, близкие по трактовке и стилю изобразительные сюжеты, образы, орнаментальные мотивы, а также декоративно-технические приемы оказываются распространенными в чрезвычайно обширных регионах, у самых различных по этническому составу народов. Однако, как отмечает В. П. Даркевич, средневековый мастер никогда не ограничивался пассивным копированием или эклектическим сочетанием разнородных элементов. Мотивы, почерпнутые из источников раз-

* Аркаское городище и могильник исследовал ныне покойный Д. М. Атаев. Материалы исследования их не опубликованы, они хранятся в археологических фондах Института ИЯЛ.

личного происхождения, творчески перерабатывались в местной художественной среде как со стороны формы, так и содержания. Фигуры компоновались по-новому и преобразовывались под влиянием местного стиля (54, с. 29).

С укреплением позиции ислама в художественном ремесле кубачино-даргинского нагорья усиливается орнаментализм, постепенно вытесняя при этом изобразительность. Ни в XVI в., ни в последующие столетия — вплоть до Октябрьской социалистической революции народное изобразительное искусство не получило столь яркого развития, какое было достигнуто в XIV—XV вв.

Рассматривая особенности формирования и развития средневекового художественного ремесла Дагестана нельзя не коснуться и Южного Дагестана, где искони проживает в основном народности лезгинской группы — собственно лезгины, табасаранцы, рутулы, цахуры, агулы (47, с. 23—25, 41—47, 65—84; 55, с. 102—225; 56, с. 503—554; 57, с. 12; 58, с. 41—48, 71—79; 59; 60; 61; 62). Однако ограниченные рамки данной работы не позволяют, к сожалению, подробно остановиться на этом вопросе.

Несомненно, что те характерные черты их материальной и духовной культуры, которые исследованы этнографами, историками, филологами, искусствоведами, уходят своими корнями в очень далекое прошлое, что находит свое подтверждение в археологических материалах. Проживая территориально близко к Восточному Закавказью — Азербайджану* народности лезгинской группы издавна поддерживали тесные экономические, культурные, этнические связи с азербайджанцами, а это обстоятельство сказалось на их культуре в целом, в том числе и на художественном ремесле. Это достаточно отчетливо проявляется в резьбе по камню и дереву, и особенно в таких традиционных, высокоразвитых видах ремесла, как керамическое производство и искусство ковроделия. Тесно связанное с богатейшими традициями искусства азербайджанского ковроделия, ковроткачество лезгин, по имеющимся сведениям, еще в средние века получило широкое распространение и было известно далеко за пределами края. Оно и в настоящее время является высокоразвитым и широко распространенным видом народных художественных промыслов, которым славится Южный Дагестан.

Вместе с тем надо отметить, что имея много общего в материальной и духовной культуре других народов Дагестана, а также Восточного Закавказья, культура лезгинской группы народностей имеет яркие, самобытные, оригинальные, только ей присущие черты, проявляющиеся в их языке, обрядах, традициях, в фольклоре, музыке, народном зодчестве, искусстве прикладных форм и т. д. Создав немало бесценных памятников декоративно-прикладного искусства, народности лезгинской группы наряду с дру-

* Значительная часть лезгин по современному административно-территориальному делению проживает в Азербайджанской ССР — в Кусарском, Кубинском, Худатском, Куткашенском и Кунахкентском районах.

гими народами Дагестана внесли вклад в богатое культурное наследие дагестанских народов, в сокровищницу художественной культуры нашей многонациональной страны.

В заключение отметим, что успехи и творческие достижения средневековых мастеров в различных видах художественных ремесел — в резьбе по камню и дереву, в художественной обработке металла, в ткачестве, в костерезном деле, в керамическом производстве, в богатейшем орнаментальном творчестве и т. д. послужили той основой, на которой выросло многообразное в своем проявлении, яркое и самобытное искусство художественных промыслов Дагестана XIX—XX вв.

* * *

1 Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве: В 2 т. М., 1976. Т. I.

2 Магомедов Р. История Дагестана. Махачкала, 1968.

3 Магомедов Р. М. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Сев. Кавказа: Регион. науч. конф. Тез. докл. Махачкала, 1980.

4 Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

5 Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.

6 Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневосточный город Средней Азии. Л., 1973.

7 История искусства народов СССР: В 9 т. М., 1973. Т. 2.

8 Маммаев М. М. О влиянии ислама на средневековое изобразительное творчество народов Дагестана // Худож. культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.

9 Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.

10 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

11 Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.

12 Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.

13 Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

14 Магомедов М. Г. Верхнечирюртовское городище // Учен. зап. ИИЯЛ. 1969. Т. XIX. Сер. обществ. наук.

15 Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане // СА. 1975. № 2.

16 Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреяульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

17 Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Вост. Европа в древности. М., 1973.

18 Магомедов М. Г. Украшения из верхнечирюртовских могильников // Нар. декор.-прикл. искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.

19 Маммаев М. М. Художественная обработка металла в средневековом Дагестане. Некоторые вопросы формирования и развития: Тез. докл. // La formation et le développement des métiers au moyen âge (V-e—XIV-e siècles). Colloque international. Budapest, 1973; Budapest, 1977.

- 20 *Атаев Д. М.* Поясные пряжки из Нагорного Дагестана // СА. 1962. № 2.
- 21 *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
- 22 *Атаев Д. М.* Некоторые вопросы истории искусства народов Дагестана // Искусство Дагестана. Махачкала, 1965.
- 23 *Давудов О. М.* Еще раз о пряжках бежтинского типа // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
- 24 *Магомедов Д. М., Маммаев М. М.* Новые находки изделий средневекового прикладного искусства из сел. Бежта (Капуча) // Нар. декор.-прикл. искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.
- 25 *Маммаев М. М.* Кобанские традиции в средневековом декоративно-прикладном искусстве Нагорного Дагестана // VIII Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа: Тез. докл. Нальчик, 1978.
- 26 *Миллер А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии России. Л., 1927. Т. IV. Вып. I.
- 27 *Мовчан Г. Я.* Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ 1947. № 4.
- 28 *Мовчан Г. Я.* Местные архитектурные школы в старинном аварском домостроительстве // Зодчество Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1974.
- 29 *Мовчан Г. Я.* Социологическая характеристика старого аварского жилища // КЭС, М., 1972. Вып. V.
- 30 Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
- 31 *Батчаев В. М.* Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
- 32 *Котович В. Г., Шейхов Н. Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Учен. Зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1960. Т. VIII.
- 33 *Мунчаев Р. М.* Рецензия // СА. 1965. № 4. — Рец. на кн.: *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
- 34 *Шиллинг Е. М.* Народы андо-цезской группы // РФ ИИЯЛ, Ф. 5. Оп. 1. Д. № 37.
- 35 *Магомедов Д. М.* Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII—нач. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977.
- 36 *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981.
- 37 *Гасанов М. Р.* Из истории дагестапо-грузинских взаимоотношений (с древнейш. времен до конца XIV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1968.
- 38 *Магомедов Д. М.* Из истории экономических и политических взаимоотношений народов западного Дагестана с Грузией // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
- 39 *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл: Худож. предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935.
- 40 *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры Кавказской Албании. М.; Л., 1959.
- 41 Путешествие Абу Хамида ал-Гарпати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153) / Публ. Большакова О. Г., Монгайт А. Л. М., 1971.
- 42 *Шихсаидов А. Р.* Закарийа ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досов. Дагестана. Махачкала, 1987.
- 43 *Давудов О. М.* Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы // СА 1984. № 1.
- 44 *Крупнов Е. И.* Новая работа по культуре народов Дагестана // Даг. правда. 1950. 31 мая.
- 45 *Крупнов Е. И.* Рецензия // СЭ. 1950. № 2. — Рец. на кн.: *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура: Историко-этногр. этюды. М.; Л., 1947.
- 46 *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982.
- 47 *Дебилов П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
- 48 *Лавров Л. И.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции // СМАЭ. М.; Л., 1957. Т. XVII.
- 49 *Башкиров А. С.* Искусство Дагестана: Резные камни. М., 1931.
- 50 *Гаджиев М., Абакаров А., Маммаев М.* Раскопки Нижнечуглинского городища // АО 1975 г. М., 1976.
- 51 История Дагестана: В 4 т. т. М., 1967. Т. I.
- 52 *Дебилов П.* Следы грузино-дагестанских контактов в средневековых памятниках монументально-декоративного искусства Дагестана: (Докл. на II Междунар. симпозиуме по грузин. искусству). Тбилиси, 1977.
- 53 *Иванов А.* О связях Грузии и Дагестана в XIV—XV вв.: (Докл. на II Междунар. симпозиуме по грузин. искусству). Тбилиси, 1977.
- 54 *Даркевич В. П.* Путиями средневековых мастеров. М., 1972.
- 55 Народы Дагестана: Сб. ст. М., 1955.
- 56 Народы Кавказа: Этногр. очерки: В 2 т. Т. I. М., 1960.
- 57 *Дебилов П. М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
- 58 *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
- 59 *Ихилев М. М.* Народности лезгинской группы: Этногр. исслед. прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967.
- 60 *Хан-Магомедов С. О.* Лезгинское народное зодчество. М., 1969.
- 61 Агулы: (Сб. ст. по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975.
- 62 *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин. XIX—нач. XX в. М., 1978.

А. Р. Магомедов

К ИЗУЧЕНИЮ РЕМЕСЛА В ХОЗЯЙСТВЕ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ ДАГЕСТАНА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Среди специальной литературы, затрагивающей вопросы хозяйства средневекового Дагестана, наибольшую группу составляют работы, посвященные ремеслу, вернее, разным его сторонам. Преобладающая их часть имеет искусствоведческий характер. Таковы все монографические работы о дагестанских художественных ремеслах. Немалую долю исследований составляют работы археологического и этнографического плана. Что же касается технико-экономической стороны народных промыслов в Дагестане, их места и удельного веса в хозяйственной жизни горского населения, то эта проблематика затронута главным образом в исследованиях XIX—XX вв. Постановка такого рода вопросов о более раннем периоде (XV—XVII вв.) наблюдается лишь в работах последних трех десятилетий, но до сих пор не осуществлено всестороннее монографическое исследование дагестанских средневековых ремесленных промыслов.

В данной статье мы ставим задачу выяснить место ремесла в экономике дагестанского горского населения XV—XVII вв. и факторы, воздействовавшие на оформление и развитие разнообразных направлений ремесла (металлургия и металлообработка, гончарство, ткачество, обработка камня, дерева, кожи, шерсти и т. п.).

Наиболее ранние работы, специально посвященные ремеслам Северного Кавказа и Дагестана, появились еще в XIX в. Однако, признавая всю ценность фактического материала, зафиксированного О. Евецким (1), А. В. Комаровым (2), О. В. Маркграфом (3), Е. И. Козубским (4, 5), А. С. Пираловым (6) приходится признать, что для решения исследуемых нами вопросов они дают в общем немного — некоторый сравнительный материал и технические детали.

Искусствоведческие и археологические работы акад. Дорна Б. А. (7), а позже академика Орбели И. А. (8), Тревер К. В. (9), Бакланова Н. Б. (10), Башкирова А. С. (11), Алиханова Р. (12, 13), Дебирова П. М. (14, 15, 16, 17), Хан-Магомедова С. О. (18, 19, 20), Маммаева М. М. (21, 22, 23), Мовчана Г. А. (24, 25), Иванова А. (26, 27), посвященные тому или иному ху-

дожественному ремеслу Дагестана, почти не касаются историко-экономической стороны дела. Вместе с тем для нашей задачи представляют несомненную пользу установленные ими датировки материала, наблюдения над технической стороной промыслов, прослеживаемые связи средневековых ремесел Дагестана с ремеслами других народов.

К работам, непосредственно затрагивающим историко-экономический аспект средневековых ремесел Дагестана, следует прежде всего отнести этнографические труды Е. М. Шиллинга (28, 29, 30, 31). В них содержится немало положений чисто исторического характера (включая и интересующую нас историко-экономическую сторону горских ремесел), убедительно обоснованных этнографическим материалом, в некоторых случаях и письменными источниками. Преобладают данные о средневековом очаге металлообработки — Кубачи — Амузги — Харбук. Работы Е. М. Шиллинга отличаются достоверностью и полнотой, широчайшим привлечением материала из различных областей науки, всесторонним подходом к изучаемым явлениям, оригинальностью выводов и построений.

Заметным вкладом в изучение традиционных ремесел Дагестана явилась монография Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова (32) — по сути первый общий искусствоведческо-этнографический обзор по данной теме. В основу работы положен главным образом материал XIX—XX вв., реже XVIII в., описанию каждого промысла предпослан краткий исторический обзор его зарождения и развития. Некоторые положения этой монографии не потеряли своей актуальности до сих пор.

Последующие работы Э. В. Кильчевской (33, 34), посвященные отдельным художественным промыслам Дагестана, носят сугубо искусствоведческий характер, но публикуемый в них фактический материал представляет несомненный интерес и для рассмотрения нашей темы.

Этнографическая работа С. Ш. Гаджиевой (35) о ткачестве, обработке кож и шерсти у даргинцев открывается хронологической подборкой свидетельств археологических и письменных источников по теме. Весьма любопытны сведения о местах добычи железной руды в предгорьях, приводимые в монографии С. Ш. Гаджиевой (36, с. 93—94).

В монографии Р. М. Магомедова (37, с. 378—379) рассматривается историческое развитие Дагестана XVIII — начала XIX вв. Методологический подход к материалу о ремесле и торговле, прежде всего классификация его в соответствии со степенями развития промыслов, выделенными В. И. Лениным (38, с. 328—335), может быть использована и для более раннего периода.

В обобщенных этнографических работах С. Ш. Гаджиевой, М. О. Османова, А. Г. Пашаевой (39), С. С. Агашириновой (40), С. Х. Асиятилова (41, 42) и др. (43, 44) о дагестанских народных промыслах содержится целый ряд интересных исторических наблюдений и выводов. Так, например, С. А. Асиятилов справед-

ливо сомневается в том, что малоземелье было единственной причиной развития ремесел у дагестанцев (не отрицая, впрочем, важной роли этого фактора). Интересны его сопоставления ремесленных очагов и зон с распространением других хозяйственных занятий горцев, а также искусствоведческие и лингвистические наблюдения по истории горских ремесел.

Исследования А. Р. Шихсаидова (45, 46), сделанные на эпиграфическом материале, позволили ему прийти к выводу о бытовании в средневековом Дагестане строительного дела как развитого профессионального занятия. Автору удалось проследить некоторые особенности развития и организации строительного дела в Горном Дагестане, а также его связей с сопредельными землями с XI в. Основные положения А. Р. Шихсаидова согласуются с историко-архитектурными исследованиями С. О. Хан-Магомедова и Г. Я. Мовчана.

Исследование А. Р. Шихсаидовым эпиграфики на бронзовых котлах из Кубачи (47, с. 38—44) проясняет обстоятельства их производства и бытования в XIII—XIV вв. При этом некоторые положения автора проливают свет на состояние бронзолитейного дела в Дагестане XV в. и последующего времени.

Небольшая статья А. Г. Булатовой (48) остается пока единственной работой, посвященной очагу традиционного гончарного промысла в с. Джули, в которой дан анализ орнаментики, заставляющий думать о значительной древности этого очага керамического производства.

Сведения о промышленных занятиях горцев XV—XVII вв. опираются в основном на письменные, эпиграфические и вещественные источники, поддающиеся в той или иной мере датировке и локализации в отличие от материалов этнографических и фольклорных (последние играют поэтому лишь вспомогательную роль для данного периода).

Как и все факты экономического развития в письменных источниках XV—XVIII вв., сообщения о промышленных занятиях скудны, отрывочны и рассеяны по различным сочинениям.

Наиболее ранние сведения о ремеслах содержатся в «Перечне податей шамхалу» конца XV в. (сюргинский холст) (49, с. 5), Упоминания в «Завещании Андуника» (1485 г.) (50, с. 84) и «Соглашении эргенов Кутиша с Чупанилавом» (51, с. 205) (1499 г.) некоторых фабрикатов не столь убедительны, так как там нет никаких сведений о месте их выделки.

Аналогичную картину представляют сведения письменных источников XVI в.: можно не сомневаться в местном производстве войлока в Анди, пороха в Зирихгеране, продолжающегося развития ткачества в Сирге, о которых свидетельствует «Перечень податей шамхалов» (52, с. 109) в редакции конца XVI в. Однако ткани, ювелирные и шорные изделия, упоминаемые в различных соглашениях этого времени, заключенных в Хунзахе (53, с. 222), Губдене (54, с. 240). Рис-Оре (55, 79), могут с равной вероятностью оказаться предметами и местного производства, и импорта

Среди письменных источников XVII в. преобладают юридические кодексы («Кодекс Рустем-хана», «Гидатлинские адаты», адаты Келеба и Андалала, а также «Свод заповедных эвконов Кайтаг-Дарго») и соглашения (Соглашения между селами Миц и Ригитль, Ансуб и Исаниб), но встречаются и нарративные произведения (Повествование о гибели Турлава б. Алихана).

Общий объем письменных источников, дошедших до нас от XVII в. заметно превышает письменный материал XV—XVI вв. — соответственно возрастает и число содержащихся в них сведений о промышленных занятиях и изделиях в Горном Дагестане. Часто упоминается холодное и огнестрельное оружие, медные котлы, шелк, но как и для XV—XVI в., здесь нет так же указаний на место их производства. Напротив, ясно указаны центры местного производства конопляных тканей, сукна, бурок. Начинают встречаться определенные указания на домашние промыслы и на существование специалистов-ремесленников разного рода.

Эпиграфический материал XV—XVII вв. дает в основном сведения о строительном деле в Горном Дагестане, в том числе о его организации, специализации и т. п. (56). Крайне редко встречаются в эпиграфике указания на другие промышленные занятия горцев (57, с. 44).

Вещественные памятники составляют своеобразный род источников, значительно расширяющий источниковедческую базу исследования горских промыслов XV—XVII вв. При использовании этого материала невозможно обойтись без учета данных смежных дисциплин, в первую очередь искусствоведения (о датировке, происхождении, связях, технологии, ремесленных очагах и школах и т. п.), в особенности если речь идет о **художественных** ремеслах горцев. Для интерпретации вещественного материала XV—XVII вв. (не только художественного) могут быть полезны и данные этнографии и фольклора.

Нынешний уровень изученности вещественного материала позволяет достаточно обоснованно воссоздать картину литейного дела, резьбы по камню в XV—XVII вв., а также в какой-то степени представить состояние художественной обработки драгоценных и цветных металлов, резьбы по дереву, бумагоделания, гончарства.

Отметим, что в фондах музеев Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Махачкалы, а в последнее время и в школьных краеведческих музеях и даже частных коллекциях накопилось значительное количество средневековых изделий, пока не подвергшихся специальному изучению, не получивших определенной датировки и атрибуции. Можно смело утверждать, что их научная обработка выявила бы среди них немалую долю продукции дагестанских мастеров, в том числе относящиеся и к XV—XVII вв. Таким образом, обработка имеющегося материала сильно расширила бы наши представления о средневековых ремеслах Дагестана — пока же эти материалы ждут своих исследователей.

Если обратиться к нынешним археологическим исследованиям

средневековых памятников, то легко заметить, что раскопаны лишь единицы поселений послемонгольского времени (Аркас, Кишили, Сенгаши). Что же касается памятников XV—XVII вв., то они пока не привлекли внимания археологов. Между тем вполне понятно, что основательные стационарные раскопки хотя бы одного средневекового горного поселения, доведенные до конца, дали бы многосторонний материал к характеристике самых различных областей материальной и духовной культуры горцев XV—XVII вв.

В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» выделяет шесть стадийных форм в развитии крестьянского промышленного производства (37, с. 329—225, 377—380). По крайней мере три из них отчетливо прослеживаются в горском хозяйстве XV—XVII вв. (домашние промыслы, ремесленная работа на заказ и мелкотоварное производство на рынок)*. Показательно, что все три, по В. И. Ленину, выступают в соединении с патриархальным (т. е. натуральным) земледелием (3, с. 378).

Домашние промыслы были самым распространенным видом промышленных занятий крестьян-горцев. «Этот вид соединения крестьянских «промыслов» с земледелием наиболее типичен для средневекового хозяйственного режима; будучи необходимой составной частью этого режима» (37, с. 378) — таким образом, по этому признаку хозяйство средневекового горного Дагестана аналогично большей части феодальных обществ. Крестьянин, оставаясь земледельцем, сам вместе с членами семьи производил в своем хозяйстве все виды работ, начиная от добывания сырья и переработки до подготовки к потреблению. Таким путем он стремился удовлетворить все свои потребности в одежде, обуви, жилище, утвари, средствах транспорта и т. п. На этом уровне мы не можем делить крестьян на категории промышленных специальностей. В каждом селе занимались всеми необходимыми промыслами, обучаясь всем техническим приемам и знаниям у себя дома (от отца к сыну и т. д.). Домашние промыслы сохранились в большинстве горских хозяйств вплоть до коллективизации.

Следующая стадийная форма промышленных занятий — **ремесло**** «т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой...» (37, с. 329). На этой стадии впервые создается возможность для отрыва промысла от натурального земледелия и включения производителя в товарное обращение» в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами и появляется на рынке для закупки орудий, сырья и пр.» (37, с. 378) (в этом

* Письменные источники («Гидатлинские адаты», с. 17, § 14) содержат упоминание на 4-ю стадийную форму: соединение натурального земледелия с работой по найму.

** Здесь употребляется это название в строго-реминологическом смысле. Следует, однако, отметить, что допускаются употребление его и в расширительном смысле, для обозначения всякой промысловой работы, производимой ручными орудиями, без применения машин.

самое существенное отличие данной стадии от предыдущей, т. е. ремесла от домашних промыслов). Однако в большинстве случаев ремесленник не может полностью обособиться от земледелия. Данные этнографии показывают, что даже в таких признанных ремесленных центрах как Кубачи, Амузги, Харбук, Балхар, Гочатль, Карата, Кумух, Ичичали, Анди и др. ремесленник до самого последнего времени не порывает полностью связи с земледелием и скотоводством — тем более сильной такая связь должна быть в XV—XVII вв. Заказы очень часто выполнялись в промежутках между сельхозработами или в свободный от них сезон, т. е. зимой.

На этой стадии появляется разделение труда и специализация отдельных крестьянских семей или групп семей, или даже целых сел. Следствием этого становится подтачивание натуральных основ хозяйства.

Третья стадия развития крестьянской промышленности — **мелкое товарное производство**. На этой стадии ремесленник постепенно переходит к производству изделий для продажи на рынке. Происходит превращение крестьян в товаропроизводителей. «Под товарным производством, — писал В. И. Ленин, — разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (Становящихся в силу этого товарами) на рынок» (57, с. 86—87). Делал это либо сам ремесленник, либо продажа осуществлялась через скупщика. Именно на этой стадии наиболее часто начинается применение наемного труда (37, с. 378). Переход к мелкотоварному хозяйству знаменует и определенные социальные перемены: «условием этого превращения является уже известная степень разложения крестьянства» (37, с. 378).

Кратко охарактеризовав эти три стадии развития крестьянской промышленности, наблюдаемые в Дагестане XV—XVII вв., отметим, что ни в одном, даже самом развитом ремесленном центре Дагестана они не встречались «в чистом виде»; сплошь и рядом продукция, шедшая на рынок, одновременно выполнялась по заказу и шла на удовлетворение личных нужд. Таким образом, первичные стадии служат базой для развития последующих, отчасти бывают «стеснены» последними, но никогда не поглощаются без остатка.

Краткий историографический обзор развития ремесла в Дагестане XV—XVII вв. показывает не только крайнюю скудность источниковедческой базы, но и слабую изученность даже известного материала. Опираясь на этот материал, а также на методику исследования проблемы средневекового ремесла в советской науке, мы считаем первоочередными следующие задачи:

а) попытаться определить с возможной полнотой перечень существовавших в период XV—XVII вв. ремесленных специаль-

ностей; а также номенклатуру ремесленной продукции, производившейся как для внутреннего потребления, так и на дагестанский и внешний рынок;

б) с этим тесно связано изучение технологической стороны; сбор и изучение (реконструкция в отдельных случаях) орудий производства, восстановление технологии, определение степени развития и уровня того или иного ремесла в сравнительном плане (внутреннем и внешнем); начать следовало бы с металлургии и кузнечного производства, которые представляются наиболее значимыми для экономики средневекового Дагестана;

в) несмотря на вполне очевидные трудности, постараться проследить процесс отделения ремесла от земледелия для каждого известного ремесленного центра Дагестана.

Кроме того, самоочевидна первичная задача сбора фактического материала — археографического и вещественного в первую очередь.

* * *

¹ *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.

² *Комаров А. В.* Народонаселение Дагестанской области // Кавказ. отд. императ. рус. геогр. об-ва. Тифлис, 1873. Т. VIII.

³ *Маркграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

⁴ *Козубский Е. И.* Доклад // Труды I съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. Тифлис, 1902.

⁵ *Козубский Е. И.* Памятная книжка Дагестанской области. Т.-Х.-Шура, 1895.

⁶ *Пиралов А. С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913.

⁷ *Дорн Б. А.* Отчет об ученом путешествии по Кавказу к южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861.

⁸ *Орбели И. А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1939.

⁹ *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.

¹⁰ *Бакланов Н. Б.* Златокузнецы Дагестана. М., 1926.

¹¹ *Башкиров А. С.* Искусство Дагестана: Резные камни. М., 1931.

¹² *Алиханов Р. А.* Кубачинский орнамент. М., 1963.

¹³ *Дебилов П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.

¹⁴ *Дебилов П. М.* Художественные традиции дагестанского народного искусства. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.

¹⁵ *Дебилов П. М.* Художественные традиции дагестанского народного искусства // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.

¹⁶ *Дебилов П. М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.

¹⁷ *Хан-Магомедов С. О.* Мавзолей и пиры аулов Южного Дагестана // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. I.

¹⁸ *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.

¹⁹ *Хан-Магомедов С. О.* Архитектура народов лезгинской группы (Южный Дагестан). // Традиции и современность. Махачкала, 1977.

²⁰ *Маммаев М. М.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Учен. зап. ИИЯЛ.

²¹ *Маммаев М. М.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1970. Т. 20.

²² *Маммаев М. М.* Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане. // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

²³ *Мовчан Г. Я.* Местные архитектурные школы в старинном аварском домостроительстве // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. I.

²⁴ *Мовчан Г. Я.* Композиция и образ в древнейших архитектурных памятниках Аварии.

²⁵ *Иванов А. А.* О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Л., 1976.

²⁶ *Иванов А. А.* Кубачинский бронзовый котел XIV в. // Сооб. Гос. Эрмитажа. Л., 1977. XII.

²⁷ *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949.

²⁸ *Шиллинг Е. М.* Изобразительное искусство народов горного Дагестана // Докл. и сообщ. МГУ. М., 1950. Вып. 9.

²⁹ *Шиллинг Е. М.* Ковроткачество Дагестана // СЭ. 1936. № 4—5.

³⁰ *Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

³¹ *Кильчевская Э. В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962.

³² *Кильчевская Э. В.* От изобразительности к орнаменту. М., 1968.

³³ *Гаджиева С. Ш.* Некоторые виды домашних промыслов даргинцев XIX—XX вв. (ткани, кожа, войлок). // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук.

³⁴ *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961.

³⁵ *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана XVIII—начала XIX в. Махачкала, 1957.

³⁶ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 328—335.

³⁷ *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

³⁸ *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин XIX—начала XX в. М., 1978.

³⁹ *Асиятилов С. Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. Махачкала, 1967.

⁴⁰ *Асиятилов С. Х.* Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем. // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XIII. Сер. ист.

⁴¹ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.

⁴² Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971.

⁴³ *Шихсаидов А. Р.* Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.) // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XIII. Сер. ист.

⁴⁴ *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975.

⁴⁵ *Шихсаидов А. Р.* Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.

⁴⁶ *Булатова А. Г.* Гончарное производство табасаранцев во второй половине

XIX—начале XX в. // Хозяйство народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1979. С. 82—98.

⁴⁸ *Айтберов Т. М.* Сведения по экономической истории Дагестана XV в. // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока: XIV годич. науч. сес. ЛО ИВ АН СССР. Декабрь 1978 г. М., 1979. Ч. I.

⁴⁹ *Айтберов Т. М.* Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

⁵⁰ *Магомедов Р. М.* Дагестан: Ист. этюды. Махачкала, 1975. Вып. II.

⁵¹ *Шихсаидов А. Р.* Дагестанская историческая хроника // ППВ. 1972. С. 109.

⁵² Из истории права народов Дагестана. (Материалы и док.). Махачкала, 1968. С. 222.

⁵³ *Шигабуудинов М. Ш., Айтберов Т. М.* Документы по истории средневекового Дагестана. // Вопр. истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 240.

⁵⁴ *Айтберов Т. М.* Материалы по истории Горного Дагестана XV—XVI вв. С. 79.

⁵⁵ *Шихсаидов А. Р.* Арабские строительные надписи Дагестана // Учен. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XIII. Сер. ист.

⁵⁶ *Шихсаидов А. Р.* Новые эпиграфические памятники // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980. С. 44.

⁵⁷ *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. I.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование древних производств, места и роли их в экономике общества является одной из актуальных задач в археологической науке и позволяет в известной мере определять характер и уровень развития средств производства, производительных сил и присущих им производственных отношений, уровень социально-экономического развития общества в тот или иной исторический период. Настоящий сборник явился уже третьим изданием подобного рода, посвященным изучению древних производств Дагестана (Керамика древнего и средневекового Дагестана // Сб. ст. Махачкала, 1981; Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане // Сб. ст. Махачкала, 1984). В нем нашли освещение различные промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана, что позволило расширить наши представления о производственной деятельности населения края. В сборнике рассмотрены как отдельные виды производств, так и даны обобщающие характеристики промыслов и ремесел Дагестана, исследованы вопросы их генезиса и развития, хронологии и типологии продукции древних мастеров, технология их изготовления. Проведенные исследования, основывающиеся на анализе обширного археологического, как ранее известного, так и нового материала, позволили показать степень развития различных отраслей производства, осветить отдельные аспекты социально-экономического и культурно-исторического развития Дагестана в древности и средневековье.

Вместе с тем следует отметить, что в сборнике рассмотрен небольшой круг вопросов, связанных с данной, весьма обширной темой. Многие аспекты проблемы древних производств Дагестана еще предстоит исследовать и, прежде всего, в плане раскрытия технологических характеристик древних промыслов и ремесел, показа уровня их развития (стадиальности), характера и сущности отраженной в них исторической эпохи. Предстоит еще большая работа в получении новых исторических фактов и осмыслении накопленного археологического материала.

М. С. Гаджиев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

1. Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.
2. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
3. Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
4. Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 7—38.
5. Гаджиев М. Г. О древней металлообработке в Дагестане // *Studia Praehistorica*. София, 1986. Вып. VIII. С. 32—49.
6. Гаджиев М. Г. Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 6—18.
7. Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей: Сб. ст. М.: Наука, 1980.
8. Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
9. Дебилов П. М. Резьба по стуку в средневековом Дагестане // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1964. Т. 14. Сер. ист.
10. Дебилов П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
11. Дебилов П. М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982.
12. Дебилов П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М.: Наука, 1966.
13. Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане: Сб. ст. Махачкала, 1984.
14. Зодчество Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1974. Вып. I.
15. История Дагестана: В 4 т. Т. I. М.: Наука, 1967.
16. Керамика древнего и средневекового Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1981.
17. Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
18. Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.
19. Котович В. М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965.
20. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.
21. Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982.
22. Кудрявцев А. А. О стеклоделии средневекового Дербента (VI—X вв.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 214—230.
23. Кудрявцев А. А. Резной штук средневекового Дербента // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.
24. Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г. О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА. 1983. № 1.
25. Магомедов М. Г. Образование Хларского княжества. М.: Наука, 1983.
26. Маммаев М. М. Ремесло Дагестана влжно-сарматского и раннесредневекового времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
27. Маммаев М. М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1969. Т. 19.
28. Маммаев М. М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане // Учен. зап. Даг. ФАН СССР. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1970. Т. 20.
29. Маммаев М. М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
30. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы МИА. 1960. № 93.
31. Марковин В. И. Каменные топоры с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа // МЛД. Махачкала, 1972. Т. III. С. 5—19.
32. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100.
33. Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность: Сб. ст. Махачкала, 1979.
34. Пиккуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
35. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.
36. Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв.: Опыт соц.-экон. характеристики. Махачкала, 1975.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Гаджиев М. Г.* — заведующий отделом археологии Института ИЯЛ имени Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, канд. ист. наук.
- Гаджиев М. С.* — научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, канд. ист. наук.
- Гмыря Л. Б.* — научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, канд. ист. наук.
- Гусев С. В.* — аспирант сектора славяно-русской археологии Института археологии АН СССР.
- Кудрявцев А. А.* — ведущий научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, докт. ист. наук.
- Магомедов А. Р.* — доцент кафедры всеобщей истории ДГУ им. В. И. Ленина, канд. ист. наук.
- Магомедов М. Г.* — ведущий научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, докт. ист. наук.
- Маммаев М. М.* — старший научный сотрудник отдела истории искусств Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, канд. ист. наук.
- Салихов Б. М.* — младший научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- ЗВО — Список Восточного отделения
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
- КЭС — Кавказский этнографический сборник
- ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- МАД — Материалы по археологии Дагестана
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МҚА — Материальная культура Азербайджана
- РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
- СЭ — Советская этнография
- Тр.ГИМ — Труды Государственного исторического музея
- Тр.САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
- Тр.Уз.ФАН — Труды Узбекского филиала АН СССР
- Тр.ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
- BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum
- GMS — E. J. W. Gibb Memorial Series
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Гаджиев М. С.</i> Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы	7
<i>Гаджиев М. С.</i> Ремесла и промыслы дербента албанского времени	22
<i>Гмыря Л. Б.</i> Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV—VI вв. н. э.)	36
<i>Салихов Б. М.</i> Новые материалы о ремесленном производстве Южного Дагестана (по данным Хивского могильника IV—V вв.)	47
<i>Кудрявцев А. А.</i> Стеклоделательное производство Дербента XI—середины XIII в.	64
<i>Кудрявцев А. А., Гусев С. В.</i> Мореходное дело и рыболовный промысел населения средневекового Дербента (VI—XIII вв.)	85
<i>Магомедов М. Г.</i> Основные промыслы и ремесла Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье	98
<i>Маммаев М. М.</i> О некоторых особенностях генезиса и развития средневекового художественного ремесла Дагестана	112
<i>Магомедов А. Р.</i> К изучению ремесла в хозяйстве горских обществ Дагестана в средние века	128
Заключение	137
Список литературы по теме	138
Сведения об авторах	140
Список сокращений	141

instituteofhistory.ru

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Сборник статей

Редактор *Е. И. Чернигова*
Технический редактор *Н. В. Жукова*
Художник *М.-А. Малагичинов*

Н/К

Сдано в набор 22.07.88. Подписано в печать 2.09.88.
Бумага типографская № 2. Услов. п. л. 9,0. Уч.-изд. л. 8,5.
Заказ 706. Тираж 500 экз. Цена 70 коп.

Цена 70 коп.

Дагестанский филиал Академии наук СССР
Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10